
СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

«Русской речи» 25 лет! В 1967 году состоялся ее уверенный дебют. Каждая страница уже первых номеров убеждала: журнал знает, чего хочет, к чему стремится.

«Русская речь» возникла не на пустом месте. Ей предшествовали одноименные сборники под редакцией Л. В. Щербы, а позднее — серия сборников «Вопросы культуры речи», основанная С. И. Ожеговым. У истоков журнала «Русская речь» стояли академики В. В. Виноградов, В. И. Борковский, профессора А. И. Ефимов, Е. М. Галкина-Федорук и другие известные ученые-языковеды. Читатели сразу же заметили и по достоинству оценили новый журнал. Однако продолжать его издание, оставаясь на том же уровне, не скатываясь в обочину наукообразия или, наоборот, популярничанья и пустозвонства — оказалось куда труднее. За два с половиной десятилетия пройден сложный и трудный путь — путь поиска своего лица, поиска своего читателя! Журнал бывал разным. Но никогда он не изменял себе в главном — поддерживать стремление людей к духовному обогащению, будить их интерес к русскому языку, а значит, к нашим корням. «Язык, — говорил А. И. Куприн, — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью». Наш журнал как раз и призван служить этим высоким целям.

Мы рады, что сумели сохранить своего читателя с самого первого номера. После публикации в № 2 за 1991 год анкеты редакция получила немало писем от наших подписчиков с двадцатипятилетним стажем. Мы признательны вам, наши спутники, — за преданность журналу, за любовь к русскому языку. Вы росли и менялись вместе с журналом... или журнал вместе с вами. Мы всегда были нужны друг другу. Об этом говорят и ваши письма, в которых — боль за русское слово, нетерпимость к небрежению и опошлению его, добрые слова в наш адрес.

«Журнал „Русская речь“ выписываю со дня основания и буду выписывать, пока живу. Всегда жду его, получаю с радостью. Все годовые комплекты упорядочены и тщательно хранятся в семейной библиотеке, являясь незаменимыми справочниками», за отзыв о журнале мы благодарны Вячеславу Михайловичу Тищенко (Белгородская обл.), а также Николаю Викторовичу Сырых (Новосибирск), *«сохранившему все 152 номера»,* и всем другим верным почитателям журнала.

Но для нас не менее ценны анкеты, присланные новыми подписчиками. В них мы находим подтверждение жизнненности журнала. Особенно радуют такие слова: *«Познакомилась с журналом в 1990 году, но буду выписывать всегда»* (Н. Д. Черских, Воронеж), *«с журналом я советуюсь, отсюда, нахожу в нем собеседника»* (Е. С. Кудина, Москва).

Нужно сказать, что изучение читательских анкет позволило сделать чрезвычайно важный и ко многому обязывающий вывод: «Русская речь» воспринимается большинством читателей не только в качестве «учителя русского языка», но гораздо шире: хранителя духовности, культуры. *«Журнал,— пишет Л. В. Иванова (Боготол),— помогает задуматься о смысле жизни, о культуре», «„Русская речь“ дает ток духовной энергии»* (Л. А. Перегуд, Карелия). Не случайно поэтому стремление людей больше знать *«о судьбах русской интеллигенции и событиях 1917 года в России»* (А. И. Бастриков, Красноярский край), *«о путях развития культуры»* (И. В. Шапошникова, Иркутск), философских направлениях в нашей литературе (Д. Г. Колотилова, Новосибирск).

Однако главной темой нашего издания была и остается — русская речь. И многие выписывают журнал именно потому, что он *«учит по-настоящему любить родной русский язык»* (Л. А. Песочникова, М. В. Варава, Донецк), *«расширяет кругозор, помогает раскрыть тонкости русского языка, учит правильно говорить»* (А. И. Кечетжи, Рязань). Более подробно ответил нам М. М. Ноянов (Москва): *«Журнал дает мне редкую возможность общения с родной языковой средой. Я читаю его с чувством иностранца, живущего в эмиграции и не слышащего русского слова. На работе — профессиональный жаргон, на улице, в общественных местах — откровенная брань, ставшая сейчас чуть ли не нормой, по радио и телевидению — словесная каша в устах депутатов и руководителей страны...»*

«Журнал необходим, очень нужен» — эти слова повторяются почти в каждом письме, но в них же мы читаем: *«О „Русской речи“ узнала случайно», «до недавнего времени я и не подозревал о существовании вашего журнала»*. Действительно, очень незначительное количество экземпляров (от трех до шести тысяч) поступает в розничную продажу, так что приобрести журнал в киосках «Союзпечати» почти невозможно, почему-то не выписывают его многие библиотеки, школы. Поэтому мы благодарны тем читателям, которые пропагандируют журнал, рассказывают о нем, рекомендуют почитать «Русскую речь» друзьям и знакомым.

По этой же причине в читательских письмах для нас ценно каждое упоминание о пути к журналу, способе знакомства с ним. Иногда этот путь довольно необычен. Например, М. М. Ноянов (Москва) пишет: *«К чтению „Русской речи“ я пристрастился, работая в цехе цинкографии типографии № 2 издательства „Наука“ (с 1980 по 1988 год), однако выписываю журнал лишь с 1989 года, с тех пор, как поменял место работы. Это объясняется тем, что ранее мне хватало бракованных экземпляров, иначе я выписал бы его раньше»*.

Забываясь о судьбе журнала, многие читатели предлагают нам способы его популяризации: «в каждом номере помещать кроссворды» (Н. С. Шатилова, Краснопереконск), «печатать интересные практические языковые задания» (А. В. Фоменко, Северодвинск). Здесь же нам хотелось бы вкратце процитировать М. М. Ноянова, который пишет: «Один мой преподаватель говорил, что любую статью свою или лекцию он сравнивает с деревом, имеющим корни (источники, факты и литература), ствол (ясно и четко выраженная и сформулированная основная мысль, тема), ветви (рациональное разделение на главы), листья (отдельные вопросы), плоды (конкретные выводы) и обязательно — цветы. Под цветами он подразумевал отступления, красивый ход мысли, все то, что является украшением содержания. Хотелось бы, чтобы в нашем журнале встречались иногда цветы в виде маленьких шедевров русской словесности».

Предложений по расширению тематики журнала, обогащению его содержания достаточно много — почти в каждой анкете. Мы внимательно рассматриваем их, оценивая возможность их реализации. Например, если говорить о кроссвордах, то мы пришли к выводу, что дело это для нашего журнала пустое: ведь он выходит один раз в два месяца, и, значит, ответов на кроссворд надо ждать два месяца, а то и больше, учитывая «расторопность» нашей почты. Давать ответы в том же номере — это, безусловно, гуманно, но весьма далеко от здравого смысла (об этом также писали многие читатели).

О публикации в «Русской речи» практических заданий (или викторин) стоит подумать. Тем более, что когда-то на ее страницах печатался «Практикум по стилистике». А если говорить о «цветах», то, думаем, к ним можно с полным правом отнести уже опубликованные в нашем журнале эссе, очерки, стихи таких замечательных русских писателей, как Константин Бальмонт, Андрей Белый, Михаил Осоргин, Владимир Набоков, Николай Гумилев, К. Романов, Вячеслав Иванов и многих других. В будущем мы продолжим эту традицию, и в разделе «Наши публикации» читатели наверняка найдут для себя немало интересного.

В присланных анкетах — множество пожеланий «улучшить полиграфическую базу», «увеличить формат и объем журнала», «разнообразить оформительские краски». Все эти советы понятны и закономерны, но в тех условиях, в которых находится наша полиграфия, они нереализуемы. Правда, формат, как вы уже убедились, теперь новый, ваш журнал переведен на другой способ печати (прежний, к сожалению, безнадежно устарел).

Всегда дискуссионной и непростой в решении была для нас проблема соотношения «научности» и «популярности» в журнале. «Популярности журналу прибавит... популярность», — пишут читатели. Нужно, однако, заметить, что к этой цели редакция стремится с самого начала своего существования. И в общем-то безрезультатно. На вопрос «Не кажутся ли вам некоторые статьи излишне трудными?» около 80 (!) процентов ответили: «Нет, не кажутся». Правда, читатели упрекают журнал в том, что «некоторые статьи отличаются сухостью, академичностью, узкой направлен-

ностью» (В. В. Львов, Моск. обл.), отмечают, что «есть исследовательские новинки, перегруженные неясными филологическими терминами, ссылками на источники, что не свойственно обычно популярным журналам» (Д. Г. Колтилова, Новосибирск). Для некоторых являются сложными «статьи о происхождении слов и выражений», материалы рубрики «Язык художественной литературы». При этом уточняют: «Есть статьи многословные (сиречь пустословные)» (Н. Я. Сердобинцев, Саратов).

А вот иные ответы: «Упрощать ничего не следует, а материал, поданный профессионально, всегда сохранит ценность» (А. И. Бастриков, Красноярск. кр., Канск), «Очень интересно получать знания, которые не возьмешь из учебников» (Е. С. Кудинова, Москва), «Когда трудно, читаю внимательнее снова» (Н. М. Веркин, Калужская обл.).

В каждом из приведенных читательских мнений есть «зерно истины», но сама она, как обычно, находится где-то посередине и в данном случае довольно ясно может быть выражена: мы стремились и будем стремиться к простоте, но не к упрощению.

Может возникнуть предположение, что большинство ответивших на анкету, судя по вышесказанному, — люди с филологическим образованием. Но вот, например, автор последнего приведенного ответа в графе «образование» написал: «4 класса...» Более того, 10 процентов ответивших на анкету «Русской речи» — представители рабочего класса (среди них — токарь, водитель, строитель, конюх...). Есть среди наших читателей и военнослужащие, и врачи, школьники и студенты. А самые многочисленные группы наших подписчиков, как выяснилось, следующие:

1. читатели с высшим и средним образованием, специальность которых связана с русским языком (преподаватели и учителя, журналисты и писатели, переводчики, корректоры, машинистки) — около 45%;
2. читатели с высшим техническим и медицинским образованием — около 20%;
3. пенсионеры — около 15%.

К статистическим подсчетам мы решили прибегнуть и при анализе ответов на вопрос

«Какие рубрики для вас наиболее (наименее) интересны?»

Наибольшей популярностью пользуются рубрики «Культура речи» (84%), «Из истории слов и выражений» (80%), «Язык художественной литературы» (60%), «Ономастика» (около 60%). Противоречивыми оказались мнения о рубрике «Антология авторской песни»: около половины авторов анкет советуют закрыть ее, заменив «антологией русского романса» и т. д. Но не меньше читательских голосов раздается в защиту рубрики, за ее продолжение.

Что касается конкретных статей, опубликованных в прошлом году, то наибольший резонанс вызвала публикация «Русского словаря языкового расширения» А. И. Солженицына.

Проведенный опрос помог нам выявить интересы читателей и выверить направление журнала — т. е. то, насколько он этим интересам отве-

чает. Кроме того мы обнаружили весьма радующие сдвиги в росте культуры нашего общества, его образованности, начитанности (хотя бы со времени предыдущей анкеты, 1982 года). Если десять лет тому назад наши читатели требовали «опустить» журнал до «соответствующего» уровня (типа «ложить — класть», «крайний — последний», остальное было многим просто не нужно), то сейчас читатели стремятся подняться до уровня понимания и усвоения публикуемых материалов, и их интересы и требования к журналу уже совершенно иные, чем прежде.

Эти перемены наиболее заметны при обращении к историческому знанию, где интерес ограничивался когда-то языком прогрессивных писателей XVIII—XIX вв. Нынче же читатели настойчиво спрашивают «откуда есть пошла Русская земля» и язык ее. И потому, поверное, почти все очень высоко оценили публикацию члена корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева «В поисках единства». *«Этот материал нужен сейчас, когда раздаются голоса, что у русского народа нет прошлого»*, — пишет И. Н. Кузькин (Москва).

Многие напоминают о том, что немалая часть этого прошлого связана с православием. *«Религия»*, — пишет Л. Д. Алексеев, житель г. Балашова, — *«большая часть культуры»*. Это действительно так, и именно поэтому мы и решили напечатать в нашем журнале книгу протоиерея Григория Чельцова «Объяснение Символа веры, молитв и заповедей», выдержавшую до революции более 40 изданий. Написанная просто, с хорошим знанием древней истории, церковнославянского языка, эта книга дает представление о характере культурных и религиозных традиций, существовавших в русских семьях, о роли церкви в истории государства. Данную публикацию мы начали во 2-м номере 1991 года и закончим в этом году.

С интересным явлением мы встретились при изучении ответов читателей на вопрос «Нужны ли в журнале полемические материалы?» Оценки степени необходимости полемики в «Русской речи» оказались разными, часто диаметрально противоположными: *«Нет, не нужны!»* (Б. Я. Капиленко, Москва; Кардашина, Свердлов. обл., др.) или — *«Нужны, всех направлений!»* (В. А. Сатаров, Волгогр. обл., Н. Н. Рогожин, Мурманск). Был и компромиссный вариант: *«Нужны в ограниченном количестве»* (С. А. Морев, Челябинская обл.).

Но нас поразила такой факт: насколько прочно в сознании многих читателей сопрягаются слова «полемика» и «политика». Так, читатель Я. И. Филимонов (Карелия) отвечает на вышеприведенный вопрос фразой: *«Политика надоела!»*, М. И. Круглякова требует полемики «советского направления», а А. В. Караваев (Самарская обл.) предлагает следующую полемическую тему: *«Будем ли строить социализм или капитализм?»* Согласитесь, явление это достаточно ярко отражает повышенную политизированность нашего общества, и прежде всего средств массовой информации. Не случаен поэтому следующий тип читательской реакции: *«Я устала от любой полемики»* (З. С. Ануфриева, Полтава), *«Во многоглаголании несть спасения»* (Р. И. Марьясова, Красноярск).

Довольно большая группа читателей интересуется полемикой как искусством спора. О культуре полемики пишет Л. В. Иванова (Боготол); предпринять изучение истории полемики, широко используя при этом зарубежный опыт, советует читатель С. А. Микулин (Красноярск).

Безусловно, вопросы культуры спора, дискуссии — актуальны и напрямую связаны с задачами нашего издания. Но, задавая вопрос о полемике в журнале, мы прежде всего интересовались мнением читателей о ее предмете (само собой, имеется в виду научная полемика). Позволим себе не согласиться с П. Е. Черкуном (Полтава), считающим, что *«темы и направления — дело специалистов-филологов»*. Вопросы, как известно, задает сама жизнь. О настойчиво выдвигаемых ею проблемах — касающихся развития русского языка — и пишут нам читатели: *«Нужны полемические материалы о современном состоянии русского литературного и разговорного языка. Журнал не должен оставлять без внимания факты „вольного“ обращения с языком, особенно в наше время, когда появляются издания, выходящие не на русском языке, а „по-фене“»* (М. М. Ноянов, Москва).

При этом особенно беспокоит читателей засорение русского языка излишней иностранщиной. Активно бороться на страницах журнала с этим явлением призывают П. К. Решетков (Курган), И. Н. Кузькин (Москва), В. П. Марчук (Черновицкая обл.). К этим и многим другим читателям присоединяется В. И. Федосеев (Краснодарский край), который обращает внимание на *«настоящее наводнение иностранных слов за последние 5–6 лет»* и спрашивает: *«К чему это? Неужели русский язык так обеднел?»*

Обеднение, засорение русского языка — серьезнейшая проблема наших дней и, безусловно, необходимо искать пути к ее разрешению. Один из них, уже сегодня многими осознанный, — это воспитание чувства родного языка, и вместе с тем стойкого иммунитета к его искажению. Не случайно, во многих откликах — предложения развернуть дискуссию *«о преподавании культуры речи в школе»* (Т. В. Знаменская, Донецк), *«О приучении детей дошкольного возраста к правильной русской речи»* (А. Б. Фоменко, Северодвинск), *«О постановке языкового образования в стране»* (И. В. Шапошникова, Иркутск). А в целом, наша позиция в отношении полемики близка к взглядам, высказанным А. Я. Годиным (Чарджоу): *«Без полемики нет развития»* и Т. А. Колмаковой (Чернигов): *«Да, конечно, полемические материалы нужны. Они активизируют мысль читателя, формируют взгляды и вкусы его, поднимают культуру»*.

Первый номер нашего журнала, который вышел в 1967 году, начинался словами: *«Не любить родную речь нельзя, знать и чувствовать ее необходимо. В ней душа народа, прошлое, настоящее и будущее народа»*. Эти слова стали своего рода девизом — и нашим, и вашим, дорогие читатели. И сейчас, 25 лет спустя, ваши письма свидетельствуют: и вы и мы верны этому девизу. Это радует и окрыляет: только вместе, общими силами и действенной любовью к родной речи мы сохраним ее и передадим нашим потомкам.

Из откликов на анкету «Русской речи»

О. Н. Микенин, Санкт-Петербург:

Читаю ваш журнал очень давно, но одно время не выписывал его, поскольку он был слишком уж «засушенным». Теперь «Русская речь» стала намного лучше. Самый удачный журнал, на мой взгляд, № 2 за 1991 год.

Т. А. Колмакова, Чернигов:

Отрадно отметить, что содержание журнала «Русская речь» качественно меняется. Оно становится глубже, серьезнее, что свидетельствует о большем доверии к читателю. Внешний вид и внутреннее художественное оформление удовлетворяют.

А. К. Абульханов, Татарстан, пос. Арск:

Я работаю в школе военруком, также веду класс, кружки, физкультуру. Но ваш журнал очень полезен для языкового воспитания ребят (да и не только ведь ребят). Я показал его нашим филологам, и он стал у меня настольным. Между прочим, его нет, оказывается, в нашей районной центральной библиотеке. А жаль... Ведь сейчас так важно в ребятах сохранить, согреть, углубить широкий и глубокий взгляд на жизнь, на культуру, нравственность. Это главное.

Р. А. Андреева (Иркутск):

Ваш журнал без малого четверть века является полноправным членом нашей семьи, ничуть не меньше. Он пришел к нам в первый год своего появления на свет, в 1967, и до сих пор не минует нашего почтового ящика. А как мы узнали о нем? Моя знакомая, учившая русскому языку абитуриентов, сказала мне о нем. Это было начало. А продолжение следовало через меня в моем вунде. После службы в армии он заочно окончил филологический факультет Иркутского университета, стал журналистом... Так разве я не вправе назвать дорогую «Русскую речь» членом нашей семьи?

Л. П. Ваганова, Таганрог:

Сердечное спасибо вашему прекрасному журналу! Являюсь давней и постоянной подписчицей. Работала в Сибири, на Камчатке, в Магадане, много лет работаю в Таганрогском пединституте. Всегда и везде ваш журнал был во мною (возила его с собой через всю страну как одно из немногих своих сокровищ). Он помогал мне в работе и со школьниками-старшеклассниками, и со студентами. В доступной и увлекательной форме журнал знакомит с достижениями науки о языке, привлекает внимание к актуальным проблемам культуры речи, очаровывает экскурсами в прошлое.

Всегда радуюсь тогда, когда слышу, что кто-либо из общающихся со мною людей открыл для себя ваш журнал. И в составе редколлегии, и среди других ваших авторов у нас, читателей, много заочных друзей, встречи с которыми всегда радуешься. Пусть это придает вам новые силы и творческую энергию!

У истоков
онегинского
замысла

С. А. Фомичев,
доктор филологических наук

Заканчивая работу над «Евгением Онегиным», Пушкини скажет:

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд. Я с вами знал
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегия в смутном сне
Явился впервые мне <...>

Непосредственная работа над «романом в стихах» была начата в 1823 году в Кишиневе. В рабочей тетради поэта перед первой онегинской строкой стоят сразу две даты. Вторая из них — «28 мая ночью», и рукопись первой строфы не оставляет сомнения, что записана она именно тогда. Но что же значила дата «9 мая», стоящая здесь же, чуть выше? Напомним, что в 1830 году в Болдине от 9 (а не 28) мая 1823 года Пушкини начнет вести отчет времени всей работы над романом, а ведь тогда у него не было под рукой тетради, хранящейся ныне в Пушкинском Доме под номером 834, где эта дата была зафиксирована.

Прежде всего нужно понять, чем для поэта была памятна первая дата.

9 мая — день праздничный, Николин день (Никола летний). К тому же именно с этого дня Пушкини отсчитывал срок своей ссылки; 9 мая 1821 года он пометил в Кишиневском дневнике: «Вот уже ровно год, как я оставил

Петербург». В биографической же литературе о Пушкине днем его отъезда на юг — на основании косвенных данных: свидетельств современников — называется 6 мая 1820 года. «Участь Пушкина решена, — сообщает А. И. Тургенев П. А. Вяземскому 5 мая 1820 года. — Он завтра отправляется курьером к Изову и останется при нем». Но мало ли что могло произойти за день и помешать отъезду в установленный срок. Заметим, что 6 мая 1820 года отмечался большой церковный праздник Вознесения, который почитался поэтом особо: на Вознесение в 1799 году он родился. Вполне возможно, что Пушкин задержал отъезд, чтобы провести праздничный день в семье. В любом случае вряд ли можно сомневаться в том, что через год он точно помнил дату отъезда. Здесь должно довериться самому поэту, а не свидетельствам современников и документам.

Пока это объясняет, почему спустя семь лет, в Болдине, он помнил дату «9 мая», но не ее «онегинское значение». О чем думал, что вспоминал Пушкин 9 мая 1823 года? Ближайшим к этой дате является его письмо (от 13 мая 1823 года), адресованное Н. И. Гнедичу:

«Благодарю вас, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабского пустытника. Он молчит, боясь надоедать тем, которых любит, но очень рад случаю поговорить с вами об чем бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданию „Руслана“ и „Пленника“, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и опечение; но ваши предложения останавливают меня по многим причинам. 1) Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-ый раз „Руслана“, нынче не опомнится и не загородит пути второму его пришествию? Заменять же прежнее новым в ее угоду и не в силах и не намерев. 2) Согласен с вами, что предисловие есть пустословие довольно скучное, но мне никак нельзя согласиться на присовокупление новых бредней моих; они мною обещаны Якову Толстому и должны поступить в свет особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка, да NB цензура. *Tout bien vu* (Хорошо все взвесив — *франц.*) не кончить ли дела предисловием? Дайте попробовать, авось не паскучу. Я что-то в милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité

Ni cet excès d'honneur ni cette indignité

(И не заслужил / Ни этой чрезмерной чести, ни этого оскорбления — *франц.*).

Как бы то ни было, воспользуюсь своим случаем, говоря ей правду неучтывую, но, быть может, полезную. Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее; этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает. Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего „Нерешительного“; услыша стих „И должно честь отдать, что немцы аккуратны“, я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе все захлопает и захохочет. — А что тут острого, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание.

Вы, коего гений и труды слишком высоки для этой детской публики, что вы делаете, что делает Гомер? Давно не читал я ничего прекрасного. Кю-

хельбекер пишет мне четырехстопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе, и что он падал с лошади. Все это кстати о „Кавказском пленнике“. От брата давно не получал известия, о Дельвиге и Баратынском также — но люблю их и ленивых. Vale, sed delenda est censura (Будь здоров, цензуру же должно уничтожить — латин.).

Пушкин.

13 мая. Кишинев.

Письмо написано в воскресенье, оно — ответ на послание, полученное от Гнедича. Когда полученное? Очевидно, на той же неделе. Не в среду ли, 9 мая, в Николин день (а Гнедича звали Николаем), в третью годовщину ссылки?

Слишком большой пласт «преднегинских мотивов» мы находим в ответе к Гнедичу.

Защищая своего героя от недоброжелательного читателя, Пушкин скажет в последней главе романа:

— Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких чувств неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком рано разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

(Ср. в письме: «Есть у нас люди, которые выше ее (публики — С. Ф.); этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает»). Как видим, в 1830 году, в Болдине, Пушкин помнит не только дату рождения замысла, но и свои размышления семилетней давности, этот замысел определившие.

Письмо к Гнедичу объясняет и вызывавшее у пушкинистов разноречивое толкование опасений поэта насчет неприемлемости для цензуры первой онегинской главы. В ней не было политической сатиры, но она наполнена мотивами антихавжеской, легкой поэзии, подобно первой пушкинской поэме — недаром во второй строфе романа поэт обращается к читателям как к «друзьям Людмилы и Руслана», а в последней строфе первой главы вспоминает о цензурных придирках («Цензуре долг свой заплачу»).

Проходное воспоминание в письме к Гнедичу о Якове Толстом, председателе «Зеленой лампы», тоже ориентирует на текст первой онегинской главы. Давно замечено, что изображенный здесь в подробностях день светского столичного жителя восходит к пространному стихотворению Я. Н. Толстого «Послание к петербургскому жителю»:

Ты в роскоши, пирах, собраниях,
 Забот не ведаёшь, живёшь.
 Проводишь утро на гуляньях,
 А ночь Эроту отдаёшь...
 Проснувшись поутру с обедней,
 К полдню кончаешь туалет,
 Меж тем лежит уже в передней
 Зазывный на вечер билет...
 Спешишь, как будто приневолен,
 Шагами мерять бульвар...

Отразилась в романе и ремарка Пушкина насчет «аккуратных немцев» в упоминаемой им комедии Н. И. Хмельницкого «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе»:

И хлебник, немец аккуратный,
 В бумажном колпаке, не раз
 Уж отворял свой *васисдас*.

Отозвались в первой главе стихи самого Гнедича; в примечаниях к «Евгению Онегину» Пушкин даёт пространную цитату из его идиллии «Рыбаки», предваряемую комплиментарным замечанием: «Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича».

Резонирует в романе стихотворение В. К. Кюхельбекера, о котором Пушкин вспоминает в письме к Гнедичу — ср.:

Мы оба бросили тот свет,
 Где мы равно терзались оба,
 Где клевета, любовь и злоба
 Разлучили обоих нас!

Эта тема развита в строфе XLV:

Условий света свергнув бремя,
 Как он, отстав от суеты,
 С ним подружился я в то время. <...>
 Страстей игру мы знали оба;
 Томила жизнь обоих нас;
 В обоих сердца жар угас;
 Обоих ожидала злоба
 Слепой Фортуны и людей
 На самом утре наших дней.

В этом отношении необходимо сказать также об отражении кюхельбекеровских черт в Ленском. Во всяком случае, читая предсмертную элегию Ленского, мы вправе вспомнить упомянутое в письме от 13 мая 1823 года стихотворение Кюхельбекера:

И не далек, быть может, час,
 Когда при черном входе гроба
 Иссякнет нашей жизни ключ;
 Когда погаснет свет денницы <...>

«Подражания
Корану. I.»

Источники и ассоциации

А. А. Пичхадзе,
кандидат филологических наук

Цикл «Подражания Корану», написанный А. С. Пушкиным в 1824 году, открывается стихотворением:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

В комментарии к этому стихотворению читаем: «Центральные образы стихотворения «„зоркое гоненье“, „могучая власть“ языка „над умами“ отсутствуют в Коране» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 4. С. 681).

Между тем текстуальная зависимость первой и последней строфы стихотворения от Корана не вызывает сомнений. Пушкин сам писал в примечании к первой строфе: «В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки... и проч. Сравный сей

риторический оборот встречается в Коране поминутно» (Там же. С. 252) Наиболее близка первой строфе глава LXXXIX.

Заповеди, которые Аллах дает в стихотворении своему пророку, рас-
сеяны по всему тексту Корана; все исследователи отмечают особенно тес-
ную связь последней строфы и первой строки второго четверостишия с
XСIIII главой Корана: «Господь твой не оставил тебя... Не обиждай же
сирот, не отъемли крох последних от убогих, возведи милости к тебе
Божии» (Книга Аль-Коран аралянина Магомета. СПб., 1790. Ч. II. С. 368;
далее все ссылки даются на это издание; есть основания полагать, что
именно им пользовался Пушкин; см.: Кашталева К. С. «Подражания Ко-
рану» и их первоисточник // Записки коллегии востоковедов. Л., 1930. Т. V.
С. 243--270).

Что же касается второй и третьей строфы, то здесь, действительно, пря-
мая зависимость от Корана уже не столь очевидна. Относительно второго
четверостишия Б. В. Томашевский утверждал, что аналогичного текста в
Коране нет (Томашевский Б. В. Пушкин. М.—Л., 1961. Т. 2. С. 21). Л. И. По-
ливанов (Пушкин А. С. Сочинения с объяснениями их и сводом отзывов
критики. М., 1904. Т. II. С. 133) предлагал сопоставление с 40-м стихом
IX главы Корана: «Егда оба они укрывалися в пещере, Магомет утешал
клеветра своего: Не сетуй, Бог с нами» (Книга Аль-Коран... Ч. I. С. 158).
Можно сравнить еще гл. VIII: «Не забывайте... како чаяли во устраше-
нии вашем, что учинитесь пленниками неверных; Бог успокоил вас, покро-
вительствовал вам», и далее, гл. IX: «Не забывайте, како Бог и пророк его
привел правоверных на место безопасное, како ниспослал невидимыя воин-
ства покарать неверных» (Там же. С. 146, 156). Однако преследование не-
верными Магомета упоминается в Коране чрезвычайно редко. Поэтому
С. А. Фомичев предположил, что Пушкин мог использовать жизнеописание
Магомета, которое было предпослано переводу Корана во французском из-
дании, найденном в библиотеке Пушкина. В жизнеописании довольно по-
дробно рассказывается о том, как Магомет со своим напарником укрылся
в пещере во время бегства из Мекки, и Бог взрастил чудесным образом
у входа в пещеру дерево; заглянув в пещеру и увидев, что вход в нее за-
тянут паутиной и что голубка отложила там яйца, преследователи решили,
что туда уже давно никто не входил, и прошли мимо (Фомичев С. А. «Под-
ражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник
Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 39).

Однако слова о «зорком гоненье» заставляют вспомнить о другой пого-
не, упоминающейся в Коране не один раз, — о преследовании египетским
фараоном Моисея и его соплеменников во время исхода из Египта (биб-
лейская книга Исход, гл. XIV). Это событие описано в Коране в гл. X,
погребение фараона и его войска в Красном море — в гл. XVII, XX, XXVI, LI.
Переход евреев через Красное море, толковавшийся в христианской тра-
диции как прообраз крещения, — один из известнейших библейских эпизо-
дов; XIV глава книги Исход читалась во время богослужения на Пасху,
самый почитаемый христианский праздник, а также на Крещение. Не

исключено, что при создании своего стихотворения Пушкин имел в виду знаменитый библейский рассказ о переходе через Красное море, отождествляя пророка Магомета с пророком Моисеем. Основания для такого отождествления заложены уже в Коране, где Моисей выведен как предтеча Магомета: Аллах постоянно напоминает Магомету о его великом предшественнике, своем первом пророке — Моисее. Не случайно именно к книге Исход, в которой описаны деяния Моисея, восходит большинство сюжетов, заимствованных из Библии в Коран.

Последнее обстоятельство важно учитывать и при анализе третьей строфы стихотворения. Первые строки этого четверостишия исследователи соотносили с 11-м стихом VIII главы Корана: «Не забывай... како низвел воду с небеси на умовение тебе, дабы очистился и был избавлен от злобы дьявола» (Пушкин А. С. Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. III. С. 540). Однако у Пушкина речь идет об утолении жажды, а не об очищении, о «пустынных водах», а не о воде, ниспосланной с неба. Необходимо другое объяснение. «Быть может, Пушкин намекал здесь... на другое предание, — как однажды в дороге между Мединой и Дамаском Магомет едва мог зачерпнуть ковши воды из пересыхающего ручья, но, вылив ее обратно, превратил ее в обильный источник, напоивший целое войско» (Там же). Но в Коране этот эпизод отсутствует. Поэтому, вероятно, не бесполезно сопоставить первые строки третьей строфы с известным библейским рассказом о том, как Моисей напоил людей, изнемогавших от жажды в пустыне, ударив жезлом по камню, из которого забил источник воды — так повелел ему Бог (книга Исход, XVII, 1–7). В Коране этот эпизод упоминается дважды (гл. II и VII).

В то же время Пушкин мог иметь в виду другой библейский сюжет, отсутствующий в Коране, но чрезвычайно популярный в древнерусской литературе: идя по пустыне и томясь от жажды, люди, предводительствуемые Моисеем, пришли в Мерру, но не могли пить воду из источника, потому что она была горькая; тогда Бог показал Моисею дерево, тот вложил его в источник — и вода стала сладкой (книга Исход, XV, 22–25). Этот библейский отрывок читался во время богослужения на Крещение, сразу же после текста о переходе через Красное море, а также на Воздвижение.

Таким образом, сама последовательность мотивов, то есть упоминание о превращении горькой воды в сладкую или об источнике, забившем из скалы, сразу же вслед за переходом через Красное море, в какой-то мере традиционна. Так, в XVII веке в Золотой палате Московского великокняжеского дворца в Кремле чудо претворения горькой воды в сладкую было изображено рядом с переходом через Красное море (Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1930. Кн. 1. С. 153). В трагедии Расина «Гофолия» читаем: *Для них раздвинула тлядь морскую Бог, Для них из недр скалы извел поток* (Расин Жан. Соч.: В 2 т. М., 1984. С. 341).

Для последних строк третьей строфы исследователи вообще не находили соответствий в тексте Корана. Очевидно, мотив «могучей власти» язы-

ка «над умами» также восходит к библейской книге Исход. В ответ на повеление Бога отправиться во владения фараона и вывести своих соотечественников из египетского плена Моисей говорит, что он не красноречив и не сможет повести за собой народ; тогда Бог, разгневавшись, обращается к нему с грозным вопросом: «Кто даде уста человеку? И кто сотвори лема и слуха, и видяща и слепа? Не аз ли Господь Бог? И ныне иди, и аз отверзу уста твоя» (книга Исход, IV, 10–16). В Коране дана несколько иная интерпретация этого сюжета: Моисей сам просит развязать «узел языка» своего (гл. XX, XXVI, XXVIII).

Итак, мотивы второй и третьей строфы стихотворения представляют собой, по всей вероятности, реминисценция событий, которые подробно описаны в библейской книге Исход и довольно кратко, хотя и не один раз, упомянуты в Коране.

По-видимому, это не случайно. Известно, что именно во время работы над циклом «Подражания Корану» у Пушкина возникла потребность обратиться к Библии. «Я тружусь во славу Корана» — пишет Пушкин брату в письме, которое датируется первыми числами ноября 1824 года (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 9. С. 111). Чуть позже, в начале 20-х чисел ноября, он просит брата прислать ему книг: «Библию, Библию! и французскую непременно» (Там же. С. 114). Работая над циклом, «Пушкин увлекся мотивами столь же мусульманского, сколь и библейского свойства» (Фомичев С. А. Указ. соч. С. 30).

Однако круг источников первого стихотворения цикла не ограничивается Кораном и Библией. В общей интонации второй и третьей строфы, в отдельных выражениях чувствуется влияние библейских подражаний Ф. Н. Глинка — достаточно привести, например, строки из его опубликованного в 1822 году стихотворения «Призвание Исайи» (Глинка Ф. Стихотворения. Л., 1981. С. 96):

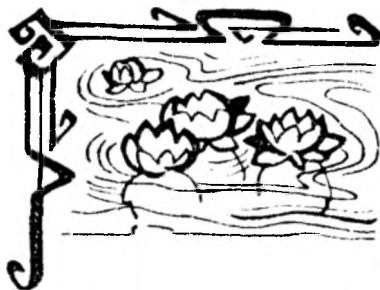
Восдай: Не я ль тебя лелеял
И на руках моих носил?
Тебе в пустынях жизнью веял,
Тебя в безводии поил,

или же из стихотворения «Глас Бога избранному его» (без даты; Глинка Ф. Н. Сочинения. М., 1869. Т. 1. С. 34):

Коль мне глава твоя любезна,
То кто дерзнет коснуться ей?

Совершенно очевидно, что вопрос об источниках стихотворений цикла «Подражания Корану» должен решаться неоднозначно. Следует иметь в виду, что в цикле и, в частности, в его первом стихотворении могли отразиться определенные моменты биографии самого Пушкина и его размышления о судьбе и предназначении поэта-пророка (Фридман Н. В. Образ поэта-пророка в лирике Пушкина // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 118. С. 83–107). Образы и мотивы цикла возникали на основе множества ассоциаций, и цепь источников, к которым они восходят, состоит из множества звеньев

Из наблюдений над словоупотреблением А. Блока

А. Л. Гришунин,
доктор филологических наук

Александр Блок свойственна повышенная способность различать оттенки слов. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что Блок — весьма культурный поэт, да к тому же еще — филолог. Но оно, это различение, бывало у него принципиальным. Так, 16 января 1912 года Блок писал Вяч. Иванову: «Да к тому же я хвораю — именно, не болею, а хвораю» (Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 378). *Болею* и *хворать* для него — не абсолютные синонимы.

Особенности словоупотребления Блока — это не только особенности языка; они отражают огромные культурные пласты, отношение поэта к культурным ценностям мирового масштаба. Эзотерический язык поэзии и прозы Блока включает в себя густые напластования библеизмов, шекспировизмов, закавыченных и раскавыченных, полных и усеченных цитат из Шиллера и Гете, из скандинавских писателей.

«Няст живет, сцениа зубы...» — иными словами, трудно живет, напряженной жизнью, — записывает Блок в дневнике 17 октября 1911 года, употребляя выражение Августа Стриндберга, идеями и творчеством которого в то время поэт (как, впрочем, и В. А. Няст) был ослепительно увлечен (Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.—Л., 1963. Т. 7. С. 70; далее это издание приводится лишь с указанием тома и стр.). Э. К. Метнеру пишет он 22 июля 1912 года: «Думаю, что те могилы, которые волнуют теперь

Вас и меня, были очень не чужды тому же Стриндбергу; не даром именно он так сейчас близок именно нам (все тем же, живущим, сцепя зубы) (...)» (Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции... С. 390).

Характерный языковой прием Блока — употребление прилагательных, образованных им от собственных имен.

От имени Стриндберга образует он прилагательное: «„Стриндберговские“ препятствия на пути (...)» — в дневнике 12 ноября 1912 года (7, 178). Неясно, что имеется в виду, но можно думать, — весь комплекс идей этого писателя. В восприятии русской критики Стриндберг был непримиримым противником мещанства и пошлости; существен был также вопрос об «антифеминизме» Стриндберга, критике буржуазной семьи, карикатурных форм буржуазного женского движения (беснования суфражисток и пр.). Е. Ф. Книпович приводит следующие слова Блока, сказанные ей в 1918 году: «Стриндберг во мне сидит. Но для меня он не целиком. Для меня звучит — „Ад“, и потом все его штуки о женщинах. А вот Бальзака через Стриндберга воспринять не могу. Попробовал читать „Серафита“, бросил. Скучища, кроме первой главы» (Книпович Е. Ф. Мои встречи с Блоком // Октябрь. 1986. № 8. С. 191).

Прилагательное *стриндберговское* — только одно из многих, образованных им от имен собственных. В дневниковой записи от 18 ноября 1911 года читаем: «Есть Гамсуновское. Уезжает, живет один в избушке (...)» (7, 94). Это — о С. С. Петрове (Граале Арельском), а имеется в виду один из главных мотивов творчества Кнута Гамсуна — кризис бытия человека в буржуазном мире, ищущего убежища в уединении на лоне природы, в общении с природой и в труде на своей земле, иногда даже в полном одиночестве (роман «Пан», 1894).

Другое такое прилагательное — *панченковское* — от имени хорошо знакомого Блоку композитора С. В. Панченко, по которому безнадежно «сохла» несчастливая в личной жизни биограф и тетка Блока, Мария Андреевна Бекетова. «Малый мой С. В., — записывает в своем дневнике бедная, тоскующая в одиночестве Мария Андреевна (29 июля 1906 года), — если бы Вы знали, как Вы мне дороги и важны — Вы для меня (...) громадный человек бесконечно милый (...) как и буду жить без Вас (...)» (Дневник М. А. Бекетовой. ИРЛИ, ф. 462, № 3, л. 115). «Он пророк и мыслитель, — пишет она о нем в другом месте того же дневника, — которому суждено, быть может, обновить и переверотить мир, может быть, гениальный, во всяком случае очень замечательный, очень крупный человек с умом философа и широкими новыми идеями, глубоко сознающий свою миссию и идущий страшно трудным, жертвенным путем, высоко подняв свою гордую голову и терпя неудачи, лишения и унижения непонятого провозвестника новых истин...»

Эти «новые идеи», согласно записям все той же Марии Андреевны, придумавшей себе С. В. Панченко, состояли вот в чем: «С. В. проповедует новое царство без семьи, без брака, без быта с общим состоянием, с отня-

манием детей семилетних у матерей — мне кажется, что много правды и новизны в его словах, но холодно будет в его царстве, а женщин он не знает, не понимает и обижает — это больное место — женщины...»

Занимаясь делом А. Д. Протопопова, бывшего министра внутренних дел и шефа жандармов, ставленника Григория Распутина, Блок писал 10 июня 1917 года: «В *Протопопове*, оказывается, есть *панченковское*» (7, 260). И — в записной книжке того же времени: «Есть *панченкинское*» (Блок Александр. Записные книжки. М., 1965. С. 358).

В. Н. Орлов так комментировал это слово: «*Панченковское* — от фамилии композитора С. В. Панченко, близкого знакомого Бекетовых; в понимании Блока: известная скрытность, затаенность, мешающая „добраться до души“» (7, 499). (О Панченко см. в мемуарах Андрея Белого, а также: Литературное наследство. Т. 93. Кн. 3. С. 112–114, где показано, что толкование В. Н. Орлова идет от давних комментариев И. Н. Медведева к дневнику Блока.)

Такое употребление прилагательных для обозначения беспредметных понятий (одно прилагательное, без определяемого существительного) — излюбленный прием Блока. Ближайший пример — знаменитое блоковское словечко *несказанное*, извительно осмеленное из-за рубежа Зинаидой Гиппиус, но весьма характерное для Блока. «Несказанное — в природе, а жизнь, как всегда при этом, скучна и непонятна <...>» (7, 281). 20 ноября 1912 года: «Вечером — гулянье — темная Петербургская сторона, *несказанное* <...>» (7, 181).

Еще несколько примеров:

«...*равенниское*...» (7, 89) — от названия города Равенны в Италии, как Блок воспринял его в «Итальянских стихах»: город, бурная история которого ушла в глубочайшее прошлое.

«Пелагея Ивановна, которую я не видал давно, опять говорила *замечательное*», — записал Блок в дневнике 16 апреля 1913 года об одной из сестер Терещенко (7, 207).

Или — местоименное прилагательное *мое*: «Много о себе рассказал Михаил Иванович. Все почти — *мое*, часто — моими мыслями и словами» (7, 224).

Сюда же можно отнести знаменитое блоковское *верный* путь (с существительным!): «...вот — я — до 1917 года, путь среди революций; *верный* путь» — запись от 7 января 1919 года (7, 355). Слова эти часто цитируют; но смысл записи станет яснее, если соотнести ее (чего никогда не делается) с письмом Блока к жене от 5 апреля 1913 года: «Да, путь еще *верный* пока» (8, 414). — Важно для характеристики «пути» Блока, за «верностью» которого он следил в течение ряда лет. Во многих таких примерах есть что-то похожее на тайнопись, шифровку для себя. Особенно — в дневнике Блока.

К подобной тайнописи относится употребление имени Григория Распутина (и производных от него). Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года, а 29 июня 1917 года в дневнике Блока появляется запись

«2 встречи с Распутиным». П. Н. Медведев и В. Н. Орлов, видимо, не зная, как объяснить это для читателей, подозревая здесь какую-то ошибку, попросту выпускают эту запись, не обозначая ее даже точками.

В словоупотреблении Блока этого времени имя Распутина, ассоциирующееся (но созвучно я по специфической репутации Распутина) с понятием *распутство*, было для Блока обозначением излишней, мешающей жить и работать плотскости, чувственности. Так, 27 мая 1917 года Блок пишет в записной книжке о «сидящем» в нем Распутине; в дневнике 13 июля 1917 года: «...Сидит во мне Гришка, и жить люблю, а не умею, и — когда же старость, и много, и много, а за всем — Люба» (7, 281). 30 июля: «чувственность (Распутина)» (7, 292). 7 августа он пишет о «распутинских углах души», в которые надо направить «вспышки буйства», «и там раздуть его в костер до неба, чтобы сторела хитрая, ленивая, рабская похоть» (7, 297). И — 21 января 1919 года: «Поганая чувственность!» (Блок Александр. Записные книжки. С. 446).

Блоку свойственно переосмысление, или особое осмысление некоторых вполне обычных слов. Происходит их символизация; возникают слова-символы, приобретаая глубокое значение. Ближайший пример — *возмездие*; *человек-артист*; *музыка и музыкальный*, связанные у Блока с темой России, — «конечно, не в специальном значении этого слова», — оговаривается Блок (в цикле «Россия и интеллигенция»).

Понятие *страна*, по свидетельству самого Блока, заимствовано им у Андрея Белого (см. письмо Блока к П. П. Перцову от 31 января 1906 года — 8, 149). Со ссылкой на Белого поясняет это слово и М. А. Бекетова в своих примечаниях к письмам Блока: «„Страна“ — выражение А. Белого, когда он хочет отметить особую область понятий и представлений с присущими им чертами» (Письма Александра Блока к родным. М. — Л., 1932. Т. II. С. 442). Весной 1912 года: «В первый раз — легкое пальто и папка — особая страна», — замечает Блок в дневниковой записи от 6 апреля (7, 139). Он пишет о «стране Грибоедова, Пушкина и Гоголя» (Блок Александр. Записные книжки. С. 287).

Из воспоминаний В. А. Пяста о Блоке: «Совершенно особою „страною“ (по любимому его выражению) была та страница из его биографии, которая протекла в окопной службе» (Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. Пг., 1923. С. 74).

Сам Пяст так применял это слово (как раз о Блоке):

«Я помню, что за всю зиму 1909—10 годов, которую он провел на Галерной в своей новой квартире, я у него был только один раз, — вместе с Н. П. Ге, — который развергивал перед нами карту незнакомой нам до тех пор „страны“, — творчества Вилье де Лиль Адана» (Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 181).

Конечно, как ни редко такое словоупотребление, — Блока нельзя считать монополистом его. Нечто подобное можно найти у Ницше: «Тот, кто открыл страну „Человек“ — открыл и страну „Будущее Человечества“». В наши дни — у Давида Гранина: «Это огромная страна — детство (...)

(Гранин Даниил. В творческой мастерской // Вопросы литературы. 1984. № 9. С. 124).

Другое такое слово — *берег* (в смысле: «конец»). В письме к Пясту 6 апреля 1906 года Блок пишет: «Если еще не увидите (...), приходите в суб(боту) 15-го. Тогда будет м(ожет) б(ыть) виден берег и болезни и экзаменов». Это — о болезни Л. Д. Блок ж о экзаменах в университете. Пяст замечает: «Помню, как меня приятно поразило слово „берег“ в этом письме» (Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. С. 81).

Блок был чуток к оригинальному, необычному словосочетанию или слову. Ему нравилось «Любяно» выражение (об А. В. Гиппиусе): «*хорошо усталый*» (дневник, 8 ноября 1911 года — 7, 83). Оно, действительно, примечательно своей внешней противоречивостью, алогичностью (ср.: «хороший плохой литературовед»).

«*Лава под корою*» (7, 292) — образ, использованный Блоком в статье «Стихия и культура» для характеристики скрытых народных сил — «застывший поток лавы» «над жерлом вулкана» (5, 358).

Ценит и надолго запоминает он удачные образные выражения. «*Как тонкая игла сквозь студенистую массу*», — пишет Блок в дневнике 24 марта 1912 года (7, 136). Это — понравившийся ему образ из «Поэмы в тонах» В. А. Пяста. Блок записал его в тот же день после разговора с Пястом «о том, что делать». И пояснил так: «Да, сквозь все „фальшивые купоны“ (Толстой) проходить можно *только* собственной тяжестью, весом». — Повесть «Фальшивый купон» (1904) была тогда опубликована в I томе «Помертных художественных произведений» Л. Н. Толстого.

Таким образом, строчка из Пяста выражала существенное правило жизненного поведения Блока. По свидетельству Е. Ф. Книпович, Блок любил этот образ и часто прибегал к нему: «настойчиво повторял точную строку из поэмы В. Пяста — «Пройти, как тонкая игла (сквозь все случайное в жизни)» (Книпович Е. Ф. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 22).

Другое цельное словосочетание Блока, относящееся к его жизненному поведению, но, пожалуй, с обратным знаком, — это *пить красное вино*. О нем пишет близко знавший поэта В. А. Пяст: «...научившись ездить во время экзаменов в Озерки, Блок научился и „пить красное вино“. С одной стороны, буквально. С другой стороны, это стало у него термином, обозначающим приведение себя в угрюмое, недружелюбное состояние, — в котором, как известно, красное, в противоположность белому, вино *расползается*» (Пяст В. Встречи. С. 168).

Можно отметить в этом же смысле используемое Блоком специфическое словечко *мурья* (дневник, 20 апреля 1913 года): находится «в своей мурье» (7, 239), «уйду в мурью» (если Станиславский не захочет ставить «Розу и Крест» — Там же). Возможно, что Блок воспринял его от А. М. Ремизова, с которым много общался в 1912–1913 годах и у которого это характерное словечко присутствует в одном из заглавий.

А в минуту бодрости и жизненной энергии поэт поддерживал себя выражением, заимствованным из любимого им Рихарда Вагнера: «*Всё идет своим путем*» (7, 150). И еще: «Жизнь идет своим путем (...)» — дневник 13 января 1913 года (7, 207). Это — цитата из текста оперы Вагнера «Зигфрид» (акт 2, сд. 1), где Вотан в виде странника, произнеси эту фразу («*Alles ist nach seiner Art*»), лишь наблюдает за ходом событий, не вмешиваясь в них: «Всё идет своим путем, — судьбы не изменишь!» (Коломжийцев В. П. Кольцо Нибелунга. Трилогия Рихарда Вагнера. Пг., 1923. С. 125). По словам М. А. Бекетовой, не только музыка, но и текст оперы Вагнера «производили на Блока сильное впечатление» (Письма Александра Блока к родным. С. 429). От Блока выражение переняла его мать, которая пишет М. П. Ивановой 27 марта 1913 года: «Все идет своим путем. Ну, да, это все мы часто за Вагнером повторяем, и я, и Саша, и Люба, и Маня, сестра. (...) не надо падать духом из-за гнусностей этого ужасного мира, в котором мы живем и участвуем, все это идет своим путем, будет побеждено, и воцарится свет» (Александр Блок. Новые материалы // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 415–416).

Еще одно — синтаксическое заимствование — из Томаса Карлейля, отмечают в своей статье Б. В. Аверин и Н. А. Дождикова (Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 108): некоторые формулировки Карлейля имели двойственный характер — благодаря особому синтаксическому обороту, при котором союзом «или» соединялись несоединимые, взаимоисключающие слова: «Беспорным, необъяснимым или объяснимым фактом, является также то, что хлеба становится все меньше и меньше» (Карлейль Т. Французская революция: История. СПб., 1907. С. 449).

У Блока, отметившего эту особенность языка Карлейля, есть подобные обороты, — пишут на той же стр. 108 Б. В. Аверин и Н. А. Дождикова. Помимо приведенного ими примера (из предисловия к поэме «Возмездие») укажем еще оборот из известного письма Блока к Э. Н. Гиппиус, 1918 года, записанного в дневнике: «Не знаю (или — знаю)!» (7, 336).

И в заключение отметим характерное у Блока повторение слова — для усиления, подчеркивания его; в дневнике 19 июля 1912 года: «...и потянуло, потянуло домой»; «...и нежное, нежное письмо...» (Там же).

Книга «Образное слово А. Блока» (М., 1980), состоящая из ряда статей, анализирует язык и мастерство Блока-поэта. Мы видим, однако, что много дает и анализ языка его прозы — дневников, статей, писем, записных книжек.

Апокалипсис милосердия

О символе в романе Ч. Айтматова «Плаха»

Е. В. Красикова,
кандидат филологических наук

В романе Айтматова нет ни одного эпизода, где бы топор палача, рассекая живую плоть, вонзался в деревянное ложе плахи. Вообще слово *плаха* встречается в произведении всего дважды: в названии и в разговоре о «боге-мученике, который пошел на плаху, на крестную муку ради идеи». Очевидно, что здесь языковое значение слова *плаха* — «место казни», — использованного в составе фразеологизма «пойти (взойти) на плаху», — частично разрушено. Признак «место» нейтрализован, названный объект лишается узкой предметности, что определяет возможность формирования обобщенного символического значения. Итак, понятия «плаха» и «казнь» в романе по смыслу идентичны. Отсюда следует, что составляющие значения слова *казнь* — это одновременно и составляющие значения слова *плаха*. Казнь — насильственное лишение жизни одного человека (жертвы) другим (палачом), как акт возмездия за совершенное преступление. Представив это значение в виде набора смысловых единиц, получим: казнь — насильственная смерть + палач + жертва + возмездие.

Для того чтобы проследить становление символа «плаха», необходимо провести анализ всех трансформаций, касающихся основных элементов его значения. Особенности же романа таковы, что, сколько в нем описано казней, убийств, столько новых оттенков значений привносится в понятия «насилие», «жертва», «палач». От несправедливой казни-распятия через казнь-возмездие за пролитую кровь, через истребление животных к случайной трагической смерти мальчика ослабляется, а потом исчезает значение «возмездия», то есть намеренного наказания за грехи. А это означает, что для писателя любой человек, поднявший руку на жизнь, — палач, вольный или невольный, любое насилие — казнь, зло, преступление. Таким образом, основополагающим принципом анализа в данном случае является исследование

семантических трансформаций каждой из трех составляющих во всех эпизодах казни и убийств. Это, прежде всего, ситуация двух распятий — Христа и Авдия, обладающие смысловой симметрией и являющиеся философским центром произведения. Это затем казни, совершенные Бостоном и Сандро, героем вставной новеллы «Шестеро и седьмой». Это массовое истребление сайгаков, убийство волков — уничтожение природы. Это, наконец, гибель Кенджеша, по трагической случайности убитого рукой собственного отца. Предложенная последовательность анализа неслучайна. Она не совпадает с ходом повествования и обусловлена логикой символа. Структуру его можно представить в виде расходящихся кругов, где последовательно от центра к периферии — от распятий к гибели Кенджеша — расширяется, трансформируется заданное в линиях Христа и Авдия значение слова-символа.

ХРИСТОС И АВДИЙ

Начнем анализ с фрагментов текста, объединенных значением «насилие». Она приводятся в последовательности, отражающей движение от единичного действия к множественности и далее — к возможному результату этих действий: *зверски убит, мученическая смерть, свирепая казнь, кровавое действие* (о Христе); *бездна зла, войны, жестокости, убийства, злодеяния, бурлящие, как волны в океане* (о человечестве); *крушение мироздания, конец света*. Семантический анализ расположенных в данной последовательности цитат позволяет сделать следующий вывод. Иступленная жестокость, доходящая до садизма, по отношению к одному человеку — Иисусу — как бы ступок проявления всемирной жестокости, ставшей законом существования человечества, идущего к Апокалипсису по пути самоистребления. При неизменном ходе истории триада «палач — насилие — жертва» неизбежно распадется — палач и жертва совместятся в одном лице.

Следующая группа фрагментов текста, расположенных по тому же принципу, объединена значением «палачи»: *правитель римский, палач поневоле* (Пилат), *гнусный город, люди, которые готовы... саму планету разлеять в прах, мир, в котором господствуют зло, пороки, кровожадность; гемные, как ночь, инстинкты, низости, злодеяния, отврат и мерзость*. Образ «правителя римского», «палача поневоле», расширится до мира людей. А это — мир палач, одержимый «темными инстинктами», ненавистью, жадной разрушения, замкнутый в порочном круге злодеяний и не способный остановиться в бесконечном порождении зла. В тексте романа отсутствует характеристика Пилата, и это неслучайно, ибо не в нем причина гибели Христа. Пилат становится «палачом поневоле» не потому, что он как прокуратор Иудей несет ответственность за порядок перед верховной властью Рима и, конечно, не потому, что он прирожденный злодей. Пилат подневолен миру-палачу, в котором он обречен жить.

Третья и последняя группа объединена значением «жертва»: *чужах галлейский* — Иисус, Господь, Спаситель, Сын Божий, Сын Человеческий,

сыны (человеческие — *Е. К.*) с чистыми идеями и побуждениями духа. Здесь прослеживается определенная закономерность. «Чудак галилейский» Иисус — человек, конкретная личность. Но он и Господь, и Спаситель, и Сын Божий — величественные имена, порожденные обожествлением идеи добра, милосердия, страдания за других. И снова он человек, однако, уже обобщенная личность — Сын Человеческий «с чистыми идеями и побуждениями духа» — лучшее, что сумело породить человечество. Иисус у Айтматова не единичен и не исключителен. Но Сыны Человеческие рассеяны в веках, в каждый отдельный исторический момент их единицы. Отсюда трагичность судьбы, которая и будет такой до тех пор, пока люди не отрекутся от насилия, пока безвозвратно не уйдут в прошлое и жертвы и палачи. Основная задача Сынов Человеческих — «спасти мир» через «милосердие, любовь и сострадание к людям», провозгласить «торжество справедливости», дать образец «высокой праведности», «пробудить в них (в людях — *Е. К.*) божественные начала», «любовь к Богу, а стало быть, к подобным себе, к людям». Во имя этого они «добровольно идут на гибель», не принимая возможности отречения ради спасения своей жизни, хотя, как и всем, им знаком страх смерти. Их позиция — это верность идее, твердость духа, сознание своей ответственности перед всем человечеством во все времена.

Мысль о постоянном пришествии в мир Сынов Человеческих, одержимых идеей Спасения и Добра, об их активной воле и бесстрашном противостоянии разрушительному началу реализуется и в смысловой симметрии линий Христа и Авдия. Нельзя, однако, считать образ Авдия лишь иллюстрацией к легенде о Христе в интерпретации Айтматова. Действует этот герой в обстоятельствах, отмеченных знаками времени, вступает в схватку не с абстрактным злом, а с конкретными его носителями (гонцы, расстрельщики в Моюнкумах). И хотя основные идеи остаются прежними, триада «палач — насилие — жертва» сохраняется, наполняется новым содержанием, перемещаются акценты и, следовательно, расширяется, усложняется значение символа.

Сопоставим группу фрагментов текста, имеющих в романе значение «насилия», с аналогичным рядом сюжетной линии Христа: они *бросались на него (на Авдия — Е. К.), как бешеные собаки, наносили удары ногами, били его ногами по голове, исколотили в кровь*; это было *смертоубийство*, преддверие *черной бездны небытия*. Обращает внимание отсутствие обобщенных формулировок, касающихся судьбы человечества в целом. Причина в том, что словесно выраженный (а не проявляющийся в движении сюжета, композиции, системе образов) философский заряд романа сосредоточен в частях, посвященных Иисусу. Анализ лексик обнаруживает как сходство, так и различие в описании распятия Христа и избития Авдия. Сходство заключается в использовании архаичной лексики (*кровавое действие — смертоубийство*), что объединяет обе судьбы пафосом величия и трагичности. Различие — в том, что казнь Христа дана как оценочная констатация факта (*зверское убийство, мучительная смерть*), а насилие над Авдием, его смерть представлены как процесс. Убийство как бы рождается на глазах

читателя из цепи действий, каждое из которых само по себе – проявление крайней жестокости. Таким образом, абстрактная идея насилия в качестве кульминации вселенского зла дополняется в линии Авдия представлением об убийстве как апофеозе жестокости.

К подобным выводам приводит сопоставительный анализ описаний «жертвы» и «палача». С одной стороны – преемственность Христа – Авдия («новый Христос»), идея спасения человечества, самоотречения («Я буду добиваться своего ради вас же самих, чего бы мне это ни стоило»); с другой – стремление к разрушению, уничтожению. Правда, и в этом случае необходимо отметить некоторое различие: в линии Авдия акцент делается на психологическое состояние палачей (*разъяренный, остервенелый, озверевший, люгующие*), в линии Христа – на основополагающих характеристиках людей (*темные инстинкты, пороки, кровожадность*). Это наблюдение подтверждает вывод, сделанный при анализе множественности смысловых значений «насилия». Убийство представлено в разных ракурсах: как результат проявления определенных характерологических свойств людей и как процесс, связанный с определенным психологическим состоянием. Абстрактные категории зла, греха, порока обретают в линии Авдия живую плоть и кровь. Картины его истязания настолько подробны, насыщены деталями, что невольно встают перед глазами. Таким образом, в этой части романа утверждается не только мысль о вечном пришествии в мир Сынов Человеческих, но и мысль о катастрофическом нарастании жестокости, когда насилие становится не возмездием за преступление, а захватывающим процессом, дающим особое наслаждение.

БОСТОН И САНДРО

Следующий уровень символа – ситуация, описанная в новелле «Шестеро и седьмой», и взаимоотношения Бостона и Базарбай. Так же, как линии Христа – Авдия, они обладают смысловой симметрией. И Сандро и Бостон совершают возмездие, казалось бы, справедливое: Сандро казнит шестерых контрреволюционеров, Бостон – Базарбай, ставшего косвенной причиной гибели его сына. Очевидно, что на этом структурном уровне символа два звена триады – «палач» и «жертва» по своим характеристикам прямо противоположны соответствующим понятиям сюжетных линий Христа и Авдия. Палачами становятся чекист Сандро, выполняющий волю революционного суда, и добрый, преданный людям и делу Бостон; жертвами – люди, пролившие немало человеческой крови, и завистливый, жестокий Базарбай. В связи с этим меняется и способ выражения основного понятия триады – «насилия». Скупое, лаконичное, описывает Айтматов лишь сам момент убийства: «Сандро первым выстрелом (...) свалил главаря», «уложил подряд всех остальных»; Бостон «вскинул ружье и, почти не целясь, выстрелил», «второй выстрел настиг его (Базарбай – Е. К.), угодив в спину». Нет оценочных эпитетов, нет страшных подробностей, создающих эмоциональную атмосфе-

ру жестокости и изуверства. Однако для Айтматова главным остается существо деяния: убийство, насилие — всегда зло, поэтому творящие справедливое возмездие все равно палачи.

Зло, порожденное человеком, даже в ответ на причиненное ему или другим зло, убивает самого человека. Свершив казнь над другими, он свершает казнь над самим собой (самоубийство Сандро, духовная смерть Бостона). Палач и жертва совмещаются в одном лице. Так реализуется на уровне сюжета идея самонстребления человечества, заложенная в ядре символа (разговор Христа с Пилатом). Эта общность проявляется также в семантических повторах и прямых лексических совпадениях: линия Христа — «порождающие зло от зла», «крушение мироздания», «конец света»; линия Сандро — «жестокость порождает жестокость», «порочная круговерть убийств»; линия Бостона — «это и была его великая катастрофа, это и был конец его света». В новелле «Шестеро и седьмой» развивается тема неистребимости зла до тех пор, пока существует ценная реакция насилия; в рассказе о жизни Бостона — неизбежный апокалипсис мира, лишённого милосердия.

Внутреннее сходство судеб Сандро и Бостона не означает их смысловой идентичности. Каждая линия, несмотря на структурную однотипность, имеет собственные чрезвычайно значимые смысловые акценты, дополняющие общую картину сложного целого символа. В новелле «Шестеро и седьмой» это — песня, которую поют грузины перед расставанием, свободная, чистая, полная любви к жизни. Она звучит в воображении Авдия и накладывается на реальный музыкальный ряд — хоровое песнопение. Музыка обретает силу символа, ибо в ней «жизнь, смерть, любовь, сострадание и вдохновение (<...> ибо в ней, в музыке, мы смогли достичь наивысшей свободы, за которую боролись на протяжении всей истории». Люди, так глубоко чувствующие музыку, поющие столь самозабвенно и искренне, кто бы они ни были, несут в себе частицу вселенской любви. И значит, уничтожая их, Сандро уничтожает эту любовь; каким бы священным ни казалось ему возмездие, он совершает преступление и сам же себя казнит за это.

Убив Базарбая, Бостон чувствует, как рушится его жизнь. Он вдруг понимает, что неразрывно связан со всем тем, что живет и дышит вокруг него. Жизнь каждого человека включает весь огромный доступный и недоступный его чувству, сознанию мир, поэтому любое исходящее от человека разрушение есть разрушение самого себя.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПРИРОДЫ

Чем больше человек уничтожает вокруг себя, тем больше он уничтожает в себе. Эта мысль наиболее ярко проявляется на третьем структурном уровне символа — человек и природа (отстрел сайгаков, неоднократная гибель потомства Ташчайнара и Акбары и их самих). В процессе уничтожения живого происходит обезличивание человека, выступающего здесь

в роли палача природы. Участники массового истребления сайгаков называются словами, обозначающими технику: *машины, вертолеты, винтовки*. Лицо человека практически исчезает, остаются грохочущие механизмы, кем-то невидимым руководимые и направляемые, сеющие смерть, исполняющие это, как будничное дело. А жертвы? Безжизненная неподвижность умерщвленной земли, страх, страдание — вот что несет человек палач своей жертве-природе. Неслучайно в этих эпизодах повторяются слова, связанные с идеей Апокалипсиса: *крушение мира, светопреставление, апокалиптическое безмолвие*.

ГИБЕЛЬ КЕНДЖЕША

Бостон убивает Базарбая не по злой воле, а в силу обстоятельств, в силу той самой порочной круговерти убийств и насилий, которая вершится на земле из века в век. Чистый и любящий, он становится четырехжды убийцей (Ташчайнар, Акбара, Базарбай, Кенджеш). Одна пуля настигает волчицу и маленького сына Бостона. Эпизод приобретает символическое значение: убивая природу, человек убивает себя в потемстве, происходит полное слияние палача и жертвы в одном лице. Чтобы не стать орудием казни других и самого себя, мало быть просто хорошим человеком, утверждает писатель, надо научиться добровольно обрекать себя на страдание, *надо уметь прощать, иначе любовь и вечно сопутствующая ей жертвенность никогда не поселятся в наших сердцах*.

Таким образом, логика развития символа «плаха» определяется идеей губительности любого насилия. Сегодня — апокалипсис милосердия, завтра — гибель природы, духовное и физическое вымирание.

Если не будет услышано и принято — как закон жизни — Слово Сыное Человечески.

Современна ли современная рифма?

То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.

А. Пушкин

Л. Л. Бельская,
доктор филологических наук

В истории русской поэзии не раз высказывались диаметрально противоположные суждения о рифме. А. Пушкин жаловался, что «рифм» в русском языке слишком мало», а В. Брюсов восклицал их «изумительным разнообразием» и наставлял на том, что «ячело возможных русских рифм очень велико». Спор двух поэтов разделяет почти столетие. Что же произошло за сто лет?

С пушкинской эпохой связаны расцвет и канонизация точной и преимущественно грамматической рифмы и одновременно ощущение ее исчерпанности. Именно А. Пушкин почувствовал это: «пламень» неминуемо тащит за собой «камень», а из-за «чувства» выглядит непременно «искусство». В дальнейшем, и прежде всего в творчестве П. Некрасова и его современников, развитие русской рифмы пошло по пути не только расширения лексического состава, но и употребления приблизительных созвучий и неоднородных сочетаний: *размыкаю — великую, пьяным — туманом, Мороз — привелось* (Н. Некрасов), *впервые — Мария, радостно — блаженный* (А. К. Толстой), *рожь — войдешь, вопрос — слез* (И. Никитин).

Однако к концу XIX века все более ощущался кризис рифменной системы, как бы подтверждающая прогнозы о «вырождении рифмы» (так называлась статья поэта и критика С. А. Андреевского) и призывы отказаться от нее совсем: «современная поэзия не нуждается в рифме», «этом штатном украшении стиха» (С. Бобров). Бесконечно повторились и варьировались *даль — жаль — печаль, весны — сны — тишины — луны, муки — звуки — руки, цветы — мечты — красоты* и т. п.

И тем не менее русские поэты не расстались с «чудной побрякушкой» (С. Бобров) и не выбрали верлибретский путь западноевропейской и американской поэзии. Кризис рифмы был преодолен благодаря коренным ее преобразованиям. Первое — замена точных созвучий сходными и неточными: ср. *звезда — вода* и *опоздал — звезда* (В. Маяковский), *воздам — звезды* (Б. Пастернак), *грозных — звездам* (С. Есенин). Второе — «полевые», или углубление, то есть звуковые переключки захватывают как заударную, так и предударную часть рифмующихся слов: *топила — ступила* (В. Хлебников), *бросаю — босая* (А. Ахматова), *параллельно — пожалели* (Б. Пастернак), *помешанным — повешены* (В. Маяковский). Третье — деграмматизация, отказ от грамматически однородных рифмопар и синтаксического параллелизма строк. Пример из М. Цветаевой: *зарюсь — лобзаний*.

И, наконец, изменились и способы рифмования, на смену традиционным (перекрестным, смежным, огибающим) пришли трехчлены и незамкнутые рифменные «цепи», чередования в пределах одного стихотворения рифмованного и белого стиха и разных типов рифмовки: *молодое — золотое — вдвое — молодое* (К. Бальмонт), *одну — сну — качну — сну — шалуну — засну — ... — полону — тишину — луну — вышину — глубину — волну — ... — стражду — сожну* (Ф. Сологуб). У истоков всех этих превращений стояли поэты начала XX века, заменившие «старые» рифмы, «гладкие, как стекло» (А. Грибоедов), «новыми», в том числе неравносложными: *рабочего — ночь, почва — ворочается* (С. Есенин), *врезываясь — трезвость* (В. Маяковский); диссонансными: *пути — высоте* (А. Блок), *был — бел* (М. Цветаева), *норов — комиссаров* (В. Маяковский); разноударными: *погода — годá* (В. Хлебников), *ком — облаком, тиха — воздуха* (А. Белый); составными: *нечисть ведь — отечества* (В. Маяковский), *крещу вас — щурясь* (М. Цветаева), *жарью съел — замысел* у С. Есенина (см.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984).

Это была подлинная революция, беспредельно расширившая словарь русских рифм (ср. демонстративное заявление Л. Мартынова: «Рифм избытие / Осточертелое мне») и приведшая к рифмованию не отдельных звуков и слогов, а целых слов — к словесной рифме: *заржав — задрав* (А. Белый), *боится — больницы* (Б. Пастернак), *высверкам — выселкам* (Н. Асеев), *тропики — горопкий* (В. Маяковский).

В 30-е годы совершается частичное возвращение к традиционной рифмовке и отход от экспериментаторства. А с конца 50-х хлынула волна новых поисков. Были провозглашены теоретически и претворены на практике «массовое освоение поэзией словесной рифмы», «отсутствие каких-либо запретов, „канонов“, то есть принципиальная допустимость любых видов рифм», «разрушение автоматизма рифменных чередований» (Самойлов Д. Книга о русской рифме. М., 1982. С. 348).

А что представляет собою русская рифма 80-х годов? Подтверждает ли она выводы Д. Самойлова, относящиеся к 70-м? Удастся ли поэтам «воскрешать» старые и создавать новые рифмы? Чтобы получить представление об общем состоянии современной поэзии и принципах ее рифмования, обра-

тимся к московскому альманаху «День поэзии. 1989», в котором выступают стихотворцы разных поколений — отцы и дети, деды и внуки.

Перед нами 240 имен (а всего в сборнике представлено около 400 поэтов) и более 3200 рифм, среди которых менее четверти неточных. Это значит, что уровень «неточности», указанный Д. Самойловым (60—70-е годы), не повысился. Большинство авторов «Дня поэзии» чрезвычайно скупо пользуются нетрадиционными рифмами (Н. Тряпкин, Л. Озеров, К. Ваншенкин, Л. Васильева, В. Казанцев, Т. Кузовлева, Л. Смирнов, А. Межиров и др.) и только меньшинство проявляет к ним пристальный интерес (А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Чичибабин, В. Перельмутер, Н. Зиновьев). К тому же, основной костяк таких рифм — простейшие усечения: *ладони — агоний* (В. Боков), *потухнет — кудне* (Т. Бек), *ровесник — наперсник* (О. Дмитриев) и замещения звонких — глухих, твердых — мягких и сонорных согласных: *Петербурге — тужурке* (Е. Винокуров), *стенкою — тенькают* (А. Пьянов), *картину — силу* (О. Дмитриев). Гораздо реже встречаются резкие разнозвучия с несовпадением нескольких звуков: *напористой — поезде* (Б. Чичибабин), *чужестранец — трапез* (Б. Ахмадулина), *заклятье — счастлива* (А. Вознесенский), *бутсой — кучем* (В. Гнеушев).

Обычно такое разнозвучие в заударной части слов компенсируется звуковым подобием предударной: *радугой — радостью* (М. Лисянский), *денешься — девочка* (И. Ляпин), *защиплет — защитник* (Л. Лавлинский), *приварками — помалкивай* (В. Боков). Словорифма порой превращается в паронимическую, в которой слова различаются одним — двумя звуками: *орел — ореол* (Е. Рейн), *суги — суки* (Н. Панченко), *бурый — бури* (И. Бойко), *восторг — восток* (Иг. Жданов), *мужайся — Можайска* (О. Ермолаева), *страшно — страстно* (К. Ковальджи), *попятный — понятно* (М. Кудимова).

А вот составных рифм на весь сборник едва ли наберется 50, и то в основном самые простые, включающие в себя частицы, предлоги и местоимения (*упали — едва ли, нашла бы — шляпу, мелодия — в моде я*). Почти полностью отсутствуют неравносложные: *лица — разыскивается* (К. Ваншенкин), *просторы — истории* (С. Барсуков); чрезвычайно редки диссонансные: *жив — задержав, веси — связи* (М. Поздняяв) и совсем нет разноударных. Создается впечатление, что творцы стиха (а может, редакторы?) опасаются слишком смелых новаций. Или чересчур ирриверсны традициям...

Интересный пример экспериментальной рифмовки наблюдаем в стихотворении В. Перельмутера «Равновесье» — вначале обычные рифмопары перемежаются с необычными, «разногласными» (*торопит — опыт и славу — слово, свете — сети и погребу — рыбу*), затем идут сплошные диссонансы, и лишь в финале появляется рифма с созвучной ударной гласной:

И может быть, не напрасно,
хотя и не в нашей власти,
есть время гулять розно
и время бывать вместе.

Чем привлекают нас новаторские рифмы? Своей новизной и оригинальностью. Для рифмы важны естественность и неожиданность. Все зави-

сит от авторского замысла и от контекста. Скажем, для сатирических и публицистических стихов необходимы броские, по выражению В. Маяковского, «громкогроыхающие» рифмы, как, например, в стихотворении Андрея Вознесенского «Аксиома стрекозы», представленного в «Дне поэзии».

В то же время рифменные «неологизмы» могут быть неуместны при передаче naïвного сознания, детских впечатлений. Например, Л. Терёхин в «Страничке детства» следующим образом описывает глазами ребенка семейное застолье:

А дядя Валя как идейный рыцарь —
партийный и серьезный — за столом
сидел напротив всех передовицей
с торчащим из карманчика стилем.

Думается, что жажда новшества и изысканности в подборе рифмующихся слов (*рыцарь — передовицей, столом — стилем*) сыграла с автором злую шутку, выявив надуманность и фальшь сей зарисовки.

В современной поэзии по сравнению с классической восприятие рифмы и требования к ней принципиально изменялись. В рифмах ценится не благозвучность, не совпадение конечных звуков, не безыскусность, а своеобразие, смысловая насыщенность, образность, ассоциативность. Этот переворот осознавали уже поэты 10—20-х годов. А в наше время В. Шаламов выразил новое отношение к рифме в такой формуле: «Рифма — поисковый инструмент, а не орудие благозвучия (Бальмонт), не мнемоническое средство (Маяковский)» (Юность. 1987. № 3).

Конечно, обращение к традициям тоже может быть творческим, предполагая их развитие и преобразование. Да, точная рифмовка традиционна, но ее лексическое наполнение меняется и обновляется, передавая атмосферу сегодняшнего дня: *союзак — выкрутас* (А. Зорин), *леса — эфеса — прогресса* (А. Еременко), *азартных — кестандартных* (О. Постникова), *апломба — бомба* (В. Дагуров), *фото — вертолета* (В. Рубин), *лесоповал — каналаз* (Иг. Ждавов), хотя порой и перенасыщая «раствор» сиюминутности и злободневности (*Сталина — окалина и развалина, ГУЛАГа — общага и бумага, век — лек и веков — Соловков, сыта — Воркута, электроники — кинотройки*).

Выступая в защиту «рифм, поддержанных двумя веками русской поэзии», Б. Слуцкий назвал традиционные по фонетическому строению, но современные по смыслу рифмы «новыми старыми»: «О, если бы мне удалось создать одну новую старую рифму!» («Старые рифмы»). Эти рифмы безусловно правомерны и сегодня по-прежнему пользуются повышенным «спросом». И все же они лишены того «эффекта неожиданности», который гонится в непривычных соизвучиях. Ср. *лес — небес* и *рубеж — без — небес* (Д. Самойлов), *звезда — никогда* и *звездах — тверезых* (Ю. Карабчиевский), *людей — лошадей* и *лютом — людям* (Л. Лавлинский) или *словоблудья — людях* (И. Кохановский), *березе — леспрямозе* и *навозный — березы* (Т. Смертина), *народа — мода* и *пережитого — народу* (А. Вознесенский).

Такие «неожиданности» могут чуть вкрапливаться в стихи, а могут прошиваться их насквозь, заостряя авторскую мысль. А. Городницкий в стихотворении о потомке Чаадаева, погибшем в советской тюрьме, на фоне классических рифменных созвучий дает в концовке, переосмысливая пушкинское «И на обломках самовластья Напишут наши имена», «новые» рифмы:

И в тайном архиве, его раскрывая тетрадь,
 Вослед за стихами друг другу мы скажем негромко,
 Что имя его мы должны записать на обломках,
 Но нету обломков, и не на чем имя писать.

«Странность рифмы поной» поражает нас в стихах Н. Зиновьева, который подбирает к слову *метро* небывалые сочетания — *вам про, ведром, метлой, ребром, мертво*, а *размен* рифмуется не только с *креном* и *ареной*. но и с *застенками*.

Необычайной изобретательностью и разнообразием отмечено рифмотворчество Б. Ахмадулиной — все виды словесных и неточных, или акустических, рифм (усеченные, замещенные, комбинированные): *ущельный* — *ущербный, спастись* — *спросить, алабастра* — *баланса, откосе* — *козми, месяц* — *незаметен, навощен* — *вошел, диковин* — *подоконник, группой* — *угрюмой*. А рифменная «вязь» в «Аксиоме стрекозы» А. Вознесенского настолько изощрена и непредсказуема, что подчас превращает поэтический текст в кроссворд: *самоиска* (ключевое слово) — *риска, Симеиза, миски, замызге, самоубийства, авантюристки, Минской, самофракийской, искры* и т. д.

Однако в рифменном составе «Дня поэзии. 1989» новаторские рифмы занимают не более 20%. Зато удручает изобилие не просто традиционных, но банальных рифм, заполонивших сборник. Еще А. Пушкин иронизировал над банальностями вроде «морозы — розы» («Читатель ждет уж рифмы „розы“»). Посмеивался над стереотипами С. Есенин: «Она пришла, как к рифме „вновь“ Неразлучимал любовь». Возмущался ими В. Брюсов: «Разве естественно и разве достойно оправдания, что у большинства наших поэтов на конце стиха попадают почему-то все одни и те же слова, непременно и „вновь — любовь“, и „смерть — твердь“, и „строго — много — тревога“ и т. п., а другие слова почему-то упорно прячутся в середине стиха и ни за что не хотят оказаться в конце!» («Ремесло поэта»). Но жив курилка! И тут как тут *любовь — кровь и пламень — камень, глаза — гроза и чувства — искусства, день — тень и печаль — жаль, свое — бытие и тайна — случайно*. А уж как повезло *моей — огней — дней и меня — огня — дня, ответ — свет — цвет — нет — лет — поэт — привет и светом — этом — поэтом*: мало кто не поддавался их гипнозу!..

Сочинители взапуски устремляются в *небеса*, где *чудеса*, и *бесы*, и *леса*, и *глаза*; потом возвращаются на *землю* — *во мгле, эле, в пыли и золе, в семье* и *Кремле, на заре, с журавлями, кораблями, тополями, учителями и нулями*; отправляются в *дорогу* — *из чертогов, за порогом, у отрогов, с тревогой и Богом, убого, много, понемногу*; протестуют против *войны* — с

чувством вины, в стране, тишине, сне, в волнах, на луне и на дне; думают о душе — чужой, большой и хорошей, в тиши и стуже, в вираже и на земле, дыша и спеша, без гроша и долбежа, барышей и ушей, тужи и груш; мечтают о тишине — в глубине, пелене, стране, сне, на луне и стене; жаждут свободы — у входа и брода, под сводами, в воде, на природе и на дне, с невзгодами и годами. Господи, почему все так уныло и однообразно, так похоже друг на друга? А ведь словесная стандартность отражает триивальность мышления.

В прежние времена играли в буриме и на заданные рифмы сочиняли стихи. А если наоборот — предложенные строчки заканчивать рифмами?

Сначала — темная вина.
Потом — гремящая...
Затмила эту тень вины
Тень оглушительной...

Но вот окончилась война.
И всколыхнулась вновь...
Очнулась снова тень вины
Больней, страшней, чем тень...!

В. Казанцев. «Сначала — темная вина...»

Можно упростить эту игру: называется слово, а вы, уважаемый читатель, «без раздумий, без отсрочки» даете к нему рифмопару: *честь* —... *есть, забыть* —... *быть, звуки* — *руки, гости* — *кости, лицо* — *кольцо, доле* — *волс, дело* — *тело, окно* — *давно*. Все эти «окаменелости» легко обнаружить в «Дне поэзии. 1989».

Вызывает досаду и множество проходных, «служебных» рифмосочетаний (*своя* — *я* — *моя, другим* — *своим* — *моим, своего* — *твоего* — *него* — *его* — *ничего* — *того, ее* — *свое*), однокорневых (*вокзалах* — *кинозалах, порыв* — *нарыв, откуда* — *покуда, отметил* — *пометил, нашли* — *зашли*) и грамматических (*народный* — *свободный, книжник* — *подвижник, сидит* — *сопит* — *поговорит, дольше* — *больше, полях* — *тополях*). По поводу последних Н. Асеев остроумно заметил, что рифмовать однородные слова все равно, как если бы «скреплять близких по крови представителей семейства: результатом будет вырождение» («Наша рифма»).

Начитаешься таких стихов и начинаешь думать, не пора ли и в самом деле отказаться от «сигнальных звончков»? Но вот, освобождаясь от раздражения при встречах с шаблонностью, вдруг замечаешь, что *лицо* не обязательно тянет за собой *кольцо*, а может рифмоваться с *разыскивается* (К. Ваншевкин), *лижом* (П. Иванова), *словцом* (Ю. Беличенко) и что *свет* — *лет* и *ночи* — *очи* не столь уж неразрывны: *свет* — *вовек* (Т. Смергина), *свеж* — *свет* (Е. Яровая), *свет* — *жертв* (Ю. Ким), *след* — *лет* (П. Рожнова) и *ночью* — *озабочен* (В. Боков), *ночь* — *разоблачив* (С. Прокофьева), *ночь* — *дичь* (П. Иванова). Не это ли главный путь обновления рифменной лексики, когда к традиционно-поэтическому слову подбирается свежее, нестертое и возникают новые ассоциативные связи?

До сих пор далеко не все поэты признают нетрадиционные рифмы. Лев Озеров в статье «Воспоминания о рифме» (Вопросы литературы. 1975. № 6) считает их «анемичными», «немыми», «вялыми», «тугоухими». С. Михалков и С. Баруздин в своих ответах на анкету «Поэты о рифме» возражают даже против приблизительных созвучий, а В. Боков подчеркивает, что неточность не должна «резать слух», и именует «свежими» рифмы *вдали* — *корабли* и *безбрежный* — *снежный*, известные еще в XIX веке (Вопросы литературы. 1983. № 12).

А вот как своеобразно вступает за старые рифмы Юнна Мориц в стихотворении «Солнечным и звездчатым путем» (сб. «В логове голоса». М., 1990). Называя их «нищими», «старухами, прекрасными без прикрас», «скелетами в крылатых тряпках», поэтесса относится к ним двойственно, то любуясь, то посмеиваясь (*братство* — *богатство*, *шмотьем* — *путем*, *орда* — *навсегда*, *скелеты* — *поэты*) и не избегая при этом и новых рифм (*синиз* — *силах*, *аверз* — *всех*, *леденее* — *беднее* — *вернее* — *мною*):

За мной на свет глубокий, кладородный,
За мной, старушки, — вашу красоту
Найдут, ля-ля, чрезмерной и холодной
Все те, кто обходил вас за версту.

Какие же рифмы нужно «обходить за версту»? Обветшалые, затасканные, стершиеся от долгого употребления? Казалось бы, бесспорно, но есть и другое мнение. Высказано оно Д. Самойловым, убежденным, что нет «затертых слов», а значит, и рифм: «их протирают, как стекло, и в этом наше ремесло» («Слова»). А раз так, то и трафареты можно и подновлять, и преобразовать, и обыгрывать, как остроумко, иронично это делает В. Друк в своем «Человечке впечатлительном»:

Я ношу сандали летом.
Восхищен поэтом Фетом
И грозу в начале мая
Всей душой воспринимаю.
А зимой ношу тулуп.

Кто же скажет, что я глуп?
Знаю правила движенья
И таблицу умноженья.
Я не глуп, не глуп, не глуп!
Просто вкручен от рожденья
В мою голову шуруп.

Господа поэты, вслушайтесь в свои стихи и свои рифмы и вспомните заповедь Марины Цветаевой из ее «Записных тетрадей 1919—1926 годов»: «Работа над словом — работа над собой. Выбор слов — это прежде всего выбор и очищение чувств, не все чувства годны...» (Октябрь. 1987. № 7).

Итак, современна ли современная рифма?

Наталья
Горбаневская
СТИХИ
О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Среди читателей «Русской речи» вряд ли отыщется кто-нибудь, никогда не слышавший имени Натальи Горбаневской. Однако на памяти, пожалуй, большинства ее имя прежде всего связано с трудной судьбой правозащитницы.

Напомним: в памятный день 25 августа 1968 года Наталья Евгеньевна Горбаневская с сыном-младенцем в коляске пришла на Красную площадь в Москве и, спасая честь запуганной страны, вместе с горсткой смельчаков протестовала против вторжения советских войск в Чехословакию. Потом — самиздатовский журнал «Хроника текущих событий», неизбежный арест, допросы и все остальное: Бутырская тюрьма, Казанская психиатрическая спецбольница, освобождение, угроза нового заключения, эмиграция и правозащитная помощь России уже из-за границы. Счастлирое провидение на многие годы поставило Н. Горбаневскую у кормила двух самых серьезных зарубежных периодических изданий на русском языке — «Континента» и «Русской мысли», признанных центров вольной русской духовной культуры. В эмиграции развился ее самобытный поэтический талант.

... Земля моя, свет мой и сила,
судьба моя, как ты красива,
звезда моя, как ты темна,
туманное имя, Россия,
твое я носить рождена.

Никакой поэзы и декламации. Слова совсем простые. По нашему разумению, Наталья Горбаневская — заметная фигура на поэтическом поприще, она — большой Поэт, ее имя может быть по праву названо в одном ряду с самыми звучными именами. Но эта чрезвычайно важная линия ее жизни и творчества, к сожалению, известна у нас мало.

Можно было бы ожидать, что жизнь-протест Н. Горбаневской выльется в однотемную поэзию протеста, — ведь такова участь многих. Но Н. Горбаневская — автор стихов и любовно-лирических, и философских, и (особенно в последнее время) религиозных. А ее стихотворные произведения с политическим содержанием — их, кстати, не отнесешь к разряду напи-

санных «по случаю» — явление редкое. Рассуждая (в рецензии) о «хлебниковской отрешенной независимости» Геннадия Айги, Н. Горбаневская, очень похоже, выразила и собственное кредо: „Политика“ в стихах почти не появлялась, и не из страха: сама свобода писать аполитичные стихи ощущалась первой политической свободой». Во всяком случае у Н. Горбаневской есть органичная потребность писать «вечную» лирику — об отношении к ближнему своему, о целокупном бытии с природой и о реальном присутствии Бога.

За плечами у Н. Горбаневской более трех десятков лет творчества. Опубликовано девять ее поэтических книг. На Родине, однако, они известны лишь немногим.

Нам еще предстоит, отдав должное общественному горению Н. Горбаневской, оценить и, не сомневаюсь, полюбить ее как первоклассного Поэта.

«Русская речь» предлагает вашему вниманию подборку стихотворений Н. Горбаневской. Они посвящены языку и языкам, словам и бессловесию, дару речи и непереносимости немоты. Это не сухие рассуждения и не лишённые смысла восклицания, а — прозрения: смысл постигается как путем сложения значений слов, составивших стихотворение, так и благодаря внешней форме, так сказать, звукосемантике, этих слов.

Особая ценность этой подборки в том, что Н. Горбаневская составила ее сама и предназначила непосредственно нам, читателям «Русской речи» и, следовательно, — ревнителям русского языка. Надо полагать, она видит в нас своих единомышленников.

По интересам и образованию Н. Горбаневская — филолог-русист. Она училась в университетах обеих российских столиц: из одного ее, правда, — такова участь многих талантливых людей, — «попросили», а другой все же, скрепя сердце, позволили закончить. Н. Горбаневская — литературный критик и редактор с длительным стажем, много пишущий по животрепещущим вопросам журналист, профессиональный переводчик.

О процессе своего стихотворчества Н. Горбаневская говорит, что стихи у нее до записи «вертятся во рту»; слова же — «как годы, движутся»; даже мельчайшие слоги «долго в горле полощутся» (и т. д.). Стало быть, стихи создаются в произнесении, а раз так, то и воспринимать их надо путем проговаривания-пропевания. Надо приспособиться слышать себя со стороны.

Тогда можно будет услышать Поэта.

Е. М. Верещагин,
доктор филологических наук ©

*

Не высокой болезнью,
 но из бреда ночного,
 но позорною казнью
 пробивается слово,
 пробивается розгой
 в пересохшее небо,
 колесит бензовозкой
 по губам, по бумаге и снова
 возвращается в бронхи
 мокрым кашлем вчерашним,
 но уже и не страшным,
 как на горизонте
 вверх ногами сраженье
 и его отраженье
 в солонцах гуляй-поля,
 выбирай, выбирай,
 пока вольному поля,
 а спасенному – рай...

*

Жужжание жука, журчание ручья,
 язык, звуча, значение в звуки
 влагает так, как в раны руки,
 вдыхает так, как душу в глину,
 где ничего наполовину,
 где тонкая стрела разлуки
 застынет, застонав на луке,
 но силой меткого плеча
 метнется в небо сторяча.

*

Безымянные, безъязыкие,
как просыпанная зола,
как растоптанная брусника,
как погода на позавчера...

*

Ну и язык, поехал что пошел,
а как же «ну пошел, ямщик, нет мочи»!
Наш беспорядок слов тяжел, тижел,
как произвол, да нам оно привычней.

«Возьми метро»? — нет, выскочи в окно,
как Подколесия из окна ОВИРа,
и на лету бряцающая лира
пожарное проперет полотно.

*

Не гопись за призраком чего бы то,
не хватай ладоною пустоту,
в облаке обманчивого опыта
ласточку не словишь на лету.

Ласточку не словишь, и не выразишь
соловья, и не совьешь сове
в свете дня гнезда, и — и не выразишь
скрытых сил в словесности своей.

Словеса не станут небесами, как
не добыть ни из какой травы
древесины, и завозим санками,
как и встарь, дровишки на дворы.

Из лесу, вестимо. И не выразишь,
на дворе творенье ли, в траве
тварь ползучая ли, только щеку вымоешь
от варенья — ая на рукаве
акварель, утрень слезу и вымажешь
ту, вторую, выполнив Завет.

Как в Москве слезам не верят, так и тут
(тут — не «здесь», а тут, в попытке слов).
Только часики так тикают и такают,
словно ждут подсчитывать улов.

*

Чеславу Милошу

И тогда я влюбилась в чужие стихи,
шелестящие так, что иные кривились: «Шипенье...»
И оттуда, наверное, многие проистекли
для меня и несчастья, и счастья. Теперь я

присяжной переводчик, профессионал,
по ночам шелестящий страницами Даля,
поверяющий щебет по русским забытым словам
и бормочущий вслух, как над книгой гадальной.

Но спасибо за то, хоть не знаю, кому,
не себе и не Богу, не случаю и не ошибке,
что, пенца в законную парижскую тьму,
я робею по-прежнему, прежде чем выстучать перевод
на машинке.

Не себе и не Богу, не случаю и не призывью —
языку, что любовному поверил призывью.

*

Никому ничем не поклянусь,
неверна ни речи, ни призывью,
в языковых трех соснах запнусь,
балкой легши рухнувшему зданью.

Но зато, пока мне быть живой,
зубы стиснув, без слезы и стога,
буду биться в стенку головой.
древоточем в непрогрыз бетона.

*

Некоторые слова
я и вымолвить не смею,
замусолила словарь,
им других ища на смену.

Некоторые стихи
не выищутся и сами,
не затем, что пустяки,
а затем, что словесами.

И отыскиваю по-
прозаичнее, попроще,
как трамвайное депо
вместо вырубленной рощи.

Звуку на всем скаку
 смысла барьер причален,
 не всякому языку
 даден такой датчанин.

Быть там или не быть
 — мучим принц в Эльсиноре.
 Быть — да еще добыть
 слово лесостепное.

Катит кибитка. Мгла
 пуще морской и гуще.
 Родина прогнила,
 но российские кущи

корнесловия дань
 дали в дорогу дальнюю,
 и иноземная даль
 затуманила Данюю.

В далеком давнем далеке,
 но не лишенном смысла,
 в том городе, на той реке,
 чье имя... но не Висла,

а -- Влага вроде бы, в руке
 моей моя повисла
 судьба, слезою на щеке,
 дугою коромысла,

осою, в марлевом сачке
 на том жужжащем языке,
 в котором смысла нету,
 который больше не язык,
 а заунывный ультразвук,
 просверливая ланиту.

И только нерусское имя за зеленью
 саргассовых верст
 еще не до доньшка ветром развеяно,
 и парусный холст,

платком носовым к побережью приложенный,
 как хворост, хрустит,
 и зарево-марево-морево -- Боже мой! -
 на стертую стрит

ложится волной, пеленою, холстиною,
снежком Покрова...
А имя пылит над бетонной пустынею,
над краешком рва.

*

Когда начинаешь спотыкаться на простейших словах,
например, оцепенело задумываешься, что значит «когда»,
когда реченья и речи расползаются в швах
и сыплется ткань языковая, ни на что не годна,

— тогда прикуси язык и отключи телефон,
устань в стенку и изучай обоев узор,
ибо зачем дар речи беречь, если он
дан на одно заикание да на позор,

да на ловлю созвучий, где их нет и следа,
где одна вода, с самой собою созвучна, журчит,
где все равно не додумаешься, что значит «где» и «когда»,
а тем более, где и когда «где» и «когда» звучит.

Вместо хроники одной конференции о русском языке

Е. Н. Ширяев,
доктор филологических наук,
заместитель директора Института
русского языка АН СССР

20–23 мая 1991 г. в Москве прошла Всесоюзная научная конференция «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». По поручению Отделения литературы и языка АН СССР конференция была организована Институтом русского языка АН СССР, Научным Советом ОЛЯ АН СССР «Русский язык: история и современное состояние» и Академией педагогических наук СССР. В работе конференции в той или иной форме приняли участие около 200 языковедов из разных городов страны. Среди них были академики и члены-корреспонденты АН СССР Н. И. Толстой, Д. Н. Шмелев, Ю. Н. Караулов, О. Н. Трубачев, Н. Ю. Шведова, президент Академии педагогических наук СССР В. Г. Костомаров. Открыл конференцию академик-секретарь ОЛЯ АН СССР академик Е. П. Чельшев. Нет возможности перечислить все доклады и сообщения, которые были сделаны. Да в этом и нет необходимости: они опубликованы, а подробная хроника конференции печатается всеми научными лингвистическими журналами. Моя же задача в том, чтобы попытаться показать место этой конференции в общем процессе изучения русского языка.

Конференция оказалась не рядовой. Можно без преувеличения сказать, что она была вызвана к жизни нашей сложной и противоречивой действительностью. Сейчас во многом переосмыслиется наше прошлое. Развитие общества идет к новому далеко не так гладко, как хотелось бы. Говорят о кризисах в разных областях жизни, в том числе и о кризисе культуры. Любой язык, разумеется, и русский – важнейшая неотъемлемая часть национальной культуры. Без национального языка нет нации. Это общеизвестно. Что происходит с русским языком сейчас? – вот вопрос, который волнует наше общество и на который языковеды просто обязаны дать ответ. Именно ответ на этот непростой, многоаспектный вопрос объединил все доклады и сообщения, несмотря на различия их конкретной тематики.

В открывавшем конференцию программом докладе Ю. Н. Караулова, директора Института русского языка АН СССР, сказано: «...Текущим языком общества русистика, да, пожалуй, и лингвистика в целом, никогда по-настоящему не занимались. Больше того, обращение к нему как к

предмету изучения может показаться не вполне научным делом: ведь мы всегда изучали лучшие образцы речи, мы привыкли ориентироваться на метров языка, на авторитеты, и старались избегать „отрицательного“ языкового материала... Ставя сегодня вопрос о состоянии русского языка, о состоянии текущей языковой жизни общества, мы должны прежде всего думать и говорить о среднем носителе русского языка, который является средоточием всех его внешних плюсов и минусов, целью и смыслом нашей просветительско-образовательной деятельности, объектом многочисленных разнонаправленных, частично деформирующих, частично развивающих русский язык воздействий (прежде всего со стороны средств массовой информации), но одновременно и активным субъектом, творцом современного русского языка».

О минусах среднего носителя языка много пишут и говорят как специалисты, так и неспециалисты. Действительно, и элементарных ошибок — вроде ударений в словах *пичать* (вместо *начать*), *средствá* (вместо *средства*) — у них вполне достаточно, и тексты, создаваемые ими, часто по многим своим качествам далеки от лучших образцов. Если судить о русском языке по речи такого среднего носителя, то впору говорить об оскудении и вырождении русского языка. К счастью, все не так уж мрачно. Ведь наряду с недоброкачественными текстами, обезличенными, штампованными и стандартными — вроде передовой статьи в газетах не столь уж далеких застойных лет — есть и блистательная современная публицистика. Можно найти достойные подражания (но, конечно, не слепого копирования) тексты любой функциональной направленности: деловой, научной, разговорной и пр. Значит, не оскудели словарь и грамматика русского языка, или, выражаясь по-ученому, не деформировалась его система. Просто наш средний носитель не умеет использовать все богатства родного языка. Можно, конечно, сколько угодно ругать за это бедного неумелого середнячка. Это — легко. Много сложнее другое — помочь ему. Для этого в число фундаментальных научных задач следует включить изучение личностного начала в языке, изучение законов личностного присвоения языка и владения им. Короче говоря, необходима теория взаимоотношения человека со своим родным языком. Решение таких задач требует развития ряда, как теперь говорят, приоритетных направлений. На конференции их было выделено шесть.

1. Язык и культура. Культура речи.

Качество языка личности, принадлежащей к той или иной социальной группе, может быть поставлено в прямое соответствие с ее культурой как совокупностью производственных, социальных и духовных достижений. В истории развития русского общества обнаруживаются такие соответствия: литературный язык и элитарная, высокообразованная культура, просторечие и так называемая «третья», не самого высокого образца культура, говоры и пародная культура, арго (специальный, условный язык) и профессиональная культура.

Язык — это своеобразная среда обитания каждого народа. Взаимоотношениями человека и среды его обитания занимается экология. И поскольку язык может быть включен в широкое понятие среды обитания, правомерно говорить об экологии и языка. В поисках экологического равновесия между языком и человеком особое место принадлежит работам по культуре речи. Культура речи человека — это и следование нормам литературного языка, это и умение так строить тексты разной функциональной направленности, чтобы они максимально эффективно решали поставленные перед ним задачи общения. Умение хорошо говорить в разных ситуациях напрямую, таким образом, связано с эффективным решением стаядье не только языковых задач. Владение языковой культурой (и, естественно, не только языковой) парламентской дискуссии, например, в значительной степени способно обеспечить принятие таких законодательных актов, на основе которых можно достичь благоприятных социальных, экономических и прочих результатов. Недоценивать эту сторону дела никак нельзя. Для того чтобы лингвисты могли дать обществу действительно реальные рекомендации по культуре речи, необходима дальнейшая разработка теории закономерности и в развитии нормы, и в эффективном построении текстов.

2. История и диалектология. Нельзя всерьез говорить о воспитании достойной языковой личности, если «эта личность» равнодушна к истории своего языка, к его диалектам. Это так же верно, как и то, что нельзя представить себе достойного гражданина общества, который был бы безразличен к отечественной истории. История языка никогда не была обойдена вниманием лингвистов. Дальнейшее развитие этой области лингвистических знаний можно ожидать в таких направлениях. Давно спорят, были ли на Руси два языка — княжеский церковнославянский и разговорный древнерусский — или же были две разновидности одного языка. Чтобы решить этот спор, необходим исчерпывающий анализ всех контекстов употребления русизмов и славянизмов, представленных в памятниках письменности. Другое направление поиска состоит в следующем. Каждый язык, реально ограждая мир, в то же время вносит нечто свое в его осмысление. Чтобы понять семантические (значение слов, предложений) особенности древнерусского языка, необходимо реконструировать картину мира древних славян и последовательно опираться на нее при исследовании этих особенностей.

Особо следует сказать о диалектологической проблематике. Лингвисты давно знают, что диалекты — это национальное достояние, живое воплощение языковой истории народа, его культуры. Поражает языковое богатство отдельных диалектов: слов в диалекте может быть значительно больше, чем в литературном языке. Однако в нашем обществе долгое время бытовало — не по воле лингвистов — совсем иное отношение к диалектам. Диалекты рассматривались как ворча, коверканье языка, с ними велась беспощадная борьба. Нет сомнения в том, что всякая развитая нация должна иметь объединяющий ее литературный язык, но из этого

никак не следует, что диалекты заслуживают презрения. В диалекте запечатлены не только своеобразный, уходящий корнями в глубокую историю язык его носителей, но и их самобытная культура. Так, диалекты предъявляют свои требования к речевому поведению на вечеринке, свадьбе, поминках, свои требования к ведению рассказа, к выражению благодарности, похвалы, проклятия, приказа, совета, просьбы и т. п. Можно сказать, что диалект формирует особую цельную языковую личность. И исследование этой личности для понимания более общей проблемы — язык и личность — имеет, безусловно, первостепенное значение.

Хотим мы этого или нет, но диалекты под мощным напором радио и телевидения, так называемой массовой культуры разрушаются и исчезают, а потому можно сказать, не боясь громких слов, что наш святой долг перед потомками собрать и систематизировать в соответствующих словарях и описаниях все, что осталось. Многие в этом плане уже сделано. В частности, создан и выходит в свет отдельными выпусками уникальный всеобъемлющий «Диалектологический атлас русского языка», в котором на многочисленных картах показано распределение по территориям всех известных лексических, фонетических и грамматических особенностей диалектов. Но многое еще предстоит сделать, а для этого нужна и хорошая организация работы, и добротная методика сбора и обработки диалектного материала.

3. Словари и развитие русистики.

Не будет преувеличением сказать, что языковое благополучие общества во многом определяется развитием в этом обществе словарного дела. Чем больше издается словарей, чем более они разнообразны по своим целям (толковые, ортологические, предупреждающие наиболее типичные ошибки и пр.), тем больше у «языковой личности» возможностей совершенствовать себя.

К сожалению, словарное дело у нас поставлено далеко не лучшим образом. Не все здесь зависит от лексикографов — многое определяется развитием полиграфической базы. Лексикографы же видят свою задачу в том, чтобы совершенствовать теорию и осуществлять на ее основе создание разнообразных по тематике словарей. В частности, сейчас разрабатываются принципы создания нового академического словаря русского языка нашего времени; близка к завершению работа над толковым словарем нового типа, в нем слова будут систематизованы по лексико-семантическим классам; совершенствуется методика создания словарей новых слов (неологических), фразеологических словарей и др.

Важной лексикографической задачей на пути «сближения» языка с его носителем является следующая: дать в словарной статье такие сведения, которые бы позволили максимально точно определить возможности функционирования слова в тексте. В частности, предлагается в словаре синонимов показывать сходства и различия слов по таким пунктам, как значение (семантика), представления говорящих, сопровождающие употребление синонима (прагматика), те ассоциации, которые вызывает си-

ноним (коннотации), сочетаемость синонима, его грамматические формы и многое другое.

4. Современные исследовательские методы. Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Современный ученый, в том числе и лингвист, может сказать: «Дайте мне хороший метод, и проблем с познанием объекта у меня не будет» Какая бы область языка ни исследовалась, метод имеет первостепенное значение. Для решения в разных аспектах проблемы «язык — личность» важна разработка методики, связанной с понятием референция, требующим определить: с предметом конкретной действительности или же с понятием о предмете соотносит говорящий имя существительное в предложении, от чего зависит смысл предложения в целом, ср.: *Такой партии не было и Геологической партии не было на базе*. Не менее важно и актуально дальнейшее развитие методики исследования языка в его конкретном употреблении (функциональный аспект исследования). Особого внимания заслуживает разработка методики социалингвистических исследований, задача которых — определить, как пользуются языком разные социальные группы общества.

5. Русский язык в международном общении. Русский язык часто используется в международном и межгосударственном общении. По некоторым данным, на Земном шаре русским языком — и как родным, и как неродным — владеют полмиллиарда человек. Нет сомнения в том, что русский язык принадлежит к числу самых распространенных языков мира, он, как говорят, является членом «клуба мировых языков». К сожалению, долгое время русский язык рассматривался как важнейшее средство внедрения в разные страны коммунистической идеологии. Переоценка многих прошлых ценностей привела к значительному падению интереса к русскому языку в странах Восточной Европы. Однако позитивные политические и экономические процессы в нашей стране усилили внимание и интерес к русскому языку в развитых капиталистических странах и во многих странах третьего мира. Поэтому членство русского языка в клубе мировых языков продолжается.

Активно обсуждается сейчас и роль русского языка в нашей многонациональной стране. Стремление многих национальных образований к суверенитету повлекло за собой вполне понятное желание поднять значение национального языка: ввести родной язык в делопроизводство, осуществлять преподавание на родном языке не только в школах, но и в вузах и пр. Однако в таком многонациональном государстве, как наше, если, конечно, оно сохранится в той или иной форме, обойтись без языка международного общения вряд ли удастся. История распорядилась так, что единственным претендентом на роль такого языка является русский. Пусть политики решают, как должен называться, чтобы не ущемлять национального суверенитета, русский язык в этой своей роли: международным, официальным или как-то еще. Дело лингвистов — дать русскому языку такое описание, которое помогло бы ему выполнять свои международные функции. Для этого, конечно, учебные пособия по русскому языку

должны быть деидеологизированы. Нужно, чтобы такие пособия были дифференцированы в зависимости от тех целей, которые ставит перед собой изучающий русский язык: одно дело создавать учебники русского языка для тех, кто хочет читать научную литературу на русском языке, другое дело — создание учебников для тех, кто хочет читать в оригинале художественные произведения, иные задачи стоят перед пособиями по разговорной русской речи.

Активно разрабатываемый сейчас функциональный подход к языку, о котором уже не раз говорилось, при преподавании русского языка как иностранного особенно важен: знание языка — это знание не только слов, синтаксических конструкций и пр.: это еще и умение ориентироваться, как, в каких ситуациях их употребить, это еще и умение выразить одну мысль разными способами, выбрав из них наиболее подходящий для данных условий.

6. Русский язык в учебном процессе. Это последнее представленное на конференции направление по своему значению несколько не уступает всем другим. В конечном счете все направления ориентированы так или иначе на того среднего посетителя языка, с которого начинался этот рассказ о конференции. И для того чтобы достижения лингвистики дошли до этого среднего посетителя, необходимо хорошо поставленный процесс обучения русскому языку. Без этого нечего и думать о том, чтобы поднять общую культуру владения родным языком. Следует признать, что сейчас в средней школе учат, главным образом, правилам правописания, да и то плохо и стучно, развитию же языковых способностей уделяется очень мало внимания.

Между тем еще в 70-е годы в Институте русского языка АН СССР под руководством И. С. Ильиной и М. В. Панова был создан оригинальный учебник по русскому языку для средней школы, одной из главных целей которого было развитие у школьника творческого отношения к языку. Об этом учебнике, между прочим, в свое время рассказывал и журнал «Русская речь». И только сейчас идеи этого учебника, заложенный в нем подход к преподаванию русского языка начинают осваиваться и развиваться. Идут, разумеется, поиски и по другим направлениям. Давно обсуждается плодотворная мысль о гуманизации всего среднего и высшего образования, но только теперь намечаются пути ее реализации. Подчеркивается, что движение в этом направлении должно быть, если можно так сказать, двусторонним: синтез гуманитарного и естественно-научного знания может стать средством оптимизации обучения русскому языку.

Предвижу: придирчивый читатель найдет мое известование о конференции несколько умозрительным. И будет прав. Но стоит при этом все-таки помнить знаменитый афоризм К. Прутков: польза объять необъятное. Мне хотелось нарисовать картину конференции широкими мазками, не вдаваясь в частности. Но и частности, безусловно, интересны.

МЫ, МОДА И ЯЗЫК

Л. К. Граудина,
доктор филологических наук

Речь, мимика, внешний облик, манеры говорящего могут сказать нам многое об уровне его сознания, воспитания, общей культуре. М. Зощенко, посвятивший почти все свои произведения сатирическому изображению жизни своего современника, так определял ключевое для него понятие культуры: «Культура — это не только образование. Это сложная сумма поведения, это сложная сумма выработанных привычек, в основе которых положены эстетические и этические вкусы (нормы)» (Перед заходом солнца). Соблюдение этических норм, правил хорошего вкуса, выработанного поколениями опыта жизни и сложившихся форм массового поведения в обществе накладывает определенный отпечаток и на выбор стиля речевого общения. С этой точки зрения небезынтересен язык модных журналов, таких, как «Модели сезона», «Журнал мод» и ряд других, так же как и рубрика типа «Мы и мода» в публицистических изданиях — газетах и журналах. Ведь моду мы воспринимаем как стиль поведения, стиль одежды и даже стиль жизни человека.

При всей изменчивости моды язык тех, кто ее создает или пропагандирует, довольно стабилен: он стойко отражает вкусы нашего времени, уклад нашей жизни и нашей культуры. Поэтому и заслуживает внимания. Нельзя не заметить, что язык и стиль модных журналов имеет некоторые особенности. Основное внимание в этих изданиях сосредотачивается на демонстрации моделей в рисунках и фотографиях, а текст занимает сравнительно мало места. Свое главное назначение журналы успешно выполняют — они интересны, занимательны, красочны и заслуженно пользуются спросом у самых широких слоев населения. Однако именно поэтому авторам нелегко писать, они попадают иногда в затруднительное положение. С одной стороны, приходится считаться с влиянием «языка улицы», ежедневной практики городской речи, идущей из пошивочных мастерских, ателье, швейных фабрик, учреждений легкой промышленности. С другой стороны, еще большие трудности связаны с давлением терминологической сферы речи.

Как специальные слова или выражения, принятые в определенной профессиональной среде, термины должны быть однозначными, т. е. иметь четко и точно очерченные значения. Но поскольку в журнале все должно быть понятно массовому читателю, авторам приходится проявлять осмотрительность при употреблении специальных терминов. Особенную осторожность должны вызывать немотивированные заимствования, которые нельзя вводить без всяких оговорок в тех случаях, если эти тер-

мины читатель не сможет найти в толковых словарях русского литературного языка. Между тем термины этого типа в журналах и «модных» рубриках в газетах употребляются нередко: ткань с рисунком «пье-де-цуль», пальто-тренч, плащи редингот, блейзер, анорака, пояс типа «пор-фольк», рубашка-поло, куртки-парки и т. д. Можно привести один пример. В рубрике «Мы и мода» в газете «Вечерняя Москва» (1991. 17 мая) рекомендовались моды: «Второй бесспорный фаворит – *пиджак-блейзер*. По правде сказать, он уже не меньше десятилетия держится „на плаву“. На сегодня актуальны всевозможные жакеты, пиджаки, во самый модный должен быть достаточно длинным – 76-80 см., облегающим, женственным... Не потеряли актуальности так полюбившиеся прошлым летом „пижамные“ брюки – свободные, широкие, из тонких натуральных тканей, впрочем, так же, как и трикотажные, „в облипочку“ *брюки-стрейч*... Сильно клешеные юбки с блейзером или длинным трикотажным хлопковым жакетом, или джемпером – это „самое то“!»

«Самое то» – для пишущих, а для читателей – совсем наоборот! В справочную службу отдела культуры русской речи Института русского языка АН СССР постоянно звонят и спрашивают о значении слов типа *блейзер*, *стрейч*, их происхождении и нормативности употребления, потому что ни в толковом, ни в орфографическом словарях таких слов нет.

Мода широко рекламируется в газетах, по радио и телевидению. Но язык рекламы должен быть понятен всем. Однако это правило – общепонятности и общедоступности – постоянно нарушается. Например: «Студия „Сударушка“ принимает желающих в кружки по вязанию. Она также устраивает выставку вязаных изделий, а также изделий из кожи фриволите». Тот, кто знает французский, а моды нам диктует Париж, легко догадается, вспомнив, что французское *frivole* < лат. *frivulus* – глупый, пустой, легкий. Речь идет, видимо, о легких кожах. Однако на догадках знания не строятся. В. Юдашкин, создавший несколько тысяч моделей одежды, в интервью, данном им для еженедельника «Аргументы и факты» (1991. № 19), справедливо писал: «Я всегда в своей работе исходил из того, что мода интернациональна, и ее язык должен быть везде одинаково ясен». Хорошие слова. С ними трудно не согласиться. мода интернациональна. И неизбежно поэтому появление интернациональных терминов. Значит, возникает необходимость более тесного сотрудничества модельеров и лингвистов, чтобы язык моды был действительно понятным.

Профессиональное обсуждение характера терминологии и необходимости соблюдения определенных условий употребления терминов сейчас уже не может проводиться в отрыве от деятельности специальных терминологических комиссий. При этом неизбежно возникает вопрос о лингвистических оценках разработанных терминологических документов. Относительно швейной терминологии, в частности, необходимо заметить следующее. Возьмем ГОСТ 17037-77 под названием «Изделия швейные. Термины и определения». Это официальное издание представляет несомненный интерес для лингвистов.

Во-первых, в этом стандарте установлены применяемые в легкой промышленности и швейном производстве термины и определения основных понятий, относящихся к разным видам готовых швейных изделий. Во-вторых, документально закрепляются строгие нормативные предписания лингвистического характера, содержащие ряд запретов и оговорок по поводу употребления швейной терминологии.

В частности, в тексте ГОСТа на первой же странице содержится предупреждение о том, что «приведенные определения можно при необходимости изменять по форме изложения, не допуская нарушения границ понятий». Лингвистические рекомендации носят характер достаточно жесткой директивы. Вопросы стилистического выбора решаются однозначно. Так, запрещается использование синонимов для принятого и определенным образом истолкованного стандартизированного термина. В помещенном отдельным списком перечне терминов все стилистические эквиваленты считаются недопустимыми. Синонимы такого рода приведены в стандарте лишь в качестве справочных и обозначены пометой «види» (недопустимо). Так, дается определение понятия *плащ* - «верхняя одежда с рукавами, с разрезом от верха до низа, изготовленная из водоотталкивающего материала», а употребление синонима слова *макинтош* считается недопустимым. При словах *жакет, халат, блузка, фартук, трусы, бюстгалтер, кепи* помещены варианты, которые квалифицируются как недопустимые: *жакетка, капот, кофта и кофточка, передник, трусики, лифчик и лиф*. Даже из этого небольшого списка запрещенных эквивалентов видно, как из строгой терминологии старательно изгоняются разговорные уменьшительные формы.

Вместе с тем в тех случаях, когда речь идет о маленьких размерах одежды для новорожденных и детей ясельного возраста, нормативными считаются именно уменьшительные формы. У этих терминов в самой семантике слова содержится указание на малые размеры, что и передается с помощью специальных грамматических суффиксов уменьшительности: *распашонка, рубашечка, ползунки, кофточка, простынка, чепчик*. В этих случаях варианты без уменьшительных суффиксов рассматриваются как неприемлемые.

Составители ГОСТа проявили осторожность в том, что новую заимствованную терминологию не стремились вставить в списки фиксированных терминов. Это касается, в частности, широко распространившихся в разговорной речи названий одежды типа *болонья, блейзер, сафари* и т. п. В самом деле, далеко не все слова из ряда заимствований «оседают» в общеупотребительной лексике современного языка. Поэтому именно в области иноязычных и только что освоенных слов успешная регламентация терминов нежелательна. Однако существует и обратная сторона этой проблемы.

Что означает рекомендация ГОСТа употреблять термин в специальном, четко определенном значении. Это предписание должно строго соблюдаться только в узких терминологических сферах речи, например в

специальной документации швейной и легкой промышленности, в названиях швейных изделий в магазинах, на складах и т. д. В устной же речи в тех же магазинах, пошивочных мастерских и ателье допустимо использование синонимов, заимствований, неологизмов.

Журналисты, получив заказ редакции написать статью или заметку о моде, могут использовать и профессиональную терминологию, и разговорные формы речи. В особенности если избранный жанр дает возможность разнообразить стилистические краски (очерк, интервью, проблемная статья и т. д.). Да и у лингвистов нередко возникает необходимость нормативно-стилистических оценок и анализа взаимодействия терминологических и бытовых форм речи.

Как уже сказано, новых слов типа *батник*, *сафари* нет в списках швейной терминологии ГОСТа или вообще в каком-либо профессиональном словаре. Однако эти наименования одежды все же укоренились в современной разговорной речи и даже включены в словник «Орфографического словаря».

Недавно распространившееся слово *сафари* — арабское по происхождению, с первоначальным значением «путешествие». От арабского корня *сфр* образовано немало (до 40) слов с разными значениями. Одно из них, связанное с наименованием спортивной одежды, которую носили в Африке туристы, получило широкое распространение. Существуют сумки, пояса, обувь, куртки и платья типа «сафари». Таким образом, словом *сафари* обозначается определенная стиль одежды.

Возникает проблема моды и словотворчества. Журналисты охотно подхватывают родившиеся в речевой стихии словечки и тем самым помогают им закрепиться во всеобщем литературном употреблении. Например: «Выйдешь на улицу и наверняка увидишь парня или девушку в зарубежных джинсах, „фирмовой“ рубашке. Но ведь как-то это все равно попадает к нам. Ведь не в магазинах же они покупают...» (Жомс. правда).

Встречаются и другие примеры, когда чувство стилистической «сообразности и соразмерности» не позволяет одобрить создаваемые авторами тексты. Так, например, под влиянием разговорной речи в языке журналистов мод заметна тенденция к употреблению уменьшительных форм: *розочка*, *веточка*, *треугольничек*, *ромбики*, *штампики*, *серединка*, *поясочек*, *складочки* и т. п. Этот стиль очень напоминает диалоги вежливости с налетом услужливости, которые мы слышим в парикмахерских: — Головку набочок! Височки прямые? Одеколончик? — Конечно, вежливость приятнее откровенной грубости и сквернословия. Но важно помнить: уменьшительные формы нередко вызывают отрицательные эмоции. А. И. Куприн отнесил слова типа *кусочек*, *чашечка*, *вилочка*, *яичко*, *яблочко* к языку богаделок и приживалок. Известно его высказывание: «Я питал и питаю отвращение к этим уменьшительным словам, признаку нищенства и прииженности» (Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М., 1960. С. 86).

Правда, в швейной терминологии многие из уменьшительных форм закрепились в составе специальных сочетаний: *низкая брюк* или *рукавов*,

листочек карманов, уголки подворотника, подлисточки, отрезные бочка и т. п. В самом деле, обозначения мелких деталей одежды требуют употребления уменьшительных форм. Такого рода терминология возражений не вызывает. Ограничения и осторожность в выборе уменьшительных форм желательны в контексте, свободном от терминологических обозначений. Если речь идет о поясе или складках, необязательно называть их пояском и складочками.

В свое время о разговорных элементах речи и возможных пределах их введения в тексты литературного языка замечательно писал Д. Н. Ушаков: «Учиться языку на флорентинском базаре или, как Крылов, у прачек в Твери — это значит не гнушаться народных оборотов, но это не значит совать их без толку. Всегда в таких случаях должно быть чувство меры и известный такт...» (Русский литературный язык. М. 1929. С. 17). С этой точки зрения соблюдение стилистических норм в языке моды оставляет желать лучшего.

Рассказ о целесообразной моде иногда переходит в слащаво-сентиментальное повествование в стиле «элеганс». При этом смысл отдельных высказываний приглушается нагнетанием «красивостей». Происходит своеобразная стилистическая «маскировка пустоты». Так, в одном из номеров журнала прошлых лет «Мода стран социализма» речь шла о коллекции одежды, представленной Венгрией. «Это негромкие, но ясно различимые мелодии, вилетенные в современную канву общей моды, — декоративное оформление головного убора, жилета, акцентирование линий края, двубортная застежка с «прокидкой» шнуров-петель — старинный элемент одежды венгерских гусар, визанские орнаментированные чулки». Синтаксис фразы таков, что получается: «мелодии» — это не что иное, как элементы одежды гусар, при этом непонятно, какое отношение ко всему этому имеют орнаментированные чулки. Стилистически неудачна и следующая фраза: «Свободные блузы с накладными карманами, с различно оформленными воротниками, планками, шляцами, соединяют в себе одновременно элегантность, деловитость и домашний уют» (Модели сезона). Вместительная форма! Речь идет о впечатлении, производимом блузами с накладными карманами, а фраза построена так, что блуза оказывается средоточием контрастных качеств — деловитости и уюта. А вот еще аналогичный пример: «Философия, сливаясь со стратегией, преобразуется в дух Диора» (речь идет о духах Диора, ЦТ. Переводной фильм о Диоре 24.02.91). Неудачны обороты типа «брюки обретают пропорции», «образные формы современной одежды» — несовременная одежда также всегда имела образные очертания, тавтологичны выражения «звучные цветочные акценты», «силуэтные формы» и т. д.

Совершенствование профессионального языка — особая работа. Она должна вестись, как уже сказано, в тесном сотрудничестве с терминологическими комиссиями, редакциями специальных изданий и сотрудниками отдела культуры русской речи Института русского языка АН СССР.

О слове и деле

Неполнознаменательность в языке и в речах

Г. А. Золотова,
доктор филологических наук

От слова до дела — сто переговоров
Из Словаря Вл. Даля

О своих делах мы говорим либо как о совершающихся действиях: *Мы моем окна, Я чиню сапоги*, либо как о намерениях, необходимости их совершить: *Завтра мы будем мыть окна, Я хочу починить сапоги*. Немаловажно, кого мы видим исполнителем действия. Если это не Я, то у говорящего — широкий спектр выражения побуждений к действию. Можно сказать: *Пожалуйста, вымойте окна*. Но говорят или пишут и иначе: *Есть идея организовать мытье окон; Надо сосредоточить усилия на осуществлении починки сапог; Неотложная задача — принять меры по реализации плана мытья окон*.

Чувствуете, как действие отодвигается, исполнитель его становится все более неопределенным, а «переговоры» заполняются целыми цепочками так называемых неполнознаменательных слов?

Что же представляет собой явление неполнознаменательности в языке?

Человек мыслит себя в языке как лицо говорящее и лицо действующее (субъект речи и субъект действия). Сознательная деятельность — привилегия существа, наделенного разумом и волей: *Старик ловил неводом рыбу, Старуха пряла свою пряжу* (Пушкин); *В море царевич купает коня* (Лермонтов); *Сольвейг, ты прибежала на лыжах ко мне* (Блок); *Заезжий музыкант играет на трубе* (Окуджава).

И только бездумный школьный разбор допускает вопрос «Что делает предмет?» к предложениям *Синеют небеса, Волны плещут, Неизвестность тревожит*.

Предложения из первой группы примеров — содержащие сообщения о действии лица — организованы по одной из самых употребительных синтаксических моделей в европейских языках: имя субъекта (подлежащее) в именительном падеже сопряжено с личным глаголом (сказуемым) и с возможными распространителями. Но эта модель может быть усложнена. Это происходит в том случае, если предложение содержит сообщение не о самом действии, а о стремлении, намерении, желании, необходимости, невозможности совершить его; тогда перед глаголом действия (акциональным глаголом) в предложении ставится глагол с модальным значением или модальные прилагательные, существительные:

[Чацкий] *Хотел объехать* целый свет, И не объехал сотов доли (Грибоедов); *Вы должны трудиться, стараться быть полезным* (Тургенев); *Кто-то смуглою рукой корзину Хочет и не смеет дотянуть...* (Блок).

Со времен школьных уроков мы помним, что модальные глаголы, так же как и фазисные (указывающие на начало, продолжение, окончание процесса), не обозначая действия, не могут сами служить сказуемым, а только входят в его состав. Их называют словами неполнозначительными или модификаторами сказуемого.

Модальные глаголы называют либо положительное отношение, устремленность к действию (*хотеть, желать, стремиться, намеренаться, пытаться, стараться, уметь, привыкать, любить, учиться ... делать что-то*), либо отрицательное отношение (*бояться, избегать, опасаться, отказаться, стыдиться, отвыкнуть ... делать что-то*). Это может быть отношение к действию не своему, а другого субъекта, связанное с волеизъявлением, тоже положительного характера (*просить, умолять, велеть, требовать, советовать, заставлять, обязывать, разрешить, позволить, рекомендовать, приказывать, обучить... делать что-то*) либо отрицательного (*запретить, препятствовать, мешать, отговаривать, отучать ... делать что-то*).

Кроме глаголов, среди модальных слов встречаем прилагательные (преимущественно в краткой форме): *склонен, способен, намерен, волен, горазд, согласен, должен, готов, рад ... сделать что-то*; слова, относимые к «категории состояния»: *можно, возможно, нужно, надо, необходимо, нельзя, желательно, неохота, лень ... сделать что-то*; некоторые существительные с лично-модальным значением: *мастер, мастак, охотник, любитель, не дурак ... делать что-то*.

Общим признаком всех этих модальных слов остается сочетаемость их с инфинитивом: их неполнозначительность не позволяет им служить самостоятельным сказуемым. (Естественно, не имеются в виду неполные реплики диалога.) По этому же признаку различаются модальные и немодальные значения многозначных слов, например: *Он мастер петь и плясать — Он мастер литейного цеха*.

Словообразовательные ресурсы языка значительно увеличивают роль существительных в модальных конструкциях: производные существительные образуются как от глаголов, и акциональных, и модальных, так и от других частей речи. Позиция инфинитива или модального слова, либо обе позиции могут быть замещены производным существительным. Отношения между ними оформляются с помощью падежных окончаний и предлогов: *стремиться понять, стремление понять — стремиться к пониманию, стремление к пониманию; запретить вывозить, запрещение вывозить — запретить вывоз, запрещение вывоза, запрет на вывоз; склонен выдумывать, склонность выдумывать — склонен к выдумкам, склонность к выдумкам ...*

Ряды модальных имен пополняются также отвлеченными существительными, которые соотносительны с модальными словами не словообразовательно, а семантически: в их значениях фиксируется не действие, не событие, а лишь устремленность, обращенность, настроенность на потенциальное или

будущее дело. Это такие слова, как *задача, установка, программа, проект, план, тенденция, проблема, вопрос, меры, шаги, пути, направления*. На наших глазах появились *инициативы, подходы, проработки* и т. п. (во множественном числе).

Неполнозначительные модальные существительные обрастают в свою очередь спутниками — вспомогательными глаголами, делящими с ними и без того неполноценную семантическую ношу: *ставить, решать вопрос, проблему, задачу; принимать меры; предпринимать шаги; идти по пути* и т. п.

В деловой, газетной, публицистической речи возникают цепочки тяготеющих друг к другу неполнозначительных слов, отражающие, с одной стороны, многоэтапность, комплексность сложных дел, но с другой — часто неоправданную усложненность аппаратных процедур, очевидный перевес слова над делом.

Поскольку подобные тексты исходят не от субъектов самих действий, а от тех, кто стоит над ними в социальной иерархии, для этих текстов характерны конструкции с использованием, во-первых, элементов форсирования предполагаемых изменений (*усилить, укрепить, увеличить, улучшить, повысить, фокусировать, акцентировать, сосредоточить*); во-вторых, лексики обобщенного, недостаточно определенного и — как следствие — недостаточно контролируемого воздействия (*осуществить, реализовать, организовать, содействовать, мобилизовать, провести в жизнь, закладывать основы, разрабатывать работы по ..., возглавить работы по ...*).

Потребность усилить побуждение к действию в газетно-публицистических текстах способствовала выработке особых синтаксических конструкций.

Сравним предложения:

(1) Мы должны ловить рыбу — (2) Наш долг — ловить рыбу

(2а) Наш долг — ловля рыбы

(3) Он учится чинить сапоги — (4) Его цель — чинить сапоги

(4а) Его цель — починка сапог

Между парами по горизонтали явно ощутимы структурные и смысловые различия, когда модальное слово занимает позицию подлежащего, а инфинитив или соответствующее отглагольное имя служит сказуемым.

Предложения правой колонки приобретают торжественно-эмфатическую интонацию, становясь экспрессивными синонимами к нейтральным сообщениям (1) и (3). Подчеркивая модальный аспект смысловых отношений, выражаемый словами *долг, задача, цель, дело, обязанность, забота, средство, решение*, а также словами усиливающей оценки *главное, самое важное, первостепенное, неотложное*, называя или не называя исполнителя, предложения правой колонки сближаются с волеизъявительными конструкциями, встают в ряд средств выражения непрямого побуждения. Но чем больше неполнозначительных слов, чем менее определенными оказываются субъ-

екты дел — тем дальше от желаемого результата. А ведь случается ораторам до него и не добраться.

Вот несколько примеров из газет и из выступлений по телевидению: «Центральный вопрос — продолжать работу по недопущению спада производства и принять ряд соответствующих мер. Поддержать активность трудовых коллективов» (ТВ, 1991. 4 марта). Кто субъект «работы по недопущению» и «поддержания активности (в чем?)»? Каково содержание этой работы и принятия соответствующих (?) мер?

«Известия» (1991. 4 марта) цитировали доведенное до абсурда распоряжение одного районного председателя, вот пункты из этого документа:

«4. РОНО, райкому ВЛКСМ провести соответствующую работу среди учащихся и молодежи по соблюдению порядка и дисциплины.

5. Предложить председателям райкомов профсоюзов вести серьезную работу среди тружеников района по достижению высоких трудовых показателей, трудовой дисциплины ...»

Распоряжение составлено вроде бы по законам жанра: названы исполнители, им предписывается ... Но что? — ничего! Потому что «вести (соответствующую, серьезную) работу по достижению показателей, дисциплины, по соблюдению порядка» — такого действия нет в природе.

А вот еще образчики новоязовского стиля: «Госкомиссии Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам следовало бы возглавить работу по совершенствованию механизма, ... способствующего увеличению выпуска и повышению качества ...» (Правда. 1990. 6 июня); «Выступившие предложили конкретные пути ускорения экономической реформы, подчеркивали необходимость в кратчайших срок завершить разработку целостной системы мероприятий по ее дальнейшему развитию, определить этапы и сроки их реализации. Для этого нужна глубокая проработка механизмов осуществления каждого из направлений реформы и организации работы центральных экономических ведомств по их последовательному проведению в жизнь» (Известия. 1989. 9 дек.).

Какова глубина и новизна проникновения выступавших в суть дела! Оказывается, для необходимости завершения разработки нужна глубокая проработка!

Многозначность сочетаний слов (неважно, какое с каким сочетается!) создает иллюзию многосложности дел, многозначительности решений. Не проще ли выразить смысл этого пассажа предложением: Центральные ведомства должны заниматься своим делом?

Мудрость и дальновидность государственных мужей, произносящих подобные речи и решающих проблемы нашей жизни, достойна восхищения: им ведома еще необходимость *ориентировать в конкретном направлении, принять соответствующие меры по ..., уделить особое внимание, продолжать вести работу по ..., предлагать конкретные пути по ..., разрабатывать мероприятия по дальнейшему развитию, организовать работы по проведению в жизнь, создать предпосылки для улучшения, сосредоточить усилия на обеспечении и т. д.*

Отработаны разговоры «о принятии мер по принятию мер»... Как не посочувствовать переводчикам, вынужденным искать в других языках единицы смысла для передачи не обремененных смыслом словес!

Из радиобеседы 13 июля 1991 г.:

«Мы продолжаем работать над вопросами, как повысить эффективность своей деятельности... Хочу обратиться к работникам милиции с призывом: с завтрашнего дня надо стараться принимать меры, чтобы наводить порядок... Вопросы радиослушателей заставляют задуматься, решать, искать пути». Эти ничего не значащие слова говорит министр, отвечающий за порядок в стране, населению, обеспокоенному ростом преступности. Можно понять так, что до этого интервью у министра не было поводов задуматься и решать. Сообщение его о том, что разрабатывается «целевая программа комплексных мер по борьбе с проявлениями саботажа», тоже перегружено ненужными словами: ведь значение слова «программа» включает в себя и «комплекс мер» и «целевая» (бывают ли программы бесцельные?), а саботаж если существует, то в том, что «проявляется». Из девяти слов здесь достаточно четырех: «программа борьбы с саботажем» или даже трех: «программа предотвращения саботажа».

Лексику подобных текстов нетрудно разделить на три группы:

1) Слова о словах (*говорилось, обсуждался, указал, отметил, подчеркивалось, высказывали, постановили, предложили* и под. — часто в безличной или неопределенно-личной форме);

2) Слова о делах (названия конкретных действий — их-то слишком мало в наших текстах);

3) Слова о намерениях (вот они, разного рода модальные слова, наседающие друг на друга, нужные и ненужные, представлены в изобилии).

Очевидна смысловая неравноценность этих трех групп для информативности текста. Слова о словах более нужны для сообщения не о процессе говорения, а о его содержании. Поэтому здесь семантически несомнее не сам глагол речи, а его распространитель: *о чем* говорилось, *что* обсуждали, *на что* указал, *что* предложили. Содержанием же речей в общественно-политической сфере должны быть действия, деятельность. Либо — намерения действовать. На наших глазах в политических речах происходит вытеснение сообщений о действиях сообщениями о намерениях, намерениях многоэтапных, многостепенных, изощренно подменяющих собой слово о деле.

Заметим, что без ущерба для смысла можно заменить глагол речи его синонимом: *Иванов указал, Иванов отметил, Иванов сказал, что ...* и т. п. Без ущерба для смысла часто взаимозаменяемы *меры, мероприятия, шаги, пути; установки, направления, подходы; проект, план, программа, проработки; осуществить, реализовать, претворить, провести в жизнь, выполнить* и т. д.

Их взаимозаменяемость — как раз от неполнозначности, от отсутствия законченности, индивидуальности, особости лица. Они сами — как возлюбившие их чиновники, обслуживающий персонал в мире слов: не без функции, но без самоценности производителей материальных и духовных богатств.

Слова же действия, как атланты, держащие на своих плечах полупризрачный, но громоздкий мир слов о намерениях, не заменяют с такой легкостью друг друга: *строить* — это не то, что *пахать*, а *водить машину* не то, что *водить за нос*.

Диспропорция знаменательных и неполнознаменательных слов ведет и к другим лингвистическим дефектам подобных речей — к затемнению и нарушению синтаксических, а следовательно, и смысловых связей: «... Н. И. Рыжков отметил, что ... в настоящее время последовательно закладывается здоровая основа для перехода народного хозяйства на новые условия хозяйствования, повышения его эффективности, а также ориентации на удовлетворение социальных потребностей общества» (Известия. 1989. 9 дек.). Характерная для тяжелой книжно-деловой речи «цепочка родительных» продолжается однородными цепочками таким образом, что неизвестно, к какому из слов в предыдущей или в предпредыдущей цепочке относится последующая.

Связи между словами и единицами мысли ослабляются, оказываются необязательными, штампованные блоки, прижнутые друг к другу, производят впечатление связной речи, но при более внимательном рассмотрении выдают безответственность говорящего. Сравните иной способ сообщения о деле: *Мы сделали то-то для удовлетворения потребностей общества*.

Привычка определенных кругов пользоваться преимущественно неполнознаменательными словами подчас лишает эти слова в их устах последних остатков смысла. Можно ли представить себе русское словосочетание «пути по переходу»? Можно, наверно, сказать *переход по пути, по путям* (железнодорожным), *через пути*, но «пути по переходу»? Однако читаем: «Органы Госснаба СССР не выработали действенных путей по переходу к оптовой торговле» (Известия. 1989. 9 декабря). Прямо по народной поговорке: слово слову костыль подает! Может быть, это означает: не перешли, не умеют или не хотят перейти? Так бы и сказали, не прячась за частокло бессмысленных и безграмотных словосочетаний. «Намечены пути поиска путей согласия», — сообщают по ТВ 6 июля 1991 г. о результатах совещания. Опустошение вспомогательных слов позволяет говорящему не замечать их повторения.

Утрата взаимозаменяемыми словами собственного лица влечет за собой и грамматические потери. Синтаксической норме соответствует сочетание *установка на что, на какие-то действия, но: программа чего, политика чего, каких-то действий*. Между тем по телевидению слышим: «программа на решительные действия», «политика на согласованные действия» (22 апреля 1991 г.). При словах того же ряда злоупотребляют предлогом *по*, принимая его за универсальный способ связи слов (*план, программа, проект, направления по организации*), тогда как нормативной является здесь беспредложная связь с родительным падежом (*план, программа ... (чего?) организации*).

Журналисты и писатели, чуткие к языку, а точнее — к соотношению слова и дела, не могут не реагировать на разрастание этих ватных прокладок, глушащих живые дела.

Всем памятно, как еще И. Ильф и Е. Петров высмеивали «крепких парней», которые вместо того, чтобы подмести улицу, устраивали шумную «кампанию по борьбе за подметание улиц». Кажется, языковые конструкции и здесь отражают некоторые социально-психологические сдвиги. Суета и пустая шумиха вместо дела все-таки создавалась в области деятельности, хотя и кажущейся, и безрезультатной. Не переключилась ли эта пустая деятельность в область штамповки опустошенных, безответственных слов?

Пародируя *руководящий новояз*, писатель Г. Семенов вкладывает в уста персонажа повести «Путешествие души» такие речи:

«— Надо основательно задуматься над этой проблемой, она сейчас приобрела глобальное значение и требует немедленного разрешения ... А поэтому я призываю вас направить все свои силы на разъяснительную работу с массами, донести до сознания народа, что руководство сейчас занято этой неотложной задачей, изыскивает средства на строительство новых пунктов и прилагает все усилия на то, чтобы удовлетворить запросы населения ...»

«С идеями у нас вообще все в порядке. Хуже — с исполнением ... Отвсюду только и слышишь: протоколы намерений, планы, задумки, перспективы. Ожидание грядущих прибылей. Короче, шкуры неубитых медведей ...» (Известия. 1990. 4 июля); «И депутаты совершенно не удивляются тому, что обсуждают не сам бюджет, а пояснительную записку к нему и плану на 87 страницах с мудреным названием «О проектах Общесоюзного прогноза функционирования экономики страны в 1991 году, Государственного плана по сферам ведения Союза» (Известия. 1990. 2 дек.).

Каким из трех возможных слов задается родительный падеж «плана»? Так ли уж необходимо строить пирамиды из модальных слов с потенциальным значением: *проекты прогноза плана ...?* Или, как пишет та же газета (Известия. 1990. 15 июня), — большинством голосов стыдливо называть пятилетний план «перспективным»? Не для того ли, «чтобы меньше было потом разочарований»?

Мы видим, что с разных сторон и в разной форме выражается озабоченность тем же современным общественным феноменом — опустошенностью, безответственностью произносимых речей, уводящих от дела в слова. Лингвистический анализ, как рентгеновский луч, высвечивает тип ораторов, обращенных в прошлое, при обилии их слов, обращенных в неопределенное будущее.

«Закон — что дышло», — говорят в народе. Но компетентный юрист всегда обнаружит, кто и зачем его поворачивает. То же и с языком. Его законы направлены на то, чтобы все средства языка служили выражению смысла.

В языковой жизни, как в зеркале, отражаются недуги общества: злоупотребление неполнозначемостью слов — неполнозначемостью людей, неспособных быть хозяевами и слова и дела.

(Статья поступила в редакцию в июле 1991 года.)

Наши консультации

В Республике Болгарии, в Республике Польша

Многие читатели «Русской речи» просят рассказать о правописании собственных имен в составе географических названий. Выполнить эту просьбу мы попросили научного сотрудника Словарного отдела Института лингвистических исследований АН СССР кандидата филологических наук И. В. Трифонову.

Прежде всего попытаемся ответить на два вопроса: 1. Как осуществляется согласование имени собственного в составе географического названия с топонимическим родовым названием в форме именительного падежа? 2. Каковы тенденции к склонению или несклонению собственного имени в сочетании с географическими терминами, стоящими в косвенных падежах?

Склонимость или несклонимость имени собственного в номенклатурном названии зависят от того, относятся ли собственное и нарицательное имена к одному и тому же роду или к разным родам. Обычно склоняются сочетания, в которых оба слова названия имеют форму женского рода (Республика Болгария) или форму мужского рода (Султанат Оман). Сочетания с собственным именем среднего рода в русском языке имеют тенденцию к неизменяемости (Королевство Марокко).

В именительном падеже имя собственное в составном названии предпочтительно не изменять, так как именительный падеж собственного имени выполняет «назывательную» функцию, например: *Народная Республика Болгария*, хотя употребляется и другая форма — *Народная Республика Болгарии*. Склонение имени собственного в названиях такого типа было закреплено в официальном названии *Федеративная Республика Германия*, существовавшем до объединения Германии, в настоящее время закреплено название *Федеративная Республика Германия*.

Имя собственное склоняется также в официальных названиях. *Содружество Доминики и Королевство Нидерландов*. На наш взгляд, в этих случаях форма родительного падежа имеет содержательное значение: она показывает, что на данной территории государство не является единственным (Содружество Доминики и Доминиканская республика). Родительный падеж множественного числа в официальном названии *Королевство Нидерландов* имеет значение совокупности объединенных в составе государства «земель». В тех же случаях, когда родительный падеж имеет формальное значение, наблюдается смещение форм: *Народная Республика Болгария* и *Народная Республика Болгарии*. В последнем примере предпочтительной яв-

ляется несклоняемая форма имени собственного — *Народная Республика Болгария*.

В косвенных падежах склоняются имена собственные — топонимы в сочетании со словами *город, столица* (*в городе Москве, из города Москвы*). Однако нужно учитывать тот факт, что в некоторых случаях косвенные падежи разных имен могут совпасть, а это приводит к искажению информации. Так, *город Пушкин* и *город Пушкино* имеют форму предложного падежа *в городе Пушкине*, поэтому в военных сводках и других официальных документах используется форма с неизменяемым именем собственным: *в городе Пушкин, в городе Пушкино*. Тенденцию к неизменению имеют собственные иноязычные имена даже в тех случаях, когда их род формально совпадает с родом нарицательного имени, например: «Магируса Вольфа — жителя *города Принс-Альберт* (Капская провинция, ЮАР) охотно посещали друзья и знакомые. Их привлекал живущий в доме трехлетний шимпанзе Лотар» (Труд 1991. 2 апреля).

Имена собственные женского рода склоняются в сочетании со словами *деревня, река* (*в деревне Вырице, на реке Волге*), имена собственные мужского и среднего рода в сочетании со словами *деревня* и *река* не склоняются (*у деревни Березово, в деревне Парфенок, на реке Днепр*). Обычно склоняются собственные названия сел, поселков, хуторов (*родился в селе Горюхино; за хутором Сергаковом*); имеют тенденцию к неизменению в сочетании со словами *село, поселок, хутор* собственные имена, оканчивающиеся на -о, например: *в селе Караманово, в селе Ново-Пиково, в поселке Комарово*.

Другие географические названия (названия озер, островов, полуостровов, гор, станций, мысов, заливов, проливов, горных хребтов, каналов, астрономические названия и т. п.) не склоняются: *на озере Ильмень, за островом Новая Земля, у горы Эльбрус, на станции Орел, на заставе Полтавка, к планете Марс, в пустыне Каракумы, в штате Техас* и т. д.

По общему правилу могут склоняться номенклатурные названия, включающие существительные одного рода: *Султанат Оман — в Султанате Омани*, однако в официальных документах такие названия имеют тенденцию к неизменению (*в Султанате Оман, в султанате Бруней*). Не склоняются имена собственные в сочетании с нарицательными названиями *содружество, королевство, княжество, герцогство, государство*, например: *в Государстве Кувейт, в Королевстве Бельгия, из Королевства Марокко, с Великим Герцогством Люксембург, в Содружестве Пуэрто-Рико*.

Номенклатурные названия со словом *республика* в косвенных падежах не склоняются, если:

а) имя собственное в названии имеет определение: *Республика Экваториальная Гвинея — в Республике Экваториальная Гвинея*; б) имя собственное является составным: *Республика Берег Слоновой Кости — в Республике Берег Слоновой Кости*; в) имя собственное имеет неизменяемую форму: *в Народной Республике Конго (Бурунди, Никарагуа, Гаити, Мали, Перу и т. п.)*; г) имя собственное оканчивается на -й или твердый согласный:

Восточная Республика Уругвай (Парагвай, Вьетнам, Египет, Афганистан и т. п.).

Неустойчива норма склонения номенклатурных названий со словом *республика* с именами собственными, оканчивающимися на *-а*: Народная Республика Куба (Ботсвана, Уганда, Венесуэла и под.), которые имеют тенденцию к склонению, например: «В Республике Куба скоро выйдет в свет двухтомник „Автология советской драматургии“» (Приуралье. 1984. 9 мая.). Обычно сочетания с именами собственными *Куба, Шри-Ланка, Ангола, Коста-Рика* не склоняются.

Вариативна норма склонения сочетания *Республика Польша*, которое может склоняться, но имеет тенденцию к неизменению, например: «Год стартовой *в Республике Польша* бурно. За месяц с небольшим случилось то, что порой не случается в течение десятилетий» (Правда. 1991. 3 янв.).

То же самое относится к сочетаниям слова *республика* с именами собственными, оканчивающимися на *-ия*: *Республика Болгария* (*Венгрия, Румыния, Албания, Болгария* и под.). Такие сочетания предпочтительно склонять *в Народной Республике Болгарии*. Однако некоторые из названных сочетаний в последнее время испытывают тенденцию к неизменению, на пример: «Правительство *Республики Грузия* считает недопустимым грубое вмешательство во внутренние дела *Республики Грузия* путем предъявления ультимативного требования о восстановлении статуса автономной области» (Труд. 1991. 3 апреля); «Теперь, стремясь к экономической независимости, *в Республике Армения* решили выйти на прямые контакты с за границей» (Смена. 1991. 11 апреля).

Таким образом, имена собственные в составе номенклатурных названий в именительном падеже, как правило, не изменяются. В косвенных падежах тенденцию к склонению имеют имена собственные в составе номенклатурных названий, если род имени собственного совпадает с родом имени нарицательного (*в Султанате Омане, в Республике Уганде, в Республике Болгарии*). Тенденцию к несклонению имеют имена собственные, оканчивающиеся на *о*, а также иноязычные собственные имена независимо от их грамматической формы (т. е. как неизменяемые, так и способные изменяться в соответствии с нормами русского словоизменения).

В официальных документах все собственные имена в составе номенклатурных названий имеют тенденцию к неизменению во всех падежных формах, поэтому в целях унификации язык написаний можно рекомендовать их не склонять.

В обосновании своей точки зрения автор основывается на лингвистических исследованиях А. В. Суперанской, Л. Б. Селезневой, Л. К. Граудиной, Б. З. Букчиной, практических пособиях Д. Э. Розенталя и материала периодической печати.

Санкт-Петербург

Владыка или владыко?

Эр. Хан-Пира,
кандидат филологических наук

В газетах нередко читаем: „Съезд (Всеукраинского объединення стачкомов.— Э. Х.) освятил владыко Украинской автокефальной церкви Влади мир. „Любой союз — ярмо для Украины“, — сказал владыко» (Коммерсантъ. 1991. № 26); «Владыко считал, что нет власти не от бога, но традиции тысячелетней церкви не дано разрушить даже этой власти» (Комс. правда. 1991. 6 июля).

Обратите внимание, что *владыка* употреблено здесь в именительном падеже, а имеет окончание *-о*. Однако у этого слова (так же, как у слов *юноша*, *староста*, *папа*) нет такого окончания в этом падеже. Среди слов мужского рода такое окончание имеют слова вроде *ружьишко*, *умишко*, *домишко*, т. е. неодушевленные существительные, образованные с помощью уменьшительно-уничижительных суффиксов. Но не таково *владыка* (сопоставим формы винительного и творительного падежей у слов вроде *ружьишко* и слова *владыка*: *купил ружьишко*, *был с ружьишком*, но *ви дел владыку*, *говорил с владыкой*). Так откуда же у него не свойственная ему форма именительного падежа?

Прежде чем ответить на этот вопрос, задержимся недолго на истории слова *владыка*. Оно заимствовано древнерусским языком из старославянского. А в последнем оно выступало как эквивалент греческому *деспот* при переводе Священного писания. И как *деспот*, *владыка* тоже было много значимым словом: «господин, владелец, хозяин»; «властитель, властелин,

повелитель, верховный правитель, государь». Отметим при этом, что у слова *владыка* не появилось того метафорического значения, которое получило *деспот* — «самовластный человек, тиран, самодур». Зато на Руси заимствованное из церковнославянского слово *владыка* приобрело два неизвестных ему в языке-источнике значения. Этим словом обозначался (и обозначается) в «русской православной церкви почетный титул духовных особ» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. VI^а. СПб., 1892. С. 663), а также в итоге метонимического переноса называлось (и называется) лицо, носящее этот титул (что, к сожалению, ни в одном словаре не отмечено впрямую, не выделено именно как самостоятельный смысл или, на худой конец, в качестве так называемого «оттенка значения»).

Упомянутый энциклопедический словарь пояснил: «На богослужебном языке владыкой именуется каждый священнодействующий иерей, но в общежитии титул В. дается исключительно архиереям» (напомню: иерей — священник, архиерей — епископы, архиепископы, митрополиты). Толку это слово, В. И. Даль записал в своем словаре: «архиерей, а также священник во время богослужения».

Владыка (в своих светских, нецерковных значениях) в современном русском языке воспринимается как архаизм, книжное, «высокое» слово. Ср.: «Стоял неподвижен опричников ряд, Был мрачен владыки загадочный взгляд» (А. К. Толстой. Василий Шибанов); «Владыки! вам венец и трон Дает закон — а не природа...» (Пушкин. Вольность).

Теперь вернемся к падежной форме на *-о*. В древнерусском языке (как и в старославянском) существовала особая форма существительных, употреблявшаяся в качестве обращения: *человече, отче, дево, друже. Владыка* (во всех своих смыслах) тоже имело в древнерусском языке звательную форму: *владыко*.

К XIV—XV вв. звательная форма перестает быть фактом великорусского языка» (сохранившись и по сей день в украинском и белорусском): при обращении ее заменяет форма именительного падежа. Звательная форма перешла в разряд морфологических архаизмов. И если раньше значение «звательности» выражалось в устной речи морфологически и интонационно, то после утраты звательной формы — только интонационно.

Слова в звательной форме (после ее ухода из живой речи) применялись как средство стилизации, нарочитой архаизации либо в случаях, предусмотренных традицией, ритуалом. Ср.: «Ты, отче патриарх, вы все бояре, Обнажена душа моя пред вами» (Пушкин. Борис Годунов); «Чего тебе надобно, старче?» — спрашивает золотая рыбка; «Царю небесный», — обращался к Богу Лермонтов в «Юнкерской молитве».

Есть несколько слов, которые мы и сейчас употребляем в старой звательной форме: *Боже! Боже мой! Господи! Господи Исусе!*

В современной разговорной речи существует новая звательная форма, но только у существительных, обозначающих лицо и оканчивающихся на безударный гласный (*мама, папа, Зина, тетя, дядя, Катя* и т. п.): *Пап!*

Теть Катя! Ср. у В. Высоцкого: «Ну, я меня, конечно, Зин, Все время тянет в магазин. А там – друзья... Ведь я же, Зин, не пью один» (Диалог у телевизора); у Е. Евтушенко: «Но звоню своей маме в киоске возле Рижского жалостно: «Мам, оставь „Независимую” пожалуйста...» (Независимая газета. 1991. 1 августа).

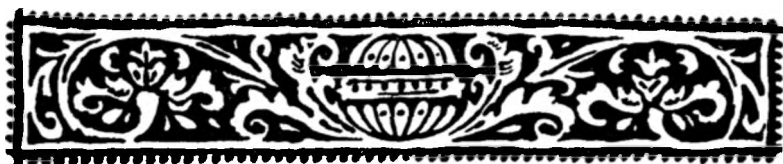
В церковной традиции, в церковном обиходе слово *владыка* при обращении употребляется в старой звательной форме. И. А. Бодуэн де Куртене сделал такое дополнение к уже процитированному выше толкованию слова *владыка* у В. И. Даля: «в двух последних значениях сохраняется в зательном падеже церковнославянская форма на -о: *Благослови, владыко!*» Ср. в письме Екатерины II одному из архиереев: «Преосвященный Владыко! Купца тарусского Андрея Квасникова, который по безумию пророчествует, извольте затворить в монастырь епархии вашей Иверской».

Из всего этого следует, что говорить и писать: «владыко сказал», «владыко считал», «владыко освятил» – это все равно что говорить: «старче сказал», «человече считал», «царю вошел», «дево заплакала».

Если в истории русского языка старая звательная форма была вытеснена формой именительного падежа, то у тех, кто вольно обращается со словом *владыка*, напротив: форма именительного падежа заменяется зательной формой (причем эта замена не поддерживается ни грамматически, ни интонационно).

Таким образом, употребление слова *владыка* в старой зательной форме не в ситуации обращения – ошибка, порожденная незнанием.

Итак, и *владыка* и *владыко*, но каждая форма должна стоять на своем месте.

«Бьют челом холопи твои...»

И. Б. Серебряная,
кандидат филологических наук

В истории русского языка встречаются так называемые «исключения» слова, не подчиняющиеся общим грамматическим закономерностям. Таково слово *холоп*.

В современном русском литературном языке существительное *холоп* ничем не отличается в своем склонении от иных существительных мужского рода, изменяющихся по «твердой» разновидности: *холоп, холопа, холопу ... холопы, холопов, холопам ...* Однако в прошлом это слово, сохраняя «твердую» основу в единственном числе, во множественном на протяжении длительного времени склонялось по «мягкому» типу: *холопи, холопей, холопям* и т. д.

Например, в историческом романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» (1829) читаем: «Боярыня и Федора ехали в колымаге, а боярин и *холопи* верхами»; «хоромы, как царские палаты, *холопей* полон двор»; «примолвил, умирая, своим холопам: «Спасайте дочь мою!» и т. п. (Здесь и далее курсив мой. — И. С.)

Формы типа *холопи / холопей* мы встречаем в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, А. П. Сумарокова и других авторов XVIII–XIX вв. Но в этот период были употребительны и формы типа *холопы / холопов*. Так, в стихотворении неизвестного автора «Плач холопов» (1767) сочетаются разные формы: «А они уж так нами владеют, / Что и говорить *холопи* не смеют, / Несытые господа // в пост мясо едят. / А холопом и в мясоед пустые щи варят»; и здесь же: «Что могут де *холопы* там говорить? / О, горе нам, холопам, за господьми жить!» (Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. М., 1975. С. 180–182).

В источниках же XVI–XVII вв. формы с «твердой» основой почти не встречаются. В языке этого времени исключительно широкое распространение имеют формы с мягким конечным согласным основы. Вот отрывок из документа 1607 года:

«Лета 7115 марта в 7 день государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии указал о добровольных *холопах*: которые *холопи* у бояр.

и у дворян, и у дьяков... послужит в *холопах* добровольно полгода... а кабал на себя те *холопы* государем своим дати не похотели, и на тех добровольных *холопей* в приказ Холопья суда учнут государи их бити челом о кабалах, и тех добровольных *холопей* государь... велел спрашивать...» (Восстание И. Болотникова. М., 1959. С. 210).

Закрепление «мягкости» в формах множественного числа существительного *холоп* было таким прочным, что мягкий конечный согласный основы мог проникать даже в формы единственного числа. К примеру, в собрании пословиц конца XVII – начала XVIII в. находим форму творительного падежа единственного числа *холопом*, вместо *холопом*: «Волно чорту в своемь болотѣ а боярину над своимь холопомь» (И. Симои. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб., 1899. С. 212).

Сам по себе факт существования в языке форм типа *холопы* / *холопей* не вызывает удивления и вполне объясним. Дело в том, что окончание *и* в именительном падеже множественного числа для существительных мужского рода «твердой» склонения было исконным, и некоторые слова, в частности, имена со значением лица, будучи принадлежностью церковно-книжного языка, долго, вплоть до XVII века, сохраняли эту старую форму: *беси*, *раби*, *ангели*, *попи*, *апостоли* и др. А «мягкая» основа из именительного множественного могла распространяться на формы косвенных падежей, и в результате выравнивания основы в языке появлялись образования *бесей*, *бесям* и подобные. Роль поддерживающего фактора здесь, по-видимому, сыграла и форма местного падежа множественного числа, где мягкость конечного согласного основы для имен этого типа также была исконной (в древнерусском языке существительные мужского рода, изменяющиеся по «твердой» разновидности, имели в местном множественного окончания *-ьхъ*: *о бѣсьхъ*, *рабѣхъ* и т. п.) Иначе говоря, формы типа *холопы* / *холопей* не являются исключительными в истории языка. Исключительна и требует объяснения консервативность слова *холоп*, столь длительно и упорно сохранявшего формы с «мягкой» основой на фоне других существительных подобного типа, гораздо раньше подчинившихся общим закономерностям.

Причины необычного поведения слова *холоп*, по нашему мнению, связаны с семантикой и сферой употребления этого наименования.

Прежде всего, *холоп* — это социально-правовой термин, обозначавший категорию феодально-зависимых людей в России X начала XVIII века. По правовому положению холопы приближались к рабам, их могли убить, продать, отдать за долги и пр. Древнерусское право много работало над холопством. Поэтому главной сферой употребления слова *холоп* были памятники деловой письменности: акты дипломатических и торговых сношений, различные грамоты, договоры и другие юридические документы. Как известно, для языка деловых текстов было характерно наличие устойчивых формул, однотипных конструкций, терминологических выражений. Фразеологически закрепившиеся конструкции со словом *холоп* были чрезвычайно употребительны в русских деловых памятниках. О каких же кон-

струкциях идет речь? С одной стороны, это устойчивые сочетания социального термина *холоп* с одними и теми же прилагательными. На Руси существовало множество подразделений правового института холопства. Различались *холопы полные* (или *обельные*), фактически находившиеся в полной власти своих господ; *холопы кабальные* — практически пожизненные *холопы*. В зависимости от характера обстоятельств, приводивших к превращению свободного человека в раба, различались холопы *докладные, приданные, прикладные, купленные, старинные*. Не существовало «просто холопов», всякий холоп имел свое дополнительное определение, соответствующее разряду холопства. «На старинных холопей кабал не имати», читаем мы в Судебнике 1550 года (Судебники XV—XVI веков, М. — Л., 1952. С. 169); «А что мои люди *полные холопы* и рабы, а те все по моему животе на слободу», — говорится в одной из духовных грамот 1476 года (Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XV в. М., 1958. Т. 2. С. 513).

С другой стороны, слово *холоп* входило в состав однотипных предложений сочетаний *в холопы* (при глаголах *выдати, искати, приимати, бити челоу* и т. п.); *в холопех* (*быти, служити*); *на холопей*, чаще всего употребляемое в конструкции *на холопей кабал не имати* и др. Например, «а нынѣ бить челоу въ *холопы* Григорью Никитину сыну Путятину» (1599—1600 гг.; Русская историческая библиотека. СПб., 1899. Т. 15. С. 74); или: «и во дворе де он *в холопех* ни у кого не служивал» (1646 г.; Памятники русского права, вып. 5. М., 1959. С. 61) и т. п.

Общезвестно, что в XV—XVII вв. слово *холоп* могло обозначать не только раба, но и свободного человека. Подчеркивая свое зависимое положение, холопами называли себя и свободные люди при обращении к лицу, обладавшему большей властью. Г. Котошихин, публицист XVII века, в сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» писал об обычае «писатися к царю, себя пизити, а его высити и называтися холопами его» и уточнял далее, что «посадские люди и крестьяне пишутца в челоу битных своих „рабами и сиротами“, а не холопами» (СПб., 1906. С. 39 и 127). Но холопами при обращении к царю называли себя люди самых разных социальных слоев, а не только бояре и дворяне: «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Руси бьютъ челоу *холопы* твои и являютъ. Московские салдаты Еремка Микифоровъ сынъ Севрюковъ да Федка Ивановъ» (Акты Холмогорской и Устюжской епархии. СПб., 1908. Т. 3. С. 254); «*холопы* ваши ямщики всех слобод» (Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. С. 36) и т. п. Эта формула обращения была очень широко распространена в деловых текстах.

Именно терминологическая однозначность и фразеологическая закреплённость слова *холоп* в памятниках деловой письменности с единообразием их языка и были, считаем мы, причиной столь консервативного поведения этого слова в истории русского языка. Ведь однотипные конструкции с «мягкоосновными» формами существительного *холоп* зеркально воспроизводились из памятника в памятник.

Но почему же все-таки в современном русском языке нормативными являются формы типа *холопы / холопов*? Как случилось, что формы с «мягкой» основой уступили им дорогу? Ответ на этот вопрос помогают дать труды историков.

На протяжении XVI века роль и место холопов в барщинном хозяйстве уменьшаются за счет вовлечения в орбиту крепостной эксплуатации крестьян. Различные категории холопов постепенно сливаются воедино. С конца XVII века появляются холопы, посаженные на землю, имевшие свое хозяйство и платившие оброк, которые в 1679–81 годах с введением подворного обложения вместе с крепостными были «положены в тягло». Оставалась еще одна группа холопов, входившая в состав дворовых людей, но в 1722–24 годах она была обложена подушной податью, став частью всей массы крепостных. «С тех пор холопство в древнерусском смысле этого слова, пишет об отмене холопства в России В. О. Ключевский, — осталось в воспоминаниях, правах и понятиях, в литературном и канцелярском языке, но исчезло в праве» (Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 401).

Но, очевидно, исчезнув в праве, этот социальный термин должен был постепенно исчезнуть и из памятников деловой письменности, главной сферы его употребления. Сокращается частотность употребления слова *холоп*. Одновременно теряют свое значение все формулы, фразеологически закрепившиеся конструкции, с бытованием которых в языке и было связано закрепление «мягкого» склонения существительного *холоп*. Со временем холоп теряет автономию, приближаясь в своем склонении к иным существительным мужского рода, изменяющимся по «твердой» разновидности.

«Историю слов трудно и . . . бесперспективно изучать вне истории вещей и понятий, которые обозначаются с помощью этих слов», — писал Р. А. Будагов (История слов в истории общества. М., 1971. С. 241). История слова *холоп* — яркое свидетельство роли социальных факторов в развитии языка.

Казань

*Православные традиции: праздники,
обычаи, обряды*

ОБЪЯВЛЕНИЕ СИМВОЛА ВЕРЫ, МОЛИТВ И ЗАПОВЕДЕЙ *

II.

О молитве.

Вопр. Кроме истинной веры, что еще нужно каждому человеку для того, чтобы угодить Богу и получить вечное спасение?

Отв. Молитва и добрая, богоугодная жизнь.

Вопр. Что такое молитва?

Отв. Молитва есть благоговейное обращение ума и сердца нашего к Богу, Которого при этом мы просим о чем-либо или благодарим и прославляем.

Вопр. Кроме Бога, кому мы еще должны молиться?

Отв. Кроме Бога, мы еще должны молиться Божией Матери, святым ангелам и особенно своему ангелу-хранителю, а также святым угодникам Божиим и особенно тому Святому, имя которого мы носим. Но молимся мы им не так, как Богу, а только как молитвенникам и ходатаям нашим пред Богом. Свою молитвою к Нему о нас грешных они могут много помочь нам, потому что они близки к Богу, и молитва их сильна пред Богом.

Вопр. Где и когда мы должны молиться Богу?

Отв. Бог везде находится, везде может слышать и видеть нас, поэтому и молиться Ему можно на всяком месте; особенно же мы должны молиться во святом храме и дома при всяком удобном случае, и чем чаще, тем лучше: так, например, мы должны всегда молиться пред учением и после учения.

* Начало см.: Русская речь. 1991. №№ 2-6.

перед обедом или ужином и после них, вечером, когда ложимся спать, и утром, когда встаем с постели.

Вопр. Как называется то здание, куда православные христиане собираются для общей молитвы?

Отв. Храмом Божиим, или домом Божиим, а также церковью.

Вопр. Почему оно называется храмом, или домом, Божиим?

Отв. Оно называется так потому, что назначено для служения и молитвы Богу, и в нем невидимо присутствует Бог, как бы в Своем доме.

Вопр. Почему храмы Божии называются иначе церквями?

Отв. Все в совокупности православные христиане составляют Церковь, поэтому и храмы Божии, в которые они собираются для общей молитвы, называются тоже церквями.

Вопр. Как называются те священные изображения, пред которыми мы, обыкновенно, становимся на молитву?

Отв. Святыми иконами, или образами.

Вопр. Зачем они употребляются?

Отв. Затем, чтобы они лучше напоминали нам о Боге и о святых угодниках Божиих.— Молясь пред иконами, или образами, мы при этом молимся не им, не краскам и не дереву, а тому, кто на них изображен.

Вопр. Как мы должны молиться?

Отв. С усердием, с разумением того, о чем молимся, и с пониманием тех слов, которые находятся в молитве. Без этого молитва наша будет не угодна Богу.

Вопр. Какие наружные знаки и действия употребляются нами при молитве?

Отв. Крестное знамение, поклон и коленопреклонение.

Вопр. Как должно полагать на себе крестное знамение?

Отв. Нужно сложить концами вместе три пальца правой руки: большой, указательный и средний, а два остальных пригнуть к ладони. Сложенные таким образом пальцы нужно потом не спеша и с благоговением полагать сначала на чело, или лоб, потом на грудь, на правое плечо и, наконец, на левое. Полагая их на чело, мы этим выражаем желание, чтобы Господь освятит наш ум и мысли; полагая на грудь, выражаем желание, чтобы Он освятит наше сердце, чувства и желания; полагая на плечи, выражаем желание, чтобы Он освятит наши силы и действия.

Вопр. Что означает такое перстосложение при крестном знамении?

Отв. Сложением трех пальцев мы выражаем свою веру в Пресвятую Троицу, единосущную и нераздельную, а двумя пальцами, пригнутыми к ладони, показываем, что в Иисусе Христе два естества, Божеское и человеческое, то есть что Он вместе и Бог, и человек.

Вопр. Что означает крестное знамение, которым мы освящаем себя?

Отв. Оно означает нашу веру в Иисуса Христа, и что Он был распят на кресте для нашего спасения.

Вопр. Как нужно делать поклон, поясной и земной?

Отв. Перекрестившись, должно потом сделать поклон поясной или земной, но при этом кланяться нужно не спеша и с благоговением.

Вопр. Зачем при молитве мы присоединяем к крестному знамению еще поклон и коленопреклонение?

Отв. В знак своего благоговения и смирения, а также в знак усердия, с которым мы молимся.

Вопр. Что мы выражаем своим поклоном во время богослужения после слов священника: «мир всем»?

Отв. Этим поклоном мы выражаем благодарность за его благожелание, а также свое пожелание ему того же мира.

Вопр. Когда во время богослужения в храме Божиим мы приклоняем свою голову?

Отв. При чтении Евангелия, при выносе св. Даров и по возгласе священника или диакона: «главы наша Господеви приклоним».

Вопр. Что мы выражаем приклонением своей головы при чтении Евангелия и при выносе св. Даров?

Отв. Благоговейное отношение к слову Божию и святым Дарам.

Вопр. Что мы выражаем приклонением головы после возгласа: «главы наша Господеви приклоним»?

Отв. Искреннее желание сподобиться тех милостей, о которых священник в это время просит Господа в тайно читаемой им молитве.

Вопр. Так ли священник складывает пальцы руки своей при благословении верующих, как складываются они нами при крестном знамении?

Отв. Нет, иначе. При благословении у него бывает перстосложение именованное, напоминающее буквы: Іс. Хс., что в сокращении означает слова: Иисус Христос.

Вопр. Как мы должны принимать священническое благословение?

Отв. Мы должны принимать его с благоговением, наклоняя свою голову, и с верою, что чрез благословение священника подается благодать и милость от Самого Господа. Целуя благословляющую руку священника, мы при этом целуем как бы руку Господа.

Краткие молитвословия.

Господи, благослови.

Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.

Господи, помилуй.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.

Помяни мя, Господи, егда прійдеши во царствіи Твоемъ.

мя=меня; **егда**=когда.

Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка.

Буди=да будет; **благословенно**=прославляемо.

Молитвы Пресвятой Троице.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Эта молитва, как и молитва «Господи, благослови», произносится нами пред началом всякого хорошего дела. Ею мы показываем, что желаем все делать с благословения и при помощи Самого Бога, согласно с Его волею и во славу Его святого имени.

В этой молитве мы называем Бога *Отцом, Сыном* и *Святым Духом*, потому что Он хотя един по существу, но троичен в Лицах. Первое Лицо Пресвятыя Троицы есть *Бог Отец*, второе — *Бог Сын*, третье — *Бог Дух Святой*. В этих трех Лицах Божества не три Бога, а один. — *Аминь* есть слово подтверждающее и значит: *истинно так*.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки вековъ. Аминь.

Слава = хвала; **присно** = всегда; **во веки вековъ** = вечно;
аминь = истинно так.

Святъ, Святъ, Святъ, Господь Савоѳъ, исполни небо и земля славы Твоея.

Господь Савоѳъ = Господь воинств небесных, то есть ангелов;
исполни = полны.

Святѣй Боже, Святѣй крѣпкѣй, Святѣй бессмертнѣй, помилуй насъ.

Здесь слово *Святѣй* упоминается три раза, и потому эта молитва называется *Трисвятымъ*. В ней мы призываем все три Лица Святой Троицы. К Богу Отцу зываем: *Святѣй Боже!* К Сыну Божию: *Святѣй крѣпкѣй!* А к Духу Святому: *Святѣй бессмертнѣй!* Слова: *помилуй насъ* — относятся ко всем трем Лицам Святыя Троицы вместе и показывают, что при трех Лицах Бог — один.

В этой молитве мы просим Бога, чтобы Он *помилował насъ*, то есть простил нам грехи и не наказывал нас за них.

Бога мы называем *Святѣмъ* потому, что Он не может грешить, и в Нем нет и не может быть никаких пороков, или недостатков, — *крѣпкѣмъ*, то есть всесильным и всемогущим, потому что Он все может сделать, что захочет, и — *бессмертнѣмъ* потому, что Он вечен, то есть всегда был, есть и будет.

Пресвятая Трѣице, помилуй насъ: Господи, очисти грѣхи наша; Владыко, прости беззаконія наша; Святѣй, посѣти и исцѣли немощи наша, — ѿмене Твоего рѣди.

В этой молитве мы просим Пресвятую Троицу помиловать нас. Затем каждое Лицо Пресвятыя Троицы просим отдельно и зываем к Богу Отцу: *Господи, очисти грѣхи наша*; — к Сыну Божию: *Владыко, прости беззакон-*

ния наша;— к Духу Святому: *Святый, посѣти и исцѣли нѣмощи наша*. Слова: *имене Твоего ради* — относятся ко всем трем Лицам Пресвятыя Троицы вместе и показывают, что в этих трех Лицах — *один Бог*.

Слова: *очисти грѣхи наша* — значит: очисти нас от грехов наших. *Беззаконіями нашими* называются грехи наши. Слово *посѣти* значит: приди к нам, войди в нашу душу. Под *нѣмощами нашими* разумеются наши душевные слабости, то есть склонность грешить и самые грехи. Словами: *Святый, посѣти и исцѣли нѣмощи наша* — мы просим Бога Духа Святого, чтобы Он посетил нас, то есть чтобы вошел в нашу душу и исцелил ее от всех слабостей и недостатков, отучил нас от всего дурного и дал нам силу делать все хорошее и доброе.

ради=для; имене Твоего ради=для славы Твоего имени.

Молитва Иисусу Христу, Сыну Божию.

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, молитвъ ради пречистыя Твоея Матере и всѣхъ Святыхъ, помилуй насъ. Аминь.

ради=для, из-за; молитвъ ради=ради молитв. из-за молитв. Аминь=истинно так.

Вопр. Кому возносится нами эта молитва?

Отв. К Иисусу Христу, Сыну Божию.

Вопр. Кто такой *Сын Божий*?

Отв. Он есть Господь; второе Лицо св. Троицы.

Вопр. Как Сын Божий стал называться после того, как Он воплотился и явился на землю в человеческом виде?

Отв. *Иисусом Христом*.

Вопр. Не перестал ли Он после этого быть Богом?

Отв. Нет, сделавшись человеком, Он не перестал в то же время быть и Богом, так что поэтому Он есть *Богочеловек*.

Вопр. Почему Матерь Божия, Дева Мария, называется *пречистою Матерью*?

Отв. За особенную чистоту и святость своей души.

Вопр. Молится ли Она об нас Богу?

Отв. Да, молится; особенно тогда, когда мы Ее просим об ятом.

Вопр. Кто еще молится о нас?

Отв. Все *Святые*.

Вопр. Кто такие *Святые*?

Отв. *Святые*, это такие люди, которые жили прежде нас на земле и своею хорошею жизнью так угодили Богу, что Он удостоил их царства небесного. Находясь теперь на небе у Бога, они молятся за нас грешных в своими молитвами много могут помочь нам, потому что они близки к Богу, и молитва их сильна пред Богом.

Вопр. Чего мы просим у Иисуса Христа, Сына Божия, в молитве: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий»?..

Отв. Чтобы он помиловал нас ради молитв пречистой Своей Матери и всех Святых.

Молитва Святому Духу.

Царю небесный, Утѣшителю, Дѹше истины, Иже вездѣ сый, и вся исполняй, сокровище благодѣ и жизни подателю, прииди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси. блаже, дѹши наша.

Царю небесный—Царь небесный. **Утѣшителю**—Утешитель. **Душе истины**—Дух истины. **Иже**—Который; **сый**—сущий, находящийся; **Иже вездѣ сый**—Ты, Который везде находишься, или *короче*: вездесущий, везде находящийся; **вся исполняй**—все восполняющий и улучшающий. **Сокровище**—сокровищница, вместилище и источник; **благодѣ**—всех благ,— милостей,— всего доброго. **Жизни подателю**—податель жизни; **прииди и вселися въ ны**—приди и вселись в нас; **очисти ны**—очисти нас; **отъ всякія скверны**—от всякой нечистоты, то есть от всех грехов; **блаже**—благий, добрый, милостивый.

Эта молитва — к третьему лицу св. Троицы, к Духу Святому. В ней мы просим Духа Святого, чтобы Он пришел и вселился в нас, очистил нас от всякой скверны и спас души наши.

Вопр. Как в этой молитве мы называем Духа Святого?

Отв. В этой молитве мы называем Духа Святого *Царемъ небеснымъ, Утѣшителемъ, Духомъ истины, вездѣсущимъ, все исполняющимъ, сокровищемъ благодѣ, подателемъ жизни и благимъ.*

Вопр. Почему мы называем Духа Святого *Царемъ*?

Отв. Потому что Он, как Бог, царствует над всей вселенной, так что все находится в Его силе и власти.

Вопр. Почему мы называем Его не просто *Царемъ*, а *Царемъ небеснымъ*?

Отв. В отличие от земного царя и еще потому, что хотя Он везде находится, но особенно присутствует на небе среди ангелов и святых Божиих человек.

Вопр. Почему мы называем Духа Святого *Утѣшителемъ*?

Отв. Потому что так назвал Его Сам Господь Иисус Христос. Когда пришло время пострадать Иисусу Христу и, после воскресения Своего, вознестись на небо, то ученики Его, узнав об этом, опечалились и стали сожалеть о разлуке с Ним. Но Он сказал им, чтобы они не печалились, и при этом прибавил, что Он вместо Себя пошлет им от Отца *Утешителя, Духа истины, Который от Отца исходит.* Когда Дух Святой сошел на апостолов, то Он, действительно, *утешил их*, и они радовались, что Он вселился в них и стал наставлять их на всякую истину. Точно также Дух Святой может утешить и нас во время скорби и несчастья и дать нам всякое благо.

Вопр. Почему Дух Святой называется *Духомъ истины*?

Отв. Потому что Он наставляет нас на всякую истину.

Вопр. А кто называется *дугом лжи*?

Отв. Дьявол.

Вопр. Почему он так называется?

Отв. Потому что он как сам всегда лжет и обманывает, так и нас учит лгать и обманывать. (Пример того, как дьявол лжет и обманывает людей, мы видим в истории грехопадения наших прародителей, Адама и Евы.)

Вопр. Почему мы Духа Святого называем *вездесущим*, или *везде находящимся*?

Отв. Потому что Он, как Бог, везде находится.

Вопр. Почему мы называем Его *все исполняющим*, или, иначе сказать, *все восполняющим* и *улучшающим*?

Отв. Потому что если у нас самих не достает сил сделать что-нибудь хорошее и доброе, то Дух Святой пополняет этот недостаток Своею благодатью, или помощью, и таким образом улучшает наши силы.

Вопр. Как понятнее сказать вместо слов: *сокровище благодати*?

Отв. Сокровищница, или вместилище и источник всего доброго.

Вопр. Почему мы так называем Духа Святого?

Отв. Потому что все доброе и хорошее, все блага и милости, какими мы пользуемся в жизни, скрываются, или, что то же, находятся во власти Духа Святого, и Он нам подает все это.

Вопр. Почему Дух Святой называется *подателем жизни*?

Отв. Дух Святой называется подателем жизни потому, что Он, вместе с Отцом и Сыном, дает жизнь всем тварям и особенно духовную жизнь человекам, то есть помогает им жить свято и по-христиански.

Вопр. Что значит слово: *блаже*?

Отв. Благий, то есть добрый, милостивый.

Вопр. Почему мы называем Духа Святого *благим*, или *милостивым*?

Отв. Потому что Он оказывает нам всякие милости, несмотря на наши грехи.

Молитва Господня.

Отче нашъ, Иже еси на небесахъ! — Да святѣтся имя Твое; — да придетъ царство Твое; — да будетъ воля Твоя, яко на небесѣхъ, и на земли; — хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь; — и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; — и не введи насъ во искушение; — но избави насъ отъ лукаваго. — Яко Твое есть царство, и сила, и слава во вѣки. Аминь.

Эта молитва называется *Господнею* потому, что Сам Господь наш Иисус Христос дал ее Своим ученикам, когда они просили Его научить их молиться, а ученики передали ее потом всем христианам.

В этой молитве мы сначала *призываем* Бога, Отца нашего небесного, потом *просим* Его о своих нуждах и, наконец, *прославляем* Его. И потому эта молитва содержит в себе: *призвание, семь прошений и славословие.*

Призывание молитвы Господней.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!

Отче—Отец. **Иже**—Который. **Иже еси на небесѣхъ**—сущий на небесах, или, короче сказать, — *небесный*.

Этими словами мы призываем Бога, чтобы Он услышал нашу молитву. Здесь мы называем Бога Отцом своим, так как Он, по Своей милости, удостоил нас, христиан, называться *детьми* Его. Он сотворил нас, дал нам жизнь и заботится о нас, как самый добрый отец о своих детях, и даже гораздо более и лучше. Так как все люди имеют у себя одного и того же Отца небесного, то поэтому все они должны считаться братьями между собою, друг друга любить, друг о друге заботиться и молиться. Значит, если бы кто и один молился, то он все-таки должен говорить: *Отче наш*, а не *Отче мой*, потому что каждый по любви к другим людям, как своим братьям, должен молиться не за одного себя, но и за всех.

Мы называем Бога Отцом *небесным* в отличие от своего земного отца: а еще и потому, что хотя Бог везде находится, но Он особенно присутствует на небе, где Его никто не прогневляет и не удаляет от себя своими грехами, и где святые ангелы и святые человеки постоянно прославляют Его. Называя Бога Отцом *небесным*, мы, в то же время, высказываем этим свое желание быть на небе вместе с ангелами и святыми угодниками Божиими, потому что где Отец, там должны быть и Его дети, туда мы все должны стремиться.

1-е прошение молитвы Господней.

Да святѣтся имя Твое.

да святѣтся—да будет свято и прославляемо.

Этими словами мы выражаем свое желание и просьбу к Отцу нашему небесному, чтобы имя Его *святѣлось*, то есть чтобы оно всегда и нами и всеми людьми было благоговейно провозносимо, чтимо и прославляемо. Если мы будем жить свято, как свят Сам Господь Бог, в Которого мы веруем, и свято исполнять Его волю, то этим самым мы будем святить и прославлять Его имя. При этом и другие, видя наши добрые дела и благочестивую жизнь, также прославят Отца нашего небесного.

2-е прошение молитвы Господней.

Да придетъ царствіе Твое.

Этими словами мы просим Бога, чтобы Он царствовал в нашей душе, то есть управлял нашим умом, сердцем и волею, и помог нам Своею благодатью служить Ему, как Царю и Господу, и верно исполнять Его святой

закон. Если в душе нашей настанет это царство Божие, то она будет чиста и непорочна, и мы сподобимся в будущей жизни вечного блаженства и царства небесном.

3-е прошение молитвы Господней.

Да будетъ воля Твоя, яко на небесѣхъ, и на земли.

яко — как; **яко на небеси, и на земли** — как на небе, так и на земле.

Этими словами мы просим Бога, чтобы Он помог нам исполнять волю Его здесь на земле точно так же, как исполняют ее на небе святые ангелы, и чтобы все на земле происходило и совершалось по воле Божией, как все происходит и совершается по Его воле и на небе.

Вопр. Почему мы просим Бога, чтобы все на земле происходило и совершалось по Его воле, а не по нашему желанию?

Отв. Потому что мы можем ошибаться в своих желаниях и делать не угодное Богу, а Бог не может ошибаться и знает, что нам полезно и что вредно.

4-е прошение молитвы Господней.

Хлебъ нашъ насущный даждь намъ днесь

насущный = необходимый для существования, или для жизни; **даждь** — дай; **днесь** — сегодня.

Этими словами мы просим себе у Бога насущного хлеба на сегодняшний день. Здесь под *насущным*, или необходимым для нас хлебом должно разуметь не один только хлеб, но и всякую вообще пищу и питье, а также одежду, жилище и вообще все то, без чего мы никак не можем обойтись в жизни. Кроме пищи для тела, необходима еще пища и для души. Такою пищею служат: молитва, чтение и слушание слова Божия и других душе полезных книг, причащение св. Таин и все истинно-хорошее и доброе.

5-е прошение молитвы Господней.

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

остави — прости; **якоже** — как; **оставляемъ** — прощаем.

Этими словами мы просим Бога простить нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. Здесь под нашими *долгами* разумеются грехи наши, а под *должниками* нашими разумеются те люди, которые в чем-либо виновны пред нами, например, не любят и обижают нас. Если мы просим Бога простить нам долги наши, то есть грехи, а сами не прощаем другим, тогда не получим и мы прощения от Бога.

6-е прошение молитвы Господней.

И не введи насъ во искушеніе.

искушеніе—соблазн ко греху.

Этими словами мы просим Бога помочь нам устоять на правом пути и не согрешить в тех случаях, когда предстоит опасность соблазниться чем либо и впасть в грех.

7-е прошение молитвы Господней.

Но избави насъ отъ лукаваго

отъ лукаваго—от зла, от всего худого.

В этих словах мы просим Бога, чтобы Он избавил нас от всякого зла, то есть от всего худого, от всякой беды и неприятности, а также от грехов и от дьявола.

Славословие молитвы Господней.

Яко Твое есть царство, и сила, и слава во вѣки. Аминь.

яко—потому что; **во вѣки**—вечно; **аминь**—истинно так.

Свои прошения в молитве Господней мы оканчиваем *славословием* Богу и этим выражаем полную надежду на то, что Он может дать нам просимое. Мы говорим Богу: *«Яко Твое царство, и сила, и слава во вѣки»*. Но пред этими словами нужно подразумевать еще следующие слова: *«Ты, Господи, можешь сделать то, о чем мы Тебя просим»*.

Вопр. Что показывают слова: *Твое царство?*

Отв. Они показывают, что Бог царствует над всем видимым и невидимым, — Он есть Царь и Владыка всего.

Вопр. Что показывает слово: *сила?*

Отв. Это слово показывает, что все, о чем мы просим Бога, находится в Его силе и власти.

Вопр. Что показывают слова: *и слава во вѣки?*

Отв. Эти слова показывают, что если Бог исполнит нашу просьбу, то это послужит к Его вечной славе, так что мы будем *всегда* благодарить и прославлять Его за это.

Вопр. Зачем прибавлено к молитве Господней еще слово: *аминь?*

Отв. Для подтверждения всего того, что находится в молитве Господней. Это слово также показывает, что молитва приносится нами с верою и полною надеждою, что Бог может услышать нас и сделать то, о чем мы Его просим.

Приветствие Богородице.

Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Маріе, Господь съ Тобою, благо словѣнна Ты въ женахъ и благословѣнъ плодъ чрева Твоего, яко Спаса родила еси душу нашихъ.

Дева Мария называется *Богородицею* потому, что родившийся от нее Спаситель Иисус Христос был не человек только, но вместе и Бог. *Благодатная* = особенно любезная и угодная Богу; *Господь съ Тобою* = Господь милостивъ къ Тебе; *благословенна* = достойна прославления; *в женахъ* = между всеми женами, или: из числа всех жен; *благословѣнъ плодъ чрева Твоего* = достоин прославления Тот, Кто родился от Тебя, то есть Иисус Христос; *яко* = потому что; *Спаса* = Спасителя; *яко Спаса родила еси душъ нашихъ* = потому что Ты родила Спасителя душ наших.

Похвальная песнь Богородице.

Достойно есть яко воистинну блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истаѣнія Бога Слѡва рождшую, сущую Богородицу Тя величаемъ.

Достойно есть = следует, должно; *яко воистинну* = поистине; *блажити Тя* = ублажать, восхвалять Тебя; *присноблаженную* = всегда блаженную; *пренепорочную* = самую непорочную, вполне безгрешную; *Честнѣйшую Херувимъ* = достойную большего почитания, чем Херувимы; *славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ* = достойную несравненно большего прославления, чем Серафимы (Херувимами и Серафимами называются высшие ангелы); *безъ истаѣнія* = безболезненно, нетленно; *Бога Слѡва* = Сына Божия; *рождшую* = родившую; *сущую Богородицу* = истинную, или действительную Богородицу; *Тя величаемъ* = Тебя величаем.

Вопр. Как сказать всю эту молитву по-русски?

Отв. Поистине следует восхвалять Тебя, Богородицу, всегда блаженную и самую непорочную и Матерь Бога нашего. Величаем Тебя, достойную большего почитания, чем херувимы, и несравненно большего прославления, чем серафимы, безболезненно Бога Слѡва родившую, истинную Богородицу!

Вопр. Почему в этой молитве Бог Сын назван *Богом Словом*?

Отв. Потому что когда воплотившийся Сын Божий был на земле, то Он сказал людям всю волю Божию. Сына Божия назвал *Богом Словом* апостол Иоани в начале своего евангелия, почему и сам получил название *Богослова*.

Молитвы просительные ко Пресв. Богородице.

Пресвятая Владычице, Богородице, моли о насъ грѣшныхъ.

В этой молитве мы просим Божию Матерь, чтобы Она молила Сына Своего и Бога нашего о нас грешных. Мы называем Ее *Владычицей* потому, что родившийся от Нее Господь Иисус Христос есть Царь и Владыка наш.

Милосердія двери отверзи намъ, благословѣнная Богородице, надвѣющіися на Тя да не погубимъ, но да избавимся Тобою отъ бѣдъ: Ты бо еси спасеніе рода христіанскаго.

Отверзи—открой; **благословенная**—достойная прославления; **рода христіанскаго**—всех христиан; **бо**—потому что.

В этой молитве мы просим Божию Матерь открыть нам *двери милосердія*, то есть быть милостивою к нам и умолить о милосердіи к нам Господа, чтобы мы, надеющиеся на Нее, не погибли, но чтобы избавились от бед.

Божью Матерь мы называем *спасением рода христіанскаго* потому, что Она молит Господа о нашем спасении, и Ее молитва сильна пред Богом и спасительна для нас, христиан.

Молитвы ангелу-хранителю.

Ангеле Божій, хранителю мой святій, на соблюденіе мѣ отъ Бога съ небесѣ данный, прилежно молю тя: ты мя днесь просвѣти и отъ всякаго зла сохрани, ко благому дѣянію настави и на путь спасенія направи. Аминь.

На соблюденіе—на сохранение (от всего худого); **днесь**—сегодня; **просвѣти**—научи всему хорошему и доброму; **отъ всякаго зла**—от всего худого; **ко благому дѣянію**—к хорошему делу; **на путь спасенія направи**—направь нас на путь спасения, то есть помоги нам так жить и так вести себя, чтобы мы спаслись.

*Ангеле Христовъ, хранителю мой святій и покровителю душ и тѣла моего, вся ми прости, елика согрѣшихъ во днешній день и отъ всякаго лукавствія противнаго ми враги избави мя, да ни въ коемъ же грѣсѣ прогнѣваю Бога моего; но моли за мя грѣшнаго и недостойнаго раба, яко да достойна мя покажеши (Если же девица молится своему ангелу-хранителю, то она должна говорить: *но моли за мя грѣшную и недостойную рабу, яко да достойна мя покажеши...*) бѣлости и милости Всесвятыя Троицы, и Матере Господа моего Иисуса Христа, и всѣхъ Святыхъ. Аминь.*

Вся ми прости—все мне прости; **елика согрѣшихъ**—в чем я согрешил (или: согрѣшила); **во днешній день**—в нынешний день, сегодня; **отъ всякаго лукавствія**—от всякой хитрости; **противнаго ми вра-**

га—действующего против меня врага, то есть дьявола; да ни въ коёмъ же грѣсѣ прогнѣваю Бога моего—чтобы мне каким-нибудь грехом не прогневать Бога моего; яко да достойна мя покажеша—чтобы ты меня достойным (—йною) показал, то есть сделал; **благости и милости**—любви и милости.

В этой вечерней молитве к своему ангелу-хранителю мы просим его: 1) чтобы он простил нам все, в чем мы согрешили в этот день, не следуя его добрым внушениям и тем огорчая его; 2) чтобы он избавил нас от хитрости и козней дьявола, который всячески старается вовлечь нас в какой-нибудь грех, и 3) чтобы он молился за нас, грешных и недостойных рабов Божиих, и своими молитвами сделал нас достойными любви и милости Всесвятой Троицы, Божией Матери и всех Святых.

Молитва к Святому, имя которого носишь,

или к другому какому-нибудь Святому,

которому желаешь молиться.

Моли Бога о мнѣ, святыи угодниче Божій (имя его), яко азъ усердно къ тебѣ прибѣгаю, скѣрому помощнику и молитвеннику о души моей.

Угодниче Божій—угодник Божий (так мы называем Святых потому, что они угодили Богу своею святою жизнью); **яко**—потому что; **азъ**—я; **прибѣгаю**—обращаюсь с молитвою.

Молитвенное песнопение святым Кириллу и Мефодию.

Яко апостоломъ единоправнии и словѣнскихъ странъ учителя, Кирилле и Мефодіе богомудри, Владыку всѣхъ молите, вся языки словѣнскія утвердити въ православіи и единомыслии, умирити миръ и спасти души наша.

Яко апостоломъ единоправнии—как подобные апостолам (по ревности о распространении веры христианской); **богомудри**—умудренные Богом; **вся языки словѣнскія**—все славянские народы; **умирити миръ**—чтобы был мир во всем мире.

Молитва предъ учениемъ.

Пр.благій Господи! ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя наши силы, дабы, внимая преподаваемому намъ учению, возрасли мы Тебѣ, нашему Создателю, во славу, — родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, — Церкви и Отечеству на пользу.

Преплагий—предобрый, премилостивый; **ниспослм намъ**—пошли нам с неба; **благодать**—невидимая сила Духа Святого, которая помогает нам во всем добром и хорошем; **дарствующаго**—дающего; **укрепляющаго** душевныя наши силы—улучшающего душевные наши способности (ум, память, сердце и волю); **дабы**—чтобы; **внимая преподаваемому намъ учению**—со вниманием слушая и понимая то, что нам преподают, чему нас учат; **возрасли**—выросли. **Церковь**—общество всех православных христиан. **Отечество**—государство, в котором мы родились и живем, то есть *Россия*.

Молитва после учения.

Благодаримъ Тебе, Создателю, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоея. во еже внимати учению. Благослови нашихъ начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію учения сего.

Создателю—Создатель (так мы называем Бога потому, что Он все создал); **яко сподобилъ еси**—что Ты удостоил; **благодати Твоея**—помощи Твоей; **во еже**—чтобы; **внимати**—внимать, то есть со вниманием слушать и понимать; **благослови**—награди и осчастливь Своими милостями; **ведущихъ насъ къ познанію блага**—ведущих нас к познанию всего хорошего и доброго; **крѣпость**—прилежание и охота; **къ продолженію учения сего**—чтобы продолжать это ученье.

Молитва пред обедом и ужином.

(Произносится или эта молитва, или молитва Господня: «Отче нашъ!»)
Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповають, и Ты даёши имъ пищу во благо-временіи, отверзаеши Ты щѣдрую руку Твою, и исполняеши всяко животное благоволенія.

Очи—глаза; **на Тя, Господи, уповають**—на Тебя, Господи, обращены с упованием, то есть смотрят с надеждою; **во благовременіи**—в надлежащее время; **отверзаеши Ты щѣдрую руку Твою**—открываешь Ты милостивую руку Твою (так как все находится в руке, то есть во власти, Божией); **всяко животное**—всякое живое существо; **благоволеніе**—милость; **исполняеши всяко животное благоволенія**—оказываешь всякому живому существу милость.

Молитва после обеда и ужина.

Благодаримъ Тя, Христѣ Боже нашъ, яко насытилъ еси насъ земныхъ Твоихъ благъ; не лиши насъ и небеснаго Твоего царствія.

Тя=Тебя; яко=что; яко насытил еси насъ земныхъ Твоихъ благъ=что Ты насытил насъ земными Твоими благами. Подъ земными благами, которыми насытил насъ Богъ, разумеется здѣсь все, что мы ели и пили за обедомъ или ужиномъ.

Молитва утренняя.

Къ Тебѣ, Владыко челоувколюбче, отъ сна воставъ прибѣгаю, и на оубли Твоя подвижаюся милосердіемъ Твоимъ, и молюся Тебѣ: помози мнѣ на всякое время, во всякой вещи, и избави мя отъ всякія мірскаія злыя вещи и діавольскаго поспѣшенія, и спаси мя, и введи въ царство Твое вѣчное. Ты бо еси мой сотворитель и всякому благу промысленникъ и поатель, о Тебѣ же все упованіе мое, и Тебѣ славу возсылаю, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Прибѣгаю=обращаюсь съ молитвою; на дѣла Твоя подвижаюся=стремлюсь делать Твои дела; милосердіемъ Твоимъ=по милости Твоей; помози мнѣ=помоги мнѣ; во всякой вещи=во всякомъ дѣлѣ (добромъ); избави мя отъ всякія мірскаія злыя вещи=избавь меня отъ всякаго земнаго зла, то есть отъ всякаго земнаго несчастія, а также отъ греховъ; діавольскаго поспѣшенія=помощи діавола на что-нибудь худое; бо=потому что; промысленникъ=промыслитель, или попечитель; всякому благу промысленникъ и поатель=попечитель о всемъ хорошему и добромъ и поатель всего хорошаго и добраго; о Тебѣ же все упованіе мое=на Тебя вся моя надежда; присно=всегда.

Молитвы вечерніе, предъ сномъ.

Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ во дни семъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, яко благъ и челоувколюбець, прости ми; миренъ сонъ и безмятеженъ даруй ми; ангела Твоего хранителя посли, покрывающа и соблюдающа мя отъ всякаго зла: яко Ты еси хранитель душамъ и тѣлесемъ нашимъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Дузу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Еже согрѣшихъ во дни семъ=в чемъ я согрѣшилъ в этотъ день; помышленіемъ=мыслями; яко благъ и челоувколюбець, прости ми=Ты, какъ милостивый и любящій людей, прости мнѣ; миренъ сонъ и безмятеженъ даруй ми=дай мнѣ мирный и спокойный сонъ; ангела Твоего хранителя посли, покрывающа и соблюдающа мя отъ всякаго зла=пошли мнѣ ангела твоего хранителя, который оберегалъ бы и сохранялъ бы меня отъ всякаго зла, т. е. отъ всего худого; яко=потому что; Яко Ты еси хранитель душамъ и тѣлесемъ нашимъ=потому что Ты — хранитель душъ и телъ нашихъ.

Когда же мы совсем ложимся в постель, то осеняем себя и постель крестным знамением и при этом говорим:

Оградй мя, Господи, силою честнаго и животворящаго Твоего креста, и сохрани мя отъ всякаго зла. Аминь.

Или же вместо этого произносится следующая молитва:

Да воскреснетъ Богъ и расточаетъ вразѣ Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящїи Его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ; яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога, и знаменующїихся крестнымъ знаменїемъ, и въ веселїи глаголющихъ: радуйся, пречестный и животворящїй кресте Господень, прогоняяй бѣсы силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во адъ сшедшаго и поправшаго силу діаволу, и даровавшаго намъ тебе, крестъ Свой честный, на прознанїе всякаго супостата. О, пречестный и животворящїй кресте Господень, помогай ми со Святою Госпожею Дѣвою Богородицею и со всѣми Святыми во вѣки. Аминь.

Наша обязанность молиться о других людях.

Мы должны молиться не только о себе самих, но и о других людях, но любви к ним, потому что все мы — *дети* одного и того же Отца небесного и братья между собою. Особенно же мы должны молиться за людей, исповедующих одинаковую с нами веру во Христа, и преимущественно за тех из них, которые оказали и оказывают нам благодеяния, например: за Царя и все наше Отечество, за отца духовного, родителей и всех своих родных, за начальников и благодетелей.

Молитва за Царя и Отечество*.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя дѣрзая, и Твое сохраняя крестомъ Твоимъ жительство.

Благослови—осчастливь Своими милостями; **достояніе Твое**—собственность Твою (так мы называем себя самих и все наше Отечество); **благовѣрному**—истинно верующему; **Императору**—Царю, государю; **на сопротивныя**—над сопротивниками, над врагами; **Твое жительство**—Твое жилище (здесь под жительство, или жилищем, Божиим нужно разуметь наше Отечество и в особенности святую Церковь, то есть общество всех истинно верующих, среди которых Господь невидимо пребывает и живет); **сохраняя крестомъ Твоимъ**—сохраняя силою креста Твоего. Крест Христов имеет особенную силу сохранять нас от всякого зла.

* Также она называется тропарем праздника *Воздвиженія Креста Господня*.

Молитва о здравии и спасении живых.

Спаси, Господа, и помилуй отца моего духовнаго, моихъ родителей, сродниковъ, начальниковъ, благодѣтелей и всѣхъ православныхъ христіанъ.

Молитвы за умерших.

Помяни, Господи, усопшихъ рабъ Твоихъ (имена их); и всѣхъ усопшихъ, сродниковъ и благодѣтелей моихъ, и прости ихъ вся согрѣшенія, вольная и невольная, и даруй имъ Царствіе небесное.

Усопшій = уснувший, умерший. - Мы называем умерших *усопшии ми*, или *уснувшими*, потому что они не совсем умерли и не перестали существовать, а только на время как бы уснули: душа их отделилась от тела и переселилась из этой жизни в другую, небесную, и ждет там того времени, когда, при всеобщем воскресении, она, по слову Божию, опять соединится с телом. - **Согрѣшенія вольная** = грехи, сделанные по собственной воле; **даруй имъ** = дай им, удостой ихъ.

Со святыми упокой. Христе, души рабъ Твоихъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

идѣже нѣсть болѣзнь = где нетъ болезни.

Молитва св. Ефрема Сирина, воссылаемая к Богу во время великопостного говения.

Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія, не даждь ми.

Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве, даруй ми рабу Твоему (или: рабѣ Твоей).

Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осудити брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ; аминь.

Живота моего = жизни моей; **духъ праздности** = склонность к праздности, или лени; **уныніе** = беспечность, беззаботность; **любоначаліе** = властолюбие, то есть любовь начальствовать и властвовать; **празднословіе** = пустословие, а также произнесение дурных и бранных слов; **не даждь ми** = не дай мне.

Цѣломудріе = здравомыслие, благоразумие, а также чистота и непорочность души; **смиренномудріе** = сознание своего несовершенства и недостойности пред Богом и когда не думаем о себе, что мы лучше других. Терпение нужно при перенесении каких-либо неудобств, лишений и несчастий, а также нужно и для того, чтобы начатое хорошее дело довести до конца. **Любве** = любви (к Богу и к ближним)

Ей Господи = о, Господи! даруй ми зрѣти = дай мне видеть. — Под братом здесь разумеется всякий другой человек. Яко благословенъ еси = потому что Ты достоин прославления.

Молитва пред причащением.

Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ мѣръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый (или: первая) есмь азъ. Еще вѣрую, яко сіе самое есть пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя. Молюся убо Тебѣ: помилуй мя, и прости ми прегрѣшенія моя вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, и сподоби мя неосужденно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинствъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную.

Вѣчери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника (или: причастнику) мя приими: не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ, яко Иуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ.

Да не въ судъ или, во осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, но во исцѣленіе души и тѣла. — Аминь.

Исповѣдую = предъ всеми признаю и говорю; яко = что; яко Ты еси воистину Христосъ = что Ты поистине Христос; пришедый въ мѣръ грѣшныя спасти = пришедший в мир грѣшных спасти; отъ явлъ же первый есмь азъ = из которых первый, то есть самый большой — я; яко сіе есть = что это есть; убо = поэтому; молюся убо Тебѣ = поэтому молюсь Тебе; прегрѣшенія моя вольная = прегрешения, сделанные по собственной моей воле и без принуждения; невольная = прегрешения, сделанные против моего желанія, неумышленно или по принужденію; яже словомъ, яже дѣломъ = которые, то есть прегрешения, я сделал словом или делом; вѣдѣніе = знание; невѣдѣніе = незнание; яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ = которые я сделал, не зная, что так делать грѣшно, и которые я сделал, не зная, что это грѣшно; сподоби = удостой; неосужденно = не осудив меня за это, безнаказанно; оставленіе = прощенье; во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную = для получения прощенья грехов и для получения жизни вечной.

Вечери = ужин; тайная = таинственная; днесь = сегодня; причастника мя приими = сделай меня участником. Вѣчери Твоя тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя приими = Сын Божій, сделай меня сегодня участником Твоего таинственного ужина; не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ = потому что я врагам Твоим не расскажу тайны; ни лобзанія Ти дамъ = и не дам Тебе такого целованія, яко Иуда = как Иуда; но яко разбойникъ исповѣдаю Тя = но как разбойник верую в Тебя и говорю Тебе (здесь разумеется разбойникъ благоразумный, покаявшийся на кресте); помяни мя = вспомни меня.

«С малиновой речью...»

Л. Ю. Зорина,
кандидат филологических наук

Желаю успеха! Удачи вам! Труд на пользу! – говорим мы человеку, занятому работой. *Ни пуха, ни пера!* – желаем тому, кто отправляется на какое-то сложное дело. А в народных говорах вологодской глубинки и по сей день сохраняется своеобразная система трудовых пожеланий едва ли не для всех жизненных ситуаций: по случаю стирки белья, мытья крестьянской избы, доения коровы, кладки печи и т. д.

Обращаясь к этому материалу, словно припадаешь к целительному источнику – настолько свежи, образны, самобытны формулы русского народного речевого этикета, настолько сильный эмоциональный заряд дают они тому, кто соприкоснется с ними.

Трудовые пожелания в условиях тесного каждодневного общения жителей северной деревни выполняли несколько важных функций. С их помощью можно было окликнуть занятого работой человека, обратить на себя его внимание, пожелать работающему успеха, создать благоприятную тональность общения, получить толику уважения и к своей собственной персоне.

Вот, к примеру, пожелания при стирке (полоскании) белья. Они заслуживают внимания в первую очередь как наиболее частотные и употребляемые людьми независимо от возраста.

Женщину, стирающую белье, приветствовали пожеланиями *Мыло в корыто (корыте)!* и *Белё в корыто!* Теперь эти выражения вытесняются общим приветствием *Здравствуйте!*: «А нынче зайдут, дак только *Здравствуйте!* А раньше *Мыло в корыте!* хозяйке, которая стирает, говорили» (Кирилловский — здесь и далее в скобках указаны районы Вологодской области, где произведена запись). Смысл пожелания прозрачен. Как говорится в народной поговорке, *мыло серо, да моет бело*. Если есть мыло в корыте, то успешной, удачной будет стирка. Если пожелать *Белё в корыто!*, — быть может, менее обременительной покажется тяжелая работа, ее скрасит надежда на то, что белее, чище станет белье.

Из разговоров с людьми старшего поколения узнаем, что эти пожелания были специальными формулами вежливости, они нередко употреблялись даже тогда, когда мыла и в помине не было: «А вот забыла, чё говорили... *Мыло в корыто! Мыло в корыто!*, а мыла не было в бане помыться, всё щёлоч варили. У меня пять парней — нетутко, нёчем, и купить нё на чео. Наклочу дресвы нәмелко да вехоточкой эту дресву. Вот она знает — не вру, вёрной слово» (Белоз.).

Эти пожелания обычно функционируют как реплики диалога, в котором его участники обмениваются, как это раньше было принято в сельской общине, подобающими ситуации стандартными выражениями, формулами: «*Мыло в корыте!* — говорят мне, когда стираю. А я отвечаю: *Спасибо!* или *Помогай Бог!*» (Кирил.).

Интересна группа выражений, употребляемых в ситуации, когда белье стирают особым образом — *бўчат*, как говорят на севере. *Бўчить* — значит «подвергать действию пара, кипятка со щелоком с целью очищения, отбеливания». Бучили обычно холсты и нецветное белье. Требовалось много воды, поэтому бучили вблизи водоемов. В *бук*, или *кадцю бучешную*, — специальный большой деревянный сосуд на ножках и с отверстием для слива воды — загружалось белье, накрывалось плотной тканью, *постилáзой*. Туда же насыпали золу, наливали воду. Ее потом нагревали с помощью раскаленных камней. Воду в *бўке* меняли несколько раз: сливали, снова вливали в сосуд. И так до тех пор, пока не потечет светлая вода.

Стирали долго — неделю или две, но только один — два раза в году. Закончить стирку в каждой семье старались перед сенокосом, чтобы потом быть свободнее. Белье, холсты возили к реке и обратно на лошади. После *бўченья* всё отстирывали в корытах, полоскали и *выколачивали*, то есть отжимали специальным орудием.

Людей, занятых этой работой, приветствовали формулой *Лебеди (тебе, вам) на бук (у)!*: «Скажут *Лебеди на бук тебе!* Видят ведь на озере» (Кичм.). Смысл выражения, конечно, в пожелании чистоты, белизны. Белье — правда, оно само здесь не названо — сравнивается с предметом, в большей мере обладающим признаком белизны, с лебединым опереньем. Произносятся эти приветствия, словно бы призывали, накликали удачу, то есть белизну, чистоту. Заметим попутно, что у других народов понятие чистоты ассо-

цируется с представлениями об иных предметах – стекле, зеркале, лотосе, белом верблюжке.

Со стиркой белья связано еще одно, но уже недоброе пожелание плохого результата: «*Жуки на бук!*» говорят, когда желают недобра человеку» (Кичм. Сармас). Если слово *лебеди* вызывает ассоциацию с белизной, чистотой, то слово *жуки*, употребленное в этой ситуации, соотносится с чернотой, грязью. Такая связь была подмечена В. И. Далем: «...жук и производные его дают понятие о жужжании, о жизни и о мерноте» (Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 547). Поговорки типа *Подле пчелки в медок, а подле жука в навоз, Как жук в навозе копается*, приведенные В. И. Далем, лишь развивают эту ассоциацию. Следовательно, пожелание *Жуки на бук!* означает: «пусть белье будет грязным, черным, словно испачканным, покрытым жуками».

Неприятное впечатление от пожелания создается как его семантикой, так и фонетическими особенностями. Если выражение *Лебеди на бук!* произносится достаточно плавно, благозвучно (в первом слове три слога, сонорный и звонкие согласные л', б', д'), то пожелание *Ж-Ж-Ж-уки на бук!* с ассонансом ударного гласного у, со щелевым звукоподражательным ж произносится энергично, злобно, усиливая отрицательный эффект.

Формулы *Лебеди на бук(и) (тебе, вам)!* и *Бело на бук!* сначала, вероятно, были прикреплены лишь к ситуации «бученье – тепловая обработка с последующим полосканием белья», и только потом – к ситуации «полоскание белья». С изменением условий жизни *бучить* стали все реже и реже, заменив эту процедуру обычным кипячением. Архаизировалось и слово *бук*; в Словаре вологодских говоров (Вологда, 1983. Вып. 1. С. 48) оно приводится с пометой «устаревшее». И теперь уже нередки случаи, когда студентке-северянке объясняешь, что лебеди ... вовсе не сели на крупное дерево под названием *бук* (оно и не растет, кстати, в северных краях), что это выражение – пожелание чистоты, белизны.

Наибольшее количество формул доброго пожелания связано с ситуацией «полоскание белья».

Лебеди летят (летели)! Вот как объясняют бытование этого выражения в разных районах: «Если скажут тому, кто полощет белье, *Лебеди летят!* – значит, желают, чтоб белье чистое и белое было» (Кичм.); «*Лебеди летели!* – потому что лебеди белые, чистые, такое и белье должно быть» (Кирил.); *К вам белые лебеди летят!* – это приветствие в говорах Кич-Городецкого района.

Чистота белья ассоциируется с белизной лебединого пера; в вологодских говорах эта связь настолько прочна, что, по нашим наблюдениям, возник и глагол *налебедить* – «хорошо выстирать белье, стирая, довести его до состояния белизны»: «Ой, как ты белье-то *налебедила!* Шибко белое стало!» (Кичм. Наволок). Слово возникло на базе фразеологизма и вобрало в себя его семантику.

Однако не во всех говорах Вологодской области олицетворением чистоты, белизны являются лебеди. *Чайки летят!* – приветствуют женщину,

занятую стиркой, полосканием белья, в Тарноге. Дело, возможно, в том, что белокрылых чаек вблизи северных водоемов несравненно больше. Лебедь – редкий гость: он залетает в эти места только в очень теплое лето.

Много пожеланий с опорным словом *белó*: *Белó мыть! Белó намыывать! Белó мыть да стирать! Белó полоскать! Белó колотить! Белó рубахи мыть! Белó на платье! Белó на воде (тебе, вам)!*

Менее пестрая картина вырисовывается при анализе фразеологизмов со словом *белёнько*: *Белёнько мыть! Белёнько тебе!* Само слово *белёнько* вносит в приветствие оттенок особой доброжелательности.

А вот интересный пример, в котором своеобразны и приветствие-пожелание, и ответ на него: «*Белёнько мыть!*» – «*Давай белó!*» (Сямж.).

В говорах Вологодской области зафиксированы и пожелания со словами *набелó*, *набелёнько*: *Набелó Бог (в) помощь! Набеленько! Бог в помощь!* – обычно они употребляются самостоятельно как пожелание успеха в любых работах, однако изолированное употребление *Набелó!* не отмечено. «*Чаще Бог помощь!* говорили. Это для всех дел доброе пожелание. А для белья чистого скажут и *Начистёнько!*» (Кирил.).

Как видим, эти пожелания не случайный набор слов и выражений. Формулы доброго пожелания и соответствующие ответы на них были обязательны к употреблению. Не произнести их было равносильно тому, чтобы не сказать непереносимое *Здраствуйте!*

Свои приветствия, по-видимому, существовали и в говорах иных территорий. Но народная память не сохранила их в полном виде. Лишь иногда встречаются отдельные выражения. Так, в томских, иркутских говорах Сибири отмечена этикетная формула *Белó мыть!* (Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983. С. 11); в ярославских говорах – *Белёнько на воде! Белёнько (белёньтё) тебе (вам)! Белó на воде! Белó на платье! Белó стирать! Мыло в корыте!* (Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981. Вып. 1. С. 49; 1987. Вып. 6. С. 70); в смоленских говорах – *Белó тебе!* (Словарь русских народных говоров. Л., 1966. Вып. II. С. 211). Формула *Беленько вам (тебе)!* в начале XX века встречается в новгородских, тверских, пермских, томских, пензенских, смоленских говорах (Словарь русских народных говоров. Л., 1966. Вып. II. С. 211); *Лебеди летят!* – в говорах Среднего Урала (Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. XVI. С. 301).

Почти тот же «набор» пожеланий используется носителями вологодских говоров в ситуации, когда моют пол, делают уборку в доме. Раньше полы в крестьянской избе не красили, мыли их редко, но тщательно: отскабливали ножом, натерли дресвой с помощью лаптя или *голика* до идеальной белизны. А перед Пасхой хозяйка приглашала к себе помощниц, так как избу мыли, скоблили, чистили к празднику сверху донизу. Кстати, сколько помощниц пригласишь, столько изб и сама потом вымоешь в той же компании. Это называлось *отмывать мытею*.

Говорят, девушку в невесты выбирали в *мятьё* и *мытьё* (то есть когда лён мяти и избу мыли). И если при этой грязной работе девушка мила

и доброжелательна, значит, она действительно привлекательна и отличается хорошим нравом, то есть пригодна для долгой и многотрудной жизни.

Во время мытья избы женщину приветствуют фразами *Лебеди (тебе, вам) летят (летели)! Белё мыть (тебе, вам)! Белёнько! Набелёнько! На-чистёнько!* Опять мы видим тот же образ: лебеди – символ чистоты, белизны: «Платье моешь – *Набелёнько!* скажут. А пол моешь – *Лебеди летели!* Значит, чистые, белые, пол пусть такой будет» (Кирил.); «Мыла пол и, пришла соседка: *Лебеди летят тебе, Нюра!*» (Кирил.); «О! У вас поломыт-ницы? Ну дак *лебеди летят!*» (Сямж.).

В процессе общения эти пожелания чаще выступают в едином блоке с ответом, со словами благодарности:

Чего делаешь?

Да вот в избе лажу мыть.

Ну дак *белё мыть тебе!*

Спасибо! (Кичм. Плоская).

Сравним также: *Лебеди летят! – Спасибо!* (Тот.); *Белё мыть! – Давай Белё!* (Сямж.); *Белё мыть! – Здравствуйте!* (Сямж.); *Набелёнько! – Помогой Бог!* (Кирил.); *Лебеди летели! – Спасибо!* (Кирил.).

Иногда используются реплики, привносящие в диалог шутку, разрядку, словно бы дающие отдохновение от тяжелой работы:

Лебеди летели!

Мои пролетели! (Кирил.).

Сказано доброе пожелание, прозвучал такой же любезный или даже шутливый ответ – значит, все в порядке: собеседники заметили друг друга, обменялись знаками взаимного уважения. Нужная тональность общения найдена. И тональность эта изысканно вежливая, благозвучная, красивая той особой красотой, которую поэт Николай Клюев назвал малино-лой.

..пригожий народ:
Лебедушки девки, а парни как мед,
В моленных рубахах, в беленых портах,
С малиновой речью на крепких губах...

Вологда

Лонись, кумышка, прокурат...

В. Ф. Житников,
кандидат филологических наук

Читатель из Норильска А. И. Шилов просит рассказать о происхождении некоторых диалектных слов.

Русская диалектная лексика, богатая и разнообразная, складывалась в течение многих веков и сохранила в своем составе слова, восходящие к разным эпохам развития русского языка. Наряду с исконной лексикой она содержит целый ряд заимствованных слов, что отражает контакты русского народа с другими народами нашей страны. Изучение диалектной лексики дает ценный материал для познания русского языка и русского народа, его истории, его судеб в прошлом и настоящем.

Рассмотрим сначала исконно русские, а затем заимствованные слова, заинтересовавшие читателя.

Лоні́, лонісь — «в прошлом году». Это слово общеславянское, оно имеется в украинском, болгарском, сербском, чешском, словацком, польском языках и восходит к общеславянскому *olni «тогда», «в другой, иной раз». Древнее слово, не сохранившееся в литературной разновидности русского языка, но в диалектах употребляющееся до сих пор и «обросшее» производными: *лонішной, лонешной, лонской* — «прошлогодний»: «У нас пшеница-та лонішная ишшо»; «Лонешной год урожайный был»; «Лонской хлеп ишшо едим» — так отмечено в «Словаре русских говоров Среднего Урала» (Свердловск, 1964—1968, Т. I—IV; далее сокращенно СГСУ); там же *лончак, лоншак, лонщина* — «животное (жеребенок, лосенок), родившееся в прошлом году: «Лончак-то ишо за мамкой бегат» (II, 102).

Тожи́ — «тогда», «в то время»: засвидетельствовано в вологодских, вятских, пермских и некоторых других говорах (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. IV. С. 410). Древне-

русское *тожьно*, из *тожь* и *но*. Составные части этого слова — тоже обще-славянские: *то, *зь, *но; оно состоит (исторически) из трех частей, слившихся в одно целое. Такое слияние нередко в истории языка; так, *вотом* состоит из *по* — *томь*.

Восе, *вóсеть* — «недавно», восходит к древнерусскому *восе* «вот, он», из общеславянского *vo—*se; *восеть* — из *vo—*se—*ть; последний элемент *ть восх. к форме дат. пад. *ti. Родственно по корню слову *авось*, др.-русск. *авосе* — «вот» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964—1973. Т. I. С. 356). Слово *восе* в диалектах представлено много численными вариантами: *восе*, *вося*, *вось*, *восеть*, *вось-этко* (Даль, I, 246).

Уповод — «время от зари до зари», «весь световой день»: «время работы в один прием ...до еды и роздыху». Слово принадлежит северным и восточным русским говорам (Даль, IV, 503). Собственно, это время, когда лошадь водят «в поводу» на работе — пахоте, бороньбе, возке грузов и т. д. *Уповод* родственно слову *пóвод*, мн. ч. *поводья*. В том же значении — *упруг*, *упряг*. На Севере говорят: «Как в три упряга поробишь — мусёнка и без вологи пойдет». Это значит: «Как отработаешь три смены, так мучная каша и без масла пойдет». Три *уповода* или *упряга* без *залóги*, то есть без отдыха, северяне работают в долгие летние дни, ибо надо спешить, пока *вёдро* и нет дождя. *Волóга* же — это масло, сметана или другая приправа к нице.

Лопотина, *лóпоть* — «верхняя одежда, особенно ветхая, поношенная». Слово известно в вятских, уральских, сибирских, поволжских говорах и восходит к корню *-лоп-* «лоскут» (с перегласовкой *-леп-*: *лепесток*). В древнерусском языке было *лопѣть*, *лопоть* — «старая одежда» (Фасмер, II, 519). Так что это тоже древнее слово. Итак, мы рассмотрели несколько исконно русских слов. Теперь обратимся к заимствованиям.

Ичиги, *ичетки*, *ичитки* — «сафьяновые вышитые башмаки на мягкой подошве без каблуков... В Сибири простой народ носит грубые *ичиги* или *бахилы*, которые подвязываются под коленями, а нога обувается в *кенги* или *коты* (калоши)» (Даль, II, 67). Слово заимствовано из тюркских языков: ср. тат. *itžak*, *itžik* — «башмак» (Фасмер, II, 145). Есть это слово и на Урале: *ичиги* — «сапоги без каблуков из мягкой кожи»; в некоторых деревнях — «меховые сапоги. Ичиги носят обычно с калошами» (СГСУ, I, 207).

Нимы — в говорах Сибири означает «валенки»; на Севере (например, в Архангельской области) — «сапоги с высокими голенищами из оленьей шкуры»; в Оренбургской области — «вязаная шерстяная обувь с подшитыми подошвами» (Даль, III, 111). В ненецком языке *riwa* — «сапог», *rimie*, *rite* — «штаны» (меховые); в коми языке *rim*, *rimí* — то же, что в архангельских говорах русского языка, то есть «сапоги из оленьей шкуры» (Фасмер, III, 262). Может быть, в русские говоры слово *нимы* попало не прямо из ненецкого, а из коми языка, послужившего посредником при передаче заимствования.

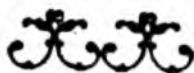
Кумышка — «самогон»; связано со словом *кумыс* — «перебродившее кобылье молоко»; это слово известно на Руси уже давно: так, Ипатьевская летопись под 1185 годом упоминает о кумысе как о любимом напитке полов-

нев; в древнерусском языке это слово имело форму *комузь*, *комызь*. Уже в те времена, 800 с лишним лет назад, тюрские и монгольские племена умели делать из кумыса опьяняющий напиток, «наливала молоко с водою на закваску и сильно пахтая, чтобы молоко, до окончания кислого брожения, перешло в винное» (Даль, II, 218).

Няша – слово, широко известное на Севере и в Сибири: «ил, грязь с гиною, жидкое, топкое дно озера»; «вязкая, илистая полоса морского берега» (Даль, II, 564). По мнению М. Фасмера, слово *няша* заимствовано из саамского языка, в котором *pjaešše*, *piešše* – «грязь», «мусор». Слово было распространено с крайнего Северо-Запада (Кольский полуостров) на Урал и в Сибирь и встречается в последней от Тобольска до Колымы (см. Фасмер, III, 95).

Прокурѧт – «проказник, шутник, затейник»; «плут, обманщик, притворщик» (Даль, III, 491); от этого слова образовано *прокурѧтить* – «прикидываться», «притворяться», известное в псковских, владимирских, вятских говорах. Слово *прокурѧт* заимствовано из польского *prokurat* – «адвокат», «поверенный в делах», от латинского *procurator* – «попечитель», «управляющий», «правитель». Слово могло подвергнуться на русской почве влиянию слова *прокуда* – «проказа», «дурачество», «шалость»; отсюда – «проказник», «шалун», «накостник» и т. д. (Даль, III, 491; Фасмер, III, 374). Слова в языке не стоят особняком, они постоянно находятся в сети ассоциаций, взаимовлияний, о чем говорит и данный пример, слово *прокурѧт*.

Челябинск

«О чем же думал он?..»

Фольклорное слово в «Медном всаднике»

Д. Н. Медриш,
доктор филологических наук

В последней поэме А. С. Пушкина немало традиционных сказочных мотивов. Здесь и чудесно воздвигнутый счастливый город среди моря, столь характерный для волшебной сказки, и заветная встреча «маленького человека» с могучим и справедливым царем, которая приводит к благополучной развязке — в сказке бытовой. Но, как Нева в наводнение поворачивает вспять, так повествование в этой «петербургской повести» вдруг устремляется по привычному руслу — но в противоположном сказке направлении...

В числе удивительных особенностей «самой загадочной» из пушкинских поэм (а именно так характеризуется «Медный всадник» исследова-

телями) — необычное речевое поведение персонажей. Они почти не разговаривают. Евгений произносит всего одну фразу, обращенную к монументу основателя Санкт-Петербурга, да и ту обрывает на полуслове:

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился.

(Черновой вариант: «Добро, строитель Петрограда...»).

А Петр и вовсе молчит. Зато оба они — думают. Думают каждый о своем и по-своему.

1.

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно <...>

Последнюю строку Пушкин сопровождает примечанием: «Альгаротти где-то сказал: „Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу“». В поэме, однако, не «смотреть в окно», а — «прорубить окно» — дьявольская разница, если обойтись словами, которыми автор «Медного всадника» обычно пользовался в сходных ситуациях. Такое различие не могло остаться незамеченным. Академик В. В. Виноградов в своей книге «Стиль Пушкина», опираясь на труды предшественников, проследил родословную этих крылатых слов. Оказывается, изречение итальянского писателя Франческо Альгаротти (1712—1764) было приведено в качестве эпиграфа к одной французской книге о России, изданной в Париже в 1802 году и сохранившейся в библиотеке Пушкина. Отсюда, очевидно, и была сделана та пушкинская выписка (с пропуском одного слова: в подлиннике — «постоянно смотрит»), которая была обнаружена в тетради с перебеленным текстом четвертой и пятой глав «Евгения Онегина». Далее В. В. Виноградов отмечает, что, включая заимствованный у Альгаротти афоризм в речь Петра, Пушкин придал ему «яркое народное и профессионально-конкретное словесное обличье» (Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 389).

Попутно ученый сообщает интересные факты — впрочем, никак их не комментируя и не объясняя: характеристика Петербурга как *прорубленного* окна в Европу встречается у русских литераторов еще до появления «Медного всадника» (названы М. П. Погодин и П. А. Вяземский). Это позволяет нам предположить существование, наряду с Альгаротти, еще какого-то источника, знакомство с которым и помогло поэту придать дерзкой мысли своего героя «народное словесное обличье». Источник этот мы находим в русском устном народном творчестве.

В русском фольклоре *прорубленное окно* — символ жизни. И потому, когда в похоронных причитаниях идеальный дом — «хоромом строеньице» —

противопоставляется гробу — «холодной хоромине», то именно образ *прорубленного окна* выступает наиважнейшим. О первом доме в причити говорится:

Там построено хоромное строеньцо,
Прорублены решотчаты окошечка,
Врезаны стекольчаты околелка,
Складены кирпичны теплы печеньки,
Настлавы полы там дубовыи...

А в «холодной хоромине» —

Не прорублены косевчаты окошечка...

(Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Ч. 1. С. 26—27).

Похоронные причитания Пушкин не только записывал, но и использовал и в «Истории села Горюхина», и в «Сказке о медведихе»...

В фольклоре рассказывается и о том, что окно прорубают, и о том, каким образом это делается и кому такая работа по плечу. В фольклоре восточных славян широко распространен мотив строительства дома, которое как бы повторяет «изначальный акт творения, становления Космоса из Хаоса» (Денисова И. М. Дерево — дом — храм в русском народном искусстве // Советская этнография. 1990. № 6. С. 112). Мотив этот встречается в сказках, в обрядах, сопровождающих возведение жилых построек, а также в некоторых вариантах стиха о «Голубиной книге» (знакомство Пушкина с которой подтверждается упоминанием Строфилус-птицы в черновике «Сказка о рыбаке и рыбке»). У истоков этого мотива — легенда о сотворении мира как строительстве дома: глухие стены возводит Сатана, Бог *прорубает* окна (Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край. СПб., 1872. Т. 1. Вып. 1. С. 148—149). В глубокой древности жилища действительно не имели окон и «ориентировались на юг входным проемом, который служил одновременно источником дневного света» (Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 129).

Царь Петр, по Пушкину, намеревается совершить — и совершает — то, что по легенде творит Бог.

2.

О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег.

Мыслям бедного Евгения придан сказочный колорит. Стоит этим обстоятельством пренебречь, как тотчас же начнутся недоразумения. Такую неосторожность проявил В. Я. Брюсов: «Где уж думать о сочинительстве

человеку, который сам сознается, что ему недостает ума!» (Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 7. С. 41). Но, во-первых, народная мудрость подобные признания расценивает иначе: «Глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, а глупец, мнящий себя мудрым, воистину, как говорится, „глупец“» (Дхаммапада. М., 1960. С. 69). Во-вторых, в поэме сказано: «ума и денег», — а это уже сказочная формула, единый синоним удачи, счастья. Концовки *добра наживать* и *ума наживать* в русском сказочном фольклоре взаимозаменяемы. Ограничимся несколькими примерами из сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева: «И стали они вместе жить да поживать да добра наживать» (№ 167); «Стали жить да поживать да денежки наживать» (№ 39); «И стали они жить да поживать да ума наживать» (№ 53). Герой народной сказки просьбу о счастье высказывает вслух, простодушно и прямо. Так, в молдавской волшебной сказке молодец, оказав услугу лавру, обращается к этому дереву с просьбой: «Дай мне ума, ума да богатства». В сказке самые удивительные желания оттого так прямо и легко высказываются, что легко и осуществляются. Награда обычно достается «низкому» герою, например — Емеле-дураку, по щучьему велению. Женится он на королевской дочке — и стали вместе жить-поживать да добра наживать» (№ 166).

Можно предположить, что формула «ума и денег», не составляя исключительную принадлежность фольклора русского, все же весьма характерна для его образной системы. Сошлемся на мнение В. Д. Уварова (высказанное им в диссертационной работе), который путем сравнительного этнолингвистического сопоставления русских и итальянских сказок пришел к заключению, что в итальянском фольклоре больше говорится о красоте героя, тогда как русские сказки отдают предпочтение счастью и уму.

В «Медном всаднике» за сетованиями современного неудачника проступает давняя, веками вынашиваемая людьми мечта о справедливости, о простых житейских радостях, о семейном благополучии — мечта, издавна облекаемая в сказочные формы, наивно откровенные в народной сказке и откровенно наивные в мыслях героя пушкинской поэмы. Мечты Евгения естественно укладываются в сказочную формулу, которую Пушкин то ли припоминает, то ли заново находит, постепенно угадывая (черновой вариант: «ума и силы»). Обыкновенная человеческая мечта о счастье..

Но начинается наводнение — и «сказочное» пожелание Евгения отзывается совсем не по-сказочному:

Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял.

Ужасные потрясения вызваны тем, что царь, прорубая окно в Европу, построил город «под морем» — на погибель Евгению. Сначала наводнение уносит жизнь Параша, его невесты, затем сам он лишается рассудка, а вместе

с ним и того малого достатка, которым располагал. И наконец:

У порога
Нашли безумца моего (<...>)

У порога снесепного наводнением дома его Параша. Так жестоко обыграна благополучная сказочная концовка: наделенный умом и богатством герой достигает жилища своей суженой. А вместо традиционной сказочной свадьбы, после которой героям остается только вместе жить-любить, добра (ума) наживать --

И тут же холодный труп его
Похоронили ради Бога.

Известно, что с конца 20-х годов центральным героем Пушкина становится «могучих предков правнук бедный», один из тех „родов униженных обломков“, к которым он причислил самого себя» (Харлап М. Полемический смысл «Домика в Коломне» // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1980. № 3. С. 222). Такой путь героя прямо противоположен сказочному.

Итак, в «Медном всаднике» чудесно, как в сказке, у моря воздвигнувший город принес Евгению вместо счастья — гибель. Среди строк, излагавших мысли Евгения, был и такой вариант:

Что мог бы царь ему прибавить
Ума и денег...

Конечно, последующая замена в рукописи одного слова другим (место *царь* — *Бог*) — результат авторского выбора, при котором предпочтение, в конечном счете, отдается слову более точному, более уместному. Но это свидетельствует еще и о том, что прежде чем выбор был сделан, оба слова-образа какое-то время сосуществовали в творческом сознании поэта как равнозначные и взаимозаменяемые. Петр, как некий Бог, прорубил окно в Европу, вряд ли обеспокоенный теми последствиями своего деяния, которые обрушатся на бедного Евгения.

И в то же время оба они, хотя и каждый по-своему, приобщены к народно-поэтическому строю мышления, хотя один из них — «маленький человек», а другой — царь, унодобившийся демиургу...

Волгоград

В какой *просак* попал *простак*?

В. М. Мокиенко,
доктор филологических наук

Бывало, он трупил забавно,
Умел морочить дурака
И умного дурачить славно,
Иль явню, иль исподтишка.
Хоть и ему иные штуки
Не проходили без науки,
Хоть иногда и сам *впросак*
Он попадался, как *простак*.

А. Пушкин. Евгений Онегин

Выражение *попасть впросак* — чисто русское, его нет даже в близкородственных украинском и белорусском языках. По словарю В. И. Даля, оно и в прошлом веке имело ограниченное распространение: в новгородских и тверских говорах. Великий собиратель слов сжато, но точно описывает и то, что такое *просак*: «*Просак* (от *сучить*?), пространство от прядильного колеса до сажень, где снуется и крутится бичевка, спускается вервь: если попадешь туда концом одежды, волосами, то скрутит, и не выдержишься; от этого поговорка».

Народное слово довольно рано попало в наши словари: его отмечают в Материалах «Слово и дело государевы» Н. Новомбергского 1718 года, фиксируют в Лексиконе Вейсмана 1731 года и отражают академические словари с 1847 года. Понятно, что довольно долго оно на письме отражалось так, как у Пушкина — в виде словосочетания. И характерно, что словари больше регистрируют переносное значение нашего *просака*, чем его прямое значение — «прядильня, канатный станок». Это понятно, ибо фразеологизм, благодаря писателям XVIII и XIX века оказался более популярным и известным, чем мало кому понятное наименование деревенского станка.

Непонятное привлекает. Вот почему этимологию В. И. Даля постоянно популяризируют самые разные языковеды и писатели. Наиболее этнографически точную и пластичную картину попадания в деревенский *просак* описал С. В. Максимов. «Шатаюсь по святой Руси, захотелось мне побывать еще там, где не был, и на этот раз — на Верхней Волге. С особенной охотой и с большой радостью добрался я до почтенного города Ржева, почтенного, главным образом, по своей древности и по разнообразной промышленной и торговой живучести...

Я заглянул на тот двор, куда ушла шумливая и веселая ватага бойцов, и увидел на нем целое плетенье из веревок, словно основу на ткацком

стану. Кажется, в этом веревочном лабиринте и не разберешься, хотя и видишь, что к каждой привязано по живому человеку, а концы других по нисли на крючках виселищ [т. е. столбов с перекладинами с ввинченными рогульками железными крючьями частями просака — В. М.]. Сколько людей, столько новых нитей, да столько же и старых, чет в чет повнае шано с боков и над головами. Действительно, разобраться здесь трудно, но запутаться даже на одной веревочке — избави бог всякого лиходея, по тому что это-то и есть настоящий бедовый „просак“, то есть вся эта прядильня или веревочный стан. Все пространство от прядильного колеса до саней, где спускается нерв, снуется, сучится и крутится бечевка.

Все, что видит наш глаз на дворе, — и протянутое на воздухе, закрепленное на крючьях, и выпридаемое с грудей и животов, — вся прядильная канатная снасть и веревочный стан носит старинное и столь прославленное имя „просак“. Здесь, если угодит один волос попасть в „сучево“ или „присучево“ на любой веревке, то заберет и все кудри русые и бороду бровную так, что кое-что потеряешь, а на побитом месте только рубец останется на память. Кто попадет полой кафтана или рубахи, у того весь нижний стан одежды отрывает прочь, пока не остановят глупую лошадь и услужливое колесо. Ходи — не зевай! Смеясь, поталкивай плечом соседа, ради веселья и шутки, да с большой оглядкой, а то скрутит беда — не выдерешься, проси лишь в просаках — не поздоровится» (С. В. Максимов. Крылатые слова).

Этимология В. И. Даля и С. В. Максимова — одна из немногих фразеологических версий, которую практически никто не оспаривает. Историк языка лишь скорректировал словообразовательную основу: в отличие от Даля *просак* теперь связывается не с глаголом *сучить* (что и самим автором словаря было поставлено под вопрос), а со словом *сак* — «менок». Была явно неудачная попытка итальянского этимолога В. Пизани связать *просак* с глаголом *просить*. В нашем языке нет самостоятельного образования от этого глагола на *-ак* (обычно они образуются от именной или адъективной основы: *босьяк, бедняк, дурак, червяк* и т. п.), а также противоречит логике существования и развития фразеологизма *попасть в просак*: «попасть + ло вушка = оказаться в трудном, безвыходном положении». По ней образовано бесчисленное количество фразеологизмов как в славянских, так и неславянских языках: *попасть как мышь в мышеловку, попасть как сом в вершу, укр. попати в сіло, белор. упа́сти ў пругло́* и под. Важно и то, что эта общая модель может конкретизироваться в русских диалектах таким образом, что ловушкой оказывается какое-либо орудие производства: *попасть в клещи, попасть в мяло, попал в мяла, попал в мялку* «в строгие руки», «в беду», «под гнет»; *не бывал ты еще в мялицях: ввести в основу* (от ткацкого стана) «в худое дело»; *сбл. попасть на притужальник* (т. е. деталь кросен); *вят. попасть в колты* (*колтык* — «стержень», *костром. колот* — «ручное орудие для обмолота льна в виде изогнутой палки», *новг. волод. влад.* — «шест масляной ступы») и т. п.

Для подтверждения традиционной расшифровки нашего выражения много дают наблюдения за его развитием, типичным для фразеологии,

содержащей в себе так называемые «некротизмы» — устаревшие или узкодиалектные слова. Вначале, пока еще хотя бы номинально сохранялась связь с *просах* — «канатный станок», это выражение изменялось. У Дали, например, кроме *попал в просак* зафиксировано и *сидит в просакаа*, использованное, как мы видели, в своем очерке и С. В. Максимовым.

Особую активность проявляло это выражение в литературном языке XVIII века. Писатели того времени активно варьировали его. Довольно широким заменам подвергался глагольный компонент *попасть*; *попадеться*, *попасться*, *ввести* и др.: «Однако как люди умные, прозорливые и опытные, чтобы не попасть как-нибудь в просак и не промещулиться, почли... провозгласить по всем дворам и домам чрезвычайное собрание» (Березайский. Анекдоты древних попехонцев); «Однакож... во всех поступках и медленной решимость нужна: не так скоро в просак попадешься» (Дашкова. Тонсеков); «Пет, я не то хочу сказать: мне досадно, что они ввели меня в такой просак, что барыня меня разбранила» (Батурин. Зговор).

В последнем выражении предлог от *просака* отделен местоимением *такой*. Пока отделен, ибо это и есть свидетельство еще не завязавшихся жестких фразеологических узелков. Нужно подчеркнуть, что далеко не сразу *в просак* стало наречием *впросак*. До сих пор возможность расщепления последнего на предлог и существительное остается и используется писателями и журналистами: «Как мог попасть в такой просак опытный журналист?» (Вересаев. Невыдуманные рассказы); «Мы попали в безвыходный просак» (Баруздин. Собака).

Если еще в 17-томном академическом словаре под статьей *впросак* дважды этот оборот напечатан в раздельном виде и лишь один раз — как наречие, а в другой его части слово *просак* вообще подается как отдельное — иллюстрациями «попасть в самый печальный просак» и «попадал в порядочный просак», то второе издание малого академического словаря дает его жестко нормативно, без вариаций: *попасть впросак*. И без отсылки на это наречие в томе на букву «П». Тенденция к такому нормативному употреблению привела сейчас к тому, что *впросак* узаконено как наречие.

Так академическая традиция поставила точку над самостоятельностью бывшего народного термина *просак*. И теперь лишь самые отважные эксперементаторы слова выводят его время от времени из тесного фразеологического просака. Вызывают, чтобы несколько оживить, этот потерявший смысл от фразеологической неволи некротизм.

Санкт-Петербург

Гороху объестся

А. А. Плотникова,
кандидат филологических наук

В русской сказке о богатыре по имени *Покатигорошек* его чудесное рождение связывается с горошиной. Мать-царица зачерпнула ведром воду, а в это время катилась по дороге горошина и попала в ведро. Царица ее проглотила и «разбухло у ней во чреве зерно, сделалась она беременна и родила сына» (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Ч. 2. М., 1865. С. 757). У А. Н. Афанасьева зафиксирован также фразеологизм *покушать горошку* в значении «забеременеть». Подтверждение находим в Словаре русских народных говоров: «Гороху объестся. Забеременеть (о незамужней женщине). Сиб., 1854».

Как видим, в середине XIX в. в русском языке бытовали фразеологизмы *покушать горошку*, *гороху объестся* — «забеременеть». Аналогичные выражения встречаются и в других славянских языках, например в польском *grochu się objadła* (буквально: «гороху объелась»), отмеченное письменными источниками на рубеже XV—XVI вв., имеет значение «забеременела вне брака». Известный этнограф и собиратель кашубской диалектной лексики XX в. Б. Сыхта отмечает в своем словаре фразеологизмы, переводимые дословно как *гороху объелась* и *горох ее раздувает*, что значит «забеременела вне брака», а также — *залезть в гороховую солому*, т. е. «забеременеть» (Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. 1967. T. I. S. 364—365).

Связанное с горохом эротическое значение, как и символика плодovitости (зачатия), отражается во многих элементах свадебной обрядности славян. Продолжение рода являлось одним из важных компонентов семантики ритуалов свадьбы. В Псковской области существовал обычай стегать молодых гороховыми плетями при входе в дом (Псковский областной словарь. Вып. 7. С. 130). У чехов молодых осыпали горохом, а затем смотрели, сколько зерен застряло в платье невесты, судили по их количеству о числе будущих детей (Sobotka P. Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích obřadech a pověrach slovanských. Praha. 1879. S. 300). У словаков невесту в течение всей свадьбы осыпают горохом, хлебными зернами и прочими семенами с целью сохранить продолжение рода (Slovenská vlastiveda. T. 2. Bratislava. 1943. S. 53). В XIX в. горох занимал исключительное место среди свадебных блюд у поляков. Так, в Мазовии он считался традиционным обрядовым кушаньем на празднестве после венчания. В 1863 г. О. Кольберг зафиксировал там также и танец участников свадебного веселья с миской гороха в руках. Танец сопровождался пением

обрядовой песни и носил магический характер, поскольку, по мнению исполнителей, должен был способствовать урожаю гороха в хозяйстве молодых. К концу XIX в. обрядовый танец с горохом утратил свою актуальность (Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Secja Etnograficzna, Łódź. 1964. 8. S. 193).

Большая магическая сила во время свадьбы приписывалась гороховому стручку с девятью зернами: он мог предотвратить любое несчастье с женихом или невестой, стоило свату или свахе только махнуть такой «веткой» (Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. I. Кн. 2. С. 56). Впрочем, гораздо чаще этот стручок использовался знахарями с целью остановить свадебный поезд. Русские и белорусские колдуны подкладывали в сани невесты стручок с девятью горошинами и произносили заклинание. В нем говорилось о неожиданной для коней тяжести, такой, что лошади не могут сдвинуться с места, например: «Девять мер гороху, десятая невеста, добры лошади ни с места» (Архангельская, Вологодская области). Возможно, что здесь заключался намек на внебрачную беременность, что должно было расстроить свадьбу.

Интересно, что в Смоленской губернии с помощью гороха девушки гадали на Ивана Купалу о предстоящем браке. Мотив такого гадания сохранился в лирической песне, где проросший горох означает замужество:

...Да пойдем, сястрица, пад ясну зариду,
У темну ночку Иванскую,
Привясем, сястрица, белага гарошку,
Падсыпим, сястрица, пад свекрыву клетку:
А знаю, я знаю, гарошик узойдить —
И мне у свекрырки быть.

(Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. С. 224). В чешских народных песнях зеленый горох символизирует девушку на выданье (Sobotka... S. 299). В Восточно-Чешской области на вечерних гуляньях молодежи будущие невесты дарили своим юношам веночки из гороха и кореньев (Český lid. Praha. 1912. R. 21. S. 327).

Несколько иное, на первый взгляд, сообщение происходит из Покутья (Польша). По окончании жатвы хозяину приносили венки из того хлеба, который сжали, но *grochowy wieniec* (венок из гороховой соломы) не могла нести девушка: его разрешалось нести только молодой замужней женщине (Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 29. Pokucie. Cz. 1. 1962. S. 206). Откуда столь строгое предписание? Дело в том, что у поляков венок из гороховой соломы был символом утраченной невинности девушки. Правда, такой же венок мог получать и отвергнутый жених: венки вешали над дверьми или на повозке юноши (Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich. Warszawa. T. 1. 1969. S. 648). По-видимому, это делалось в насмешку над незадачливым кавалером.

Если у русских, белорусов и западнославянских народов зачатие ребенка часто ассоциировалось с разбухшим и проросшим семенем гороха, то у украинцев (особенно на Карпатах) и южных славян, в этой символи-

ческой функции выступали бобы, фасоль. Украинское выражение *ходить в боб*, отмеченное в летописи XVII в., употреблено в значении «грешить против седьмой заповеди» — прелюбодействовать (Киевская старина, 1885. № 7. С. 745). Гуцулы о беременной женщине говорят: *та вже си наїла бобу, тай єе биб. рости в череві*, т. е. «она наелась бобов, бобы растут в животе» (Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів. 1918. Т. 18. С. 94). Закарпатская невеста брала на венчание горсть бобов и, украдкой перебирая в церкви бобы, произносила заклинание с целью избежать бездетности (запись Е. Э. Будовской). А у сербов невеста брала с собой столько бобов, сколько лет не хотела иметь детей, чтобы по прошествии срока посеять зерна, съесть урожай и родить ребенка. Если же она хотела остаться бесплодной, то держала при себе два-три жареных боба (Грбић С. Српски јародни обичаји из Среза Бољевачког. Српски етнографски зборник. 1909. Књ. 14. С. 100—102).

У болгар на Родопах бездетная женщина, посадив бобы в черепае убитой змеи, оставляла его в дупле бука и по количеству всходов определяла число будущих детей (Георгиева И. Българска народна митология. София. 1983. С. 59). В северо-восточной Болгарии участники свадьбы носили набухший в воде «белый боб», а на груди — бусы из «белых бобов» (Капанци. Бит и култура на старото българско население в Северозточна България. Етнографски и езикови проучвания. София. 1985. С. 159). Словенские юноши ходили на Троицу к своим избранницам, чтобы получить от них булочку, называемую «боб» (Kureet N. Praznično leto Slovencev. Celj. D. 2. Poletje. 1967. S. 42).

Русскому выражению *покушать горошку* в значении «забеременеть» полностью соответствует мотив сербской народной песни, исполнявшейся исключительно после рождения ребенка. Ее поместил в своем «Сербском словаре» 1818 года реформатор языка и знаток традиционной народной культуры Вук Ст. Караджич. Перевод песни таков:

Ой, в большой долине зеленеет боб.

А кто его посеял, и он зеленеет?

Мирко [имя отца] его посеял, и он зеленеет.

Ружа [имя матери] его наелась, сердце у нее болит.

(Кара ић В. Ст. Српски рјечник истолкован њемачким и латинским рјечма. Wien. 1818. С. 15).

У древних греков и римлян также существовала ритуально-магическая функция бобов. В религиозно-философском учении Пифагора и его последователей бобы считались той материальной оболочкой, в которую переходила душа умерших. В результате долгое время на употребление бобов в пищу существовал запрет.

Не только у славян, но и у других европейских народов «лакомство горохом, бобами» ассоциируется в народной культуре как с нарушением определенного запрета (беременность до брака, прелюбодеяние), так и с возможностью продолжения рода.

Р. А. Агеева. СТРАНЫ И НАРОДЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ

Названия стран и народов составляют огромный пласт наиболее употребительной лексики.

О происхождении и судьбах современных названий, а также давно вышедших из повседневного употребления, ставших всецело достоянием ученых, историков и лингвистов, рассказывает Р. А. Агеева в книге «Страны и народы: происхождение названий», вышедшей в 1990 году в издательстве «Наука».

Имена этнических общностей (племен, народностей, наций) – весьма трудный объект для исследования, потому что за многие века своего бытования они изменялись зачастую до неузнаваемости. Однако разыскания в этой области лингвистической науки, именуемой этнонимикой, позволяют получить результаты, очень важные и интересные не только для языковедов, но и для историков, этнографов. Так, в первом разделе книги – «Древние племена и их названия» – приводится немало примеров такого рода. Подробно освещается современная ситуация с изучением этнонимов Восточной Европы, принадлежащих к трем большим группам различной языковой принадлежности – славянской, балтийской, уральской (Финно-угорской и самодийской). Приводятся существующие точки зрения, при этом и весьма спорные, относительно этимологии многих названий древних племен и народов, обитавших с давних времен в европейской части нашей страны и Западной Сибири.

Расширяя круг привлекаемых фактов, Р. А. Агеева показывает, что при образовании этнонимов обнаруживаются четкие типологические параллели в самых разных языках, практически по всей обитаемой территории земного шара. Таковы, например, обозначения: ландшафтные (по рельефу и другим особенностям местности) – со значением «приморские жители», «лесные люди», «горцы» и т. п.; топонимические, т. е. производные от конкретных названий географических объектов – рек, территорий и т. д. (ср.: *полочане, полабы, лужичане*); «самоутверждающие» – с буквальным значением типа «мужчина, человек (настоящий, свой), люди».

Выявление общих закономерностей рождения и бытования топонимов продолжает оставаться, указывает Р. А. Агеева, актуальной задачей. Однако при изучении этнических обозначений важно не столько установить их этимологию, сколько проследить функционирование живых имен в конкретные исторические эпохи.

Второй раздел книги – «Русь, Чюдь и все языки...» – наполовину посвящен увлекательному сюжету поисков ключа к разгадке тайны древнего народа, известного русским летописцам под названием *чюдь* и до сих пор

не отождествленного с достаточной надежностью в этно-языковом отношении. Изложив многочисленные версии возможного решения «чуждой проблемы», предложенные учеными на протяжении XIX–XX вв., автор книги высказывает и свои собственные суждения на сей счет.

Не менее загадочным, в смысле его происхождения, оказался и знаменитый этноним *русь*. Необычайно острая дискуссия вокруг него, давно начатая в отечественной науке, продолжается и поныне. Но в настоящее время единственно обоснованной с точки зрения лингвистической и потому наиболее убедительной, как справедливо отмечает Р. А. Агеева, является гипотеза о западно-финском источнике заимствования термина *русь* (так финны Южного Приладожья называли обосновавшихся там поселенцев-скандинавов, позднее славянизовавшихся).

Третий раздел книги – «Государства на карте мира» содержит сведения об основных принципах употребления названий стран. Автор напоминает о возникновении первого очага цивилизации на Мнойском Крите уже в начале II тыс. до н. э. В данной связи представляет несомненный интерес тот факт, что именно на этом острове локализуются древнейшие из известных на сегодняшний день европейских топонимов – названия городов-государств Кносса, Амниса, Тиллеса, Феста и Кидонии. Здесь читатель найдет также много разнообразных сведений исторического и лингвистического характера.

Завершает книгу небольшой раздел под заглавием «Земля Священная страны, которых нет на карте». В нем рассматриваются имитирующие подлинные топонимы наименования вымышленных стран, которые делятся на три основные категории: имеющие какой-либо историко-географический прототип, чисто сказочные – продукт устного народного творчества, созданные писательской фантазией. Они возникают и существуют по законам тех литературных жанров, которые дают им жизнь.

Читатель, встретившись с книгой Р. А. Агеевой, получает прекрасную возможность последовать за автором в увлекательный мир лингвистических и исторических разысканий, расширить свои географические представления не только в пространстве, но и во времени.

А. А. Молчанов,
кандидат исторических наук ©

Отклики и комментарии

Дар русскому языку

Н. В. Подольская,
доктор филологических наук

Бесценным достоянием филологии стал «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына, выпущенный в 1990-м году издательством «Наука».

«Тут подобраны слова, — пишет автор в Объяснении к словарю, — никак не заслуживающие преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе богатое движение — а между тем почти целиком заброшенные» (с. 4); «я не претендую ни на какую научность отбора. Этот словарь имеет цель скорее художественную». И еще: «Этот словарь ни в какой мере не преследует обычной задачи словарей: представить по возможности полный состав языка. Напротив, все известные и уверенно употребительные слова отсутствуют здесь» (с. 3—4).

А. И. Солженицын рассказывает о том, что с 1947 года, еще в лагерях он «почти ежедневно занимался обработкой далевского словаря — для своих литературных нужд и языковой гимнастики», затем выборки из Даля были пополнены словами из произведений русских писателей XIX и XX веков. Кто же из них дал дополнительную словесную материю для А. И. Солженицына? Этот список представляет особый интерес: Алексей К. Толстой, Аполлон Григорьев, Белов, Бунин, Виктор Астафьев, Глеб Успенский, Го голь, Достоевский, Есенин, Замятин, Клычков, Ключевский, Кольцов, Крюков, Лесков, Лев Толстой, Мамин-Сибиряк, Мельников-Печерский, Островский, Писемский, Пушкин, Распутин, Ремизов, Тургенев, Тютчев, Шмелев, Шукшин (с. 8).

Словарь А. И. Солженицына можно назвать словообразовательным. Многие слова в нем выглядят сейчас, как неологизмы, хотя таковыми не являются. Сам А. И. Солженицын, особенно чуткий к словам, потертым как старые пятаки, в своих произведениях постоянно использует собственные неологизмы, главным образом, словообразовательные. Читатели иной раз жалуются на то, что они спотыкаются об эти авторские новообразования. Однако это «спотыканье» всегда бывает только к пользе дела: глаз и мысль не скользят по тексту, а останавливаются, сосредотачиваются; внимание заостряется, и через непривычное слово полно и ясно доходит до ума и чувств именно то, что хотел сказать автор, а не то, что «догадливый» читатель думал прочесть. Например: «Мы просим читателей сквозно иметь в виду» (Архицелар Гулар); «На раскрыве XX столетия!» (Там же).

Современники Пушкина, как известно, обвиняли поэта в «грубых» словах, в неологизмах разного рода: в словообразовательных, словоупотребительных (непривычный падеж, иная синтаксическая конструкция). Недаром лингвисты нашего времени, обратясь к языку Пушкина, должны были создать и создали «Словарь языка Пушкина». Академик В. В. Виноградов так характеризует язык и стиль Пушкина: «Общезвестно, что в стиле Пушкина произошло слияние всех жизнеспособных словарных элементов русского литературного языка предшествующей эпохи с общенародными формами разговорной речи и со стилями устной народной словесности, фольклора. „Письменный язык, — по словам Пушкина, — оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного им в течение веков“» (Словарь языка Пушкина. Т. I. С. 10. М., 1956).

Это очень близко к тому, что предлагает в своих художественных произведениях и в словаре А. И. Солженицын. Должен встать вопрос и о создании словаря языка Солженицына. Его язык — новая эпоха в нашем современном языке, хотя это еще не всеми осознано, еще не прошло «необходимое» столетие. Но при нашем ускорительном течении времени, может быть, достаточно будет и половины столетия!

Естественно, А. И. Солженицын не включил в словарь свои неологизмы, а, напротив, подчеркнул, что «лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» (с. 3).

Словарь Александра Исаевича в основной своей части — словообразовательный в том смысле, что читателю даны различные словообразовательные варианты одного слова, поданные через запятую, часто подобранные таким образом, что они даже не нуждаются в определении, например, *густьбнь* (Клычков), *густняк*; *голодьба*, *голодень*, *голодѹха*, *голодѹша*; *лопотѹня*, *лопотѹха*, *логотѹ*.

Во многих случаях слова, последовательно идущие в колонке, а также выражения со словами того же корня, представляют собой гнездо, в которое входят и приставочные образования: *грызь* — 1. грыжа; 2. всякая боль, ломота, резь; *грыз*, *грѹзка* — дй. по глг.; *грѹзться зев в зев*; в один *грызбк* не отгрызешь; *грызливая собака*; *грызучая боль*; *огрызѹть кость*; *надгрѹленный*; *грызбй* — предназначенный для разгрыза.

В некоторых случаях вместо однокоренных слов в одном ряду (в одной статье) подобраны синонимы: *будѹль*, *копѹл*, *тычѹна*, *потѹрчина* — ствол крупного травянистого растения, по кошеному напорешь ногу на *будѹлку*. Собранные вкупе слова с корнем *визор-/визр-* заканчиваются выражением *вѹзорь вѹзорович* — кто делает все вихрем, порывом. Это выражение интересно не только само по себе, но и потому, что представляет старую фольклорную модель, так называемый таутоним, то есть повтор основы в имени и отчестве: *Месяц Месяцович*, *Полкан Полканович*, *Калин Калинович*, *Батыга Батыгович*. (См.: Пеньковский А. Б. Русские персонифицирующие именованья как региональное явление языка восточнославянского фольклора // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986).

Широко и разнообразно представлены в словаре двуосновные слова. В русском языке они считаются, главным образом, наследием церковнославянского языка, в котором они создавались по образцу древнегреческих слов при переводах с этого языка сначала богослужебных книг, а затем и нравственно-поучительной литературы. Они плотно вошли в русский язык. Мы привыкли к ним настолько, что не замечаем их. Позднее в народной речи и в технической терминологии возникло множество уже своих двуосновных слов, емко и вполне по-русски передающих нужные понятия. А. И. Солженицын обращает внимание на одно из таких старых слов: «попробуйте сейчас впервые изобрести слово „путешествие“ — вас засмеют, что это напыщенно и искусственно» (с. 4). Какие же двуосновные слова находим мы в словаре? Это не только слова с привычной первой основой *само-*, *ветро-*, *водо-* и непривычной второй: *самовла́стник*; *самове́р* — кто создал веру по своему разумению; *ветроворо́т* — смерч; *ветробы́рая* хижина; *ветропла́т* враль; *ветроло́мное* дерево; *вододо́ержа* — плотина; водораздел, сырт; *водола́б*; *водока́п* — капель; *водохо́дство* — пресноводное судоходство и многие другие не менее привлекательные своей неповторимостью в качестве синонимов к затертым словам. Находим и такие редкостные двуосновные, как *серебробо́л* (вместо: серебряных дел мастер); *лободыро́ватый* — глупый; *сеноконь* (Мам.-Сиб.) — о дожде; *концесве́тный*, *красесве́тный*; *концези́мный*, *конеце́льный*; *конецесе́нный*; *правдо́речивый*.

Обращают на себя внимание слова, которые мы обычно употребляем с отрицанием *не-*, данные в словаре без *не-*, в своем положительном смысле, например, *ве́жество*, *взра́чный*, *во́леть*. В этой форме не только раскрывается этимология, но сами слова без отрицания воскрешают собственную историю и позволяют применить их в современной речи. Автор называет их: «исторические выражения, сохраняющие свежесть». Ср.: *ве́жество* (XVI в.) 1. Наука, знание. 2. Учтивость, вежливость (СРЯ XI—XVII вв., вып. 2. С. 52); *взра́чный* (XIII—XIV вв.) — 1. Приятный на вид; 2. Доставляющий удовольствие (Антиохъ Взра́чный (СДрЯ XI—XIV вв., т. II, С. 117); *во́лети* — 1. Хотеть; 2. Изъявлять расположение, покровительство (СДрЯ XI—XIV вв., т. I, С. 467).

А. И. Солженицын не поясняет, почему выделены им в особый словарь слова, «прямо относящиеся к лошадям» (с. 268—271). Любовь ли к лошадям, или любовь к особым «ароматным» словам, или же, как во всем словаре, стремление поднять на поверхность забытое, послужили причиной обособления этой лексики. Здесь представлены названия около 50 мастей, в том числе малозвестные неспециалистам, например, *чалопе́гая* — по чьялой шерсти белые пёжины; *рыжегнеда́я*; *вороноча́лая*; *розовая* — красносера, светложелезистая; *горчи́ца* — чёрная рябь на серой лошади; *голубая* — пепельного цвета, мышастая; *фарфбровая* — серая в мышастых пятнах. Даны клички лошадей по мастям: *чалка*, *чалка*, *чалуха*; *савра́ска* (вспомним: «ну, трогай, Саврасушка, трогай...», вспомним и Сивку-Бурку, хотя их, очевидно, как всем хорошо известных, нет в словаре, но есть *каурка* — кличка каурой лошади). А вот побегки лошадей, то, что принято называть аллюром:

нарысь, скачь, меть, хлынь, хлыльцá, стлань, слань — самая быстрая побежка лошади (очевидно, от гл. *стлаться*). А сколько глаголов и глагольных выражений, характеризующих действия самих лошадей, которые не могут быть применимы ни к кому, кроме лошадей, например, *принужкалась, развозжбалась, сбегались* в паре! Словарь «О лошадях» — это целая энциклопедия для писателя, для журналиста, пишущих о старой русской деревне, о поместьях, где держали лошадей, о конных заводах, или о тех новых хозяйствах, которые у нас, может быть, все-таки будут.

Последняя страница в словаре, две колонки: «Некоторые бранные слова». Среди них — ни одного ругательства в современном понимании, ни одного непристойного слова. При том, что в нашем обществе сейчас ругается каждый второй, даже если не иметь в виду матерщину (ее слышим, увы, даже в женских и детских устах). Стараются выбрать слово злое, оскорбительное. Набор этой магазинно-автобусной ругани стереотипен, она проникла в художественную литературу, вошла как нечто обыденное в газетные статьи.

Что приведено на последней странице у Солженицына? Это в большинстве случаев «бранные слова» — характеристики: *валява* (кто лежит да ест); *горлопáй*; *дураплёт*; *пакостун*; *жабёнок* (злое дитя); *злодырь*; а уж самые бранные — это *кранивое отрёбье* и *пёсья лодыга*. Все это выглядит вполне невиновно и даже мило в сравнении с тем, что мы слышим каждый день.

Многое из того, что предложено для языкового расширения, может быть использовано не только в художественных произведениях, но и в повседневной речи, в политических выступлениях и статьях. Почему бы не использовать такие слова и выражения, как, например, *влиять умом*; *середовик*; *вековщик* (вместо должожитель); *вероподбие* (вместо суеверие, гадание, составление и вера в гороскопы); *наступчивый* — склонный к нападкам; *перекрёщик*; *перестроитель* государственного порядка; *корыстник* и многое другое, если подумать над словами в словаре и теми оттенками, которые они способны внести в речь.

Словарь А. И. Солженицына должен стать настольной книгой не только для литературного работника, который обнаружит в нем нетронутые богатства синонимов и иных выразительных средств, но и для любого человека, не желающего дальнейшего оскудения родного языка, имеющего стремление оживить его с помощью своих же, исконных, а не заимствованных слов.

Огромный труд, вложенный писателем в составление этого словаря, следует оценить как дар современному русскому языку, русской литературе и русским людям.

Постскрипtum редакции

Отдав свою статью в наш журнал, Н. В. Подольская одновременно отправила ее копию Александру Исаевичу Солженицыну в качестве отклика на его Словарь.

Когда этот номер готовился к печати, автор статьи о Словаре получил ответ от А. И. Солженицына и любезно предоставила его для публикации. Что мы и делаем:

18.8.91.

Дорогая Наталья Владимировна!

Я очень тронут, что Вы с таким вниманием и пониманием отнеслись к «Словарю языкового расширения», (Осенью он выйдет и в ИМЖе, несколько покрупней форматом, удобней для чтения.)

Публикуя его в столь бурные годы — я, конечно, понимал, что он не для сегодняшнего дня. Но и все-таки поражен полной языковой глухотой современных русских людей. Из немногих, кто его вообще заметил, — обозвали его «лексической утопией». А люди, даже настаивающие на своих национальных чувствах, и даже некоторые писатели (и отнюдь не молодые) — почти с яростью восстают против каждого восстановленного русского слова, в том же и «Архипелаге». Вот до чего мы омертвели.

Но я твердо верю, что — воскреснем и в этом (хотя уже не при моей жизни).

Спасибо, и всего Вам доброго.

А. Солженицын

Красные цветы не могут быть синими

Однородные и неоднородные определения

И. И. Степанченко,
кандидат филологических наук

Чтобы научиться правильно ставить знаки при однородных и неоднородных определениях, прежде всего нужно вспомнить, какие члены предложения называются однородными. Из школьной программы вам должны быть известны три главных признака однородных членов: во-первых, отвечая на один и тот же вопрос, они являются одним и тем же членом предложения; во-вторых, чаще всего зависят от одного и того же слова; и, в-третьих, связаны между собой сочинительной связью, которая может быть выражена сочинительным союзом и интонацией, или же только интонацией.

Разберем предложение: *Все работали быстро, с воодушевлением, не покладая рук.* Слова *быстро, с воодушевлением, не покладая рук* являются обстоятельствами образа действия, отвечают на вопрос *как?*, зависят от сказуемого *работали*. О сочинительной связи между ними свидетельствует перечислительная интонация и возможность подстановки соединительного союза *и*. Значит, рассматриваемые слова — однородные члены предложения. Заметьте, что они, как в нашем примере, могут быть выражены равными частями речи. Почему же однородные члены так называются?

Термин *однородные* точно передает содержание этого понятия: слова, являющиеся однородными членами предложения, выражают видовые отношения внутри одного общего рода. Например, *синий, красный, зеленый* — это виды цвета, т. е. слова *синий, красный, зеленый* выражают видовые понятия, а *цветной* — родовое. Родовое понятие обобщает видовые, как бы «вбирает» их в себя. Итак, кроме грамматических признаков, которые рассматриваются в школе, однородные члены предложения имеют еще и логический признак. Правда, этот признак, как мы далее увидим, часто нарушается, но все равно его необходимо иметь в виду при анализе однородных и неоднородных определений.

Вначале рассмотрим два простых примера: *синие, красные цветы* и *длинный товарный поезд*. Чем эти примеры отличаются друг от друга и что в них общего? Общее: слова *синие, красные* и *длинный, товарный* отвечают на вопрос *какой?* и, следовательно, являются определениями. Этим сходство и ограничивается.

Отличие заключается в том, что слова *синие* и *красные* связаны между собой перечислительной интонацией, между ними можно поставить соединительный союз *и* (ср.: сочетание *длинный и товарный поезд* невозможно). Значит, в первом сочетании между определениями есть сочини-

тельная связь, во втором — нет. К тому же слова *синие* и *красные* могут быть объединены общим родовым понятием: *цветные*. У слов *длинный* и *товарный* общего родового понятия нет, т. к. *длинный* указывает на размер, а *товарный* — на назначение поезда. В школе вам сказали бы так: определения из первого примера характеризуют предмет с одной стороны, а из второго — с разных сторон.

Наконец, в первом примере оба определения — *синие* и *красные* — зависят от слова *цветы*: *цветы* (какие?) *синие*, *цветы* (какие?) *красные*; а во втором случае от определяемого слова *поезд* зависит только ближайшее к нему определение *товарный*: *поезд* (какой?) *товарный*. Определение же *длинный* характеризует не *поезд*, а *товарный поезд*, т. е. по смыслу и грамматически первое определение относится к сочетанию второго определения с определяемым словом: *товарный поезд* (какой?) *длинный*. Заметьте, что в первом примере такие зависимости не могут быть установлены: *красные цветы* не могут быть *синими*.

Следовательно, в первом примере налицо все признаки однородных членов, во втором — отсутствуют зависимость от одного и того же члена предложения, сочинительная связь между определениями и отнесенность к общему родовому понятию: определения *длинный*, *товарный* неоднородны.

А нельзя ли во втором примере те же определения превратить в однородные? Сравните: *шел длинный товарный поезд* и *шел поезд длинный, товарный*. Даже интонация подсказывает, что, изменив порядок слов, мы превратили неоднородные определения в однородные. Почему же так произошло? Ведь по-прежнему *длинный* указывает на размер, а *товарный* — на назначение поезда, так что никакого общего родового понятия нет. Здесь (и не только здесь) как раз происходит то нарушение логического признака однородных членов, о котором говорилось раньше. Неоднородные определения стали однородными потому, что оказались в нетипичном для них месте — после определяемого слова, а в русском языке в отличие от многих других языков (например, польского) согласованные определения находятся перед определяемым словом. Оказавшись в положении после определяемого слова, неоднородные определения стали однородными (ср.: не обособливающиеся перед определяемым словом определения в положении после него становятся обособленными).

Запомним этот вывод и обратимся еще к двум примерам: *Катя и Валька шли рядом на лыжах по тихой, озаренной звездами тайге* (В. Кетлинская) и *Катя и Валька шли по озаренной звездами тихой тайге*. В первом примере определения *тихая* и *озаренная звездами* однородные, во втором неоднородные, хотя логические, смысловые отношения в обоих случаях остаются неизменными (снова логический признак однородности нарушен). Нетрудно заметить, что приведенные примеры отличаются друг от друга порядком слов и тем, что одно из определений является распространенным, т. е. имеет при себе зависимое слово (*озаренная звездами*). Но существует правило: если одиночное определение предшествует рас-

пространенному, они однородны, если же их поменять местами и распространённое определение поставить перед одиночным, — неоднородны.

Случай, когда оба определения распространены, подробно рассматривать не будем: чаще всего два оборота с причастием или прилагательным в роли стержневого слова являются однородными. Например, *Пропитанные углем, не мытые по целым неделям лица — все смешалось в пестрой массе* (А. Куприн).

Теперь обратимся к часто встречающемуся и наиболее трудному случаю, о котором мы лишь упомянули вначале: когда два одиночных определения находятся перед определяемым словом. Учитывая логический признак однородности, а также то, что однородные и неоднородные определения связаны с определяемым словом по-разному, для наглядности представим процедуру анализа однородности в виде схемы:

1. Где находятся определения по отношению к определяемому слову?

перед ним

после него

2. Являются ли определения распространёнными

однородны

оба одиночные

одно одиночное,
другое распространённое

оба распространённые

3. Можно ли подобрать общее родовое понятие?

3. Предшествует ли одиночное определение распространённому?

как правило, однородны

да

нет

да

нет

однородны

4. Может ли первое определение грамматически зависать от сочетания второго определения с определяемым словом?

однородны

неоднородны

да

нет

неоднородны
однородны

Вновь обратимся к примерам: *К финишу подъехал последний(,) вошедший на тринадцатый велосипедист*. Рассуждаем по схеме: 1) определения находятся перед определяемым словом; 2) оба определения одиночные; 3) по

добрать общее родовое понятие трудно; 4) отнести первое определение к сочетанию второго определения с определяемым словом нельзя, тогда получится, что к финишу один за другим подъезжали *восемнадцатые велосипедисты* — сначала *первый восемнадцатый*, потом *второй восемнадцатый*, и, наконец, *последний восемнадцатый велосипедист*. Значит, несмотря на отсутствие общего родового понятия, определения однородны, и между ними необходима запятая. Обратите внимание: в отличие от рассмотренных ранее случаев здесь между однородными членами отношения уточнения: *последний*, т. е. *восемнадцатый*.

В статье о занятой при союзе *И* (см.: «Русская речь», 1991. № 3) уже говорилось о том, что пунктуация тесно связана со смыслом высказывания. Это же относится и к предложениям с однородными и неоднородными определениями. Например: *Сестре купили новую(,) синюю ленту*. Попробуем применить нашу схему. Перед определяемым словом находятся два одиночных определения. Родовое понятие подобрать нельзя (*новая* указывает на сменяемость, *синяя* — на цвет). Однако слова *синяя* и *новая* могут быть поняты и по-другому: дело не в том, что у сестры была старая лента, а сейчас ей купили новую, старой ленты могло и не быть. *Новая, синяя лента* — это лента привлекательная, нравящаяся сестре. Этот оценочный признак становится общим для определений родовым признаком. В этом случае определения однородны.

Еще один пример: *Тетеревы жили в большом каменном доме*. Первое определение указывает на размер дома, второе — на материал, из которого дом сделан. Каменный дом вполне может быть большим или маленьким. Значит, первое определение можно отнести к сочетанию второго определения с определяемым словом. Но всем признакам определения неоднородны. Однако это предложение может быть только частью сложного предложения типа *Тетеревы жили в большом (,) каменном доме, а их соседи в маленьком (,) деревянном флигеле*. Здесь слова *большой, каменный* и *маленький, деревянный* перестают указывать только на материал и размер. Автору важно другое: *большой, каменный дом* — это дом *хороший, добротный, а маленький, деревянный флигель* — *плохой, неудобный для проживания*. Благодаря противопоставлению оценочный признак выдвигается на передний план, становится ведущим, и поэтому неоднородные определения превращаются в однородные, так как объединяются общим родовым понятием. Однозначно ответить на вопрос, нужны ли запятые в этом предложении, нельзя. Все зависит от того, как читатель понимает его. Таких спорных, вариантных ситуаций — постановки или непостановки знаков при однородных и неоднородных определениях в русском языке много. Поэтому важно, пользуясь грамматической схемой, в то же время всегда помнить о связи между пунктуацией и смыслом.

Теперь для закрепления изложенного материала советуем вам обязательно выполнить тренировочные упражнения и написать диктант с однородными и неоднородными определениями.

КАК КРУЖКА СТАЛА БОКАЛОМ

И ЧТО
ИЗ
ЭТОГО ВЫШЛО

РАССКАЗ. ПЕЧАЛЬНЫЙ, ХОТЯ И НЕ БЕЗ ЮМОРА

Е. П. Никитина

Определяйте значение слов и вы избавите свет от половины его заблуждений.

Рене Декарт

Может ли рюмка расстроить свадьбу? Конечно, скажете вы, сколько угодно. Ну, а бокал? Пустой и даже... еще не купленный? Не знаете? Тогда послушайте, какая история вышла в одном колхозе.

Фельдшер Варезкин влюбился в очаровательную библиотекарню Танечку. А когда пошел, что и она к нему не совсем равнодушна, то, провожая ее поздно вечером, остановился вдруг подальше от фонаря и, прижав ладони к груди, робко проговорил:

— Танечка!

— Что? — спросила девушка.

Варезкин — уже более решительно:

— Давайте с вами

подыдем стаканы,
содвинем их разом!..

И не в сельсовете — в районном Дворце бракосочетаний! Вы согласны?

Даже при лунном свете видно было, как всхлинули милые щечки библиотекарни. Но уста сказали безжалостно: — «Нет!» И пояснили:

— Не хочу стаканы! Вот если бы бокалы... красивые, звонкие, на тоненьких ножках!

Тавечка мечтательно улыбнулась. И продекламировала:
шипенье пенистых бокалов...

Утром счастливый жених отправился в город. Там в поисках бокалов Варезкин обошел все магазины. И лишь в комиссионке увидел дюжину бокалов, вполне приличных. Но цена их была... В общем, пришлось вернуться за деньгами.

На следующий день, после полудня, шофер Сенькин, водивший в город молоковоз, по просьбе фельдшера заехал за ним. Варезкин уже кинул свой чемоданчик на правое сиденье, как вдруг был схвачен за правый рукав. Оглянулся — Шуренко Агасин, весь в слезах:

— Дедушка... на пол свалился... Не слышит ничего, не говорит!..

Да, такая вот у сельского медика жизнь. Кивнул Варезкин шоферу на чемоданчик, сунул в его чумазую руку деньги и попросил забрать в комиссионном магазине бокалы. Все двенадцать. А сам, заскочив домой за шприцем и прочим лекарским инвентарем, кинулся к Агасиным.

Возвратился Сенька с пустым чемоданчиком и с громоздким клетчатый узлом:

— Уф, занарился, понимаешь. Вот тебе двенадцать бокалов, как велел. В чемодан только не полезли они — рубаху с себя снял, поклат в вес.

И громыхнул узлом, водружая его на стол.

Жених нетерпеливо размотал проволочку, употребленную вместо завязки, распахнул узел — и... лишился речи: взору его представилась беспорядочная куча больших фаянсовых кружек! Белых, с синей каемочкой...

Доставая из узла-рубахи кружки и уставляя ими стол, Сенькин болтал беззаботно, довольный собой:

— Понимаешь, в комиссионку заглянул — нету, какой-то торопыга нас с тобой обскакал. Поехал дальше, гляжу — бокалы люди песут. Из универмага, около автовокзала который. Захожу — а за ними очереди-и-лица! Сейчас ведь всё хватают, хоть нужно тебе, хоть нет. Ну, думаю, простоишь тут... Да еще ну-ка не достанется: дакт-то по пятку, больше не проси. Нет, думаю, так не годится. Пошел во двор, стал у черной двери, выжидаю: авось пофартит! И что ж ты думаешь! Выходит Зойка Нефедова, бывшая моя подружка, сетку держит набитую. Под сеткой бумага магазинная, для маскировки, а все равно видать, что бокалы там, ручки кое-где выпирают. Ну, я с ней сперва, как положено, тары-бары, пустые амбары, как в городе жизнь, не тянет ли обратно в деревню, а потом про бокалы удочку закинул, мол, нужны позарез. Она и вынесла. Мужикина

сеструха там работает, вот Зойка и достает все что хопь. И совсем недорого, понимаешь, вышло. Во сдачи тебе сколько оста...

И осекся, увидев лицо Варезкина. Удивился:

— Да что-о? Тебе не нравятся бокалы?

Фельдшер издал, наконец, звук, похожий на стон. Потом закатил глаза и пролепетал трагическим шепотом:

Выьем с горя; где же кружка...

Все бы, может, и обошлось. И, конечно, купил бы Варезкин подлинные бокалы. Но беда в том, что Севькин встретился в сенях с Танечкой и буркнул на ходу:

— Вот, понимаешь, чудак человек! Ведь говорил ему, объяснял, что вино стаканчиками пьют!

И грохотнул сапогами по ступенькам крыльца.

Невеста, встревоженная, распахнула дверь. Вошла, красивая, гордая. Оглядела комнату жениха, и огромные, черные ее глаза метнули одну за другой две пары молний. Одна — упала на злополучные кружки, вторая — поразила и без того бледного как мел жениха. Презрительно поведи плечиком, она ушла. И выразительно хлопнула дверью.

Свадьба не состоялась.

* * *

Какое это красивое, звучное, полное поэзии слово — бокал! Но когда я слышу, и очень часто, что «бокалом» называют чайную чашку, молочную кружку или кружку для пива, мне становится больно. И за родную русскую речь, и за бедного Варезкина, который без всякой надежды все еще топчет мураву под Танечкиным окном.

Новомосковск, Тульск. обл.

Шаг навстречу друг другу

В те дни, дай Бог,
от краю и до краю
гражданская повеет благодать:
все сбудется, о чем за чашкой
чаю
мы на чужбине любим погадать.

Владимир Набоков

Наконец сбылось то, о чем мечтали многие и много, долго. В августе в Москве (с выездами в другие культурные центры России — Санкт-Петербург, Новосибирск, Пермь, Екатеринбург) прошел первый тур Международного конгресса соотечественников. Он был организован Верховным Советом РСФСР. В его подготовке и проведении принимал участие Союз арендаторов и предпринимателей СССР, а официальными спонсорами выступили Российская товарно-сырьевая биржа, Московская товарная биржа, МП «Производственно-коммерческий центр», Научно-производственный центр «САМИМПЭКС» (Самара) и «Амирал утекс» (СП Франция — СССР).

Идея созыва Конгресса зрела давно. Еще в 1926 году раздавались призывы к российской эмиграции собраться, правда, вне пределов России, на свой всемирный съезд. Об этом свидетельствуют различные документы. Позже этот вопрос поднимал академик Ю. В. Гуляев в созданном им международном фонде. Наконец, в 1990 году с этим же предложением выступили «Демократическая Россия», инициативная группа Моссосовета и ряд других организаций.

И вот 19 августа, несмотря на начавшийся путч, в Концертном зале имени П. И. Чайковского состоялось открытие Международного конгресса соотечественников. Многие задавали себе вопрос, не было ли providенциального смысла в том, что именно в этот день дорогое отечество напомнило о себе с такой устрашающей очевидностью?

Конгресс собрал около 800 человек из 35 стран, где проживают выходы из России. Цель его проведения, как говорилось в Обращении организационного комитета к участникам — «объединить тех, чьи предки давно покинули или были вынуждены оставить Отечество, но не потеряли духовной общности с русской культурой и хотят участвовать в священной и благородной деле — возрождении России». Другой, не менее важной целью, и это очевидно, было восстановление исторической справедливости по отношению к русской эмиграции, к забытым именам, а для этого необходимо лучше знать друг друга.

Сказать о всех приехавших — эмигранты, значит не отразить сути явления, не ответить на те многочисленные вопросы, которые возникают у нас при этом понятии. Почему эмигранты зачастую не ладят между собой, что им мешает жить дружно, ведь их должна объединять потеря

самого дорогого — родины? Почему они не торопятся возвратиться на нее, когда появилась такая возможность, ведь большинство из них мечтали об этом? И еще многие и многие другие вопросы мешают нам понять их. На часть из них ответил в интервью журналу «Эхо планеты» председатель оргкомитета Конгресса, народный депутат РСФСР М. Н. Толстой: «Это во многом несчастные люди, в какой-то степени они подобны тем, кто живет в коммунальной квартире, где конфликты и ссоры неизбежны. Повышенная реактивность приводит к тому, что внутри эмигрантского сообщества возникает своего рода многополярность: различные лагеря, течения, враждующие между собой. (...) Эмиграцию породили конфликты человека и общества, и наш безжалостный строй вытеснял за границу то, что ему не удавалось переварить, сломать, ассимилировать или уничтожить. Это происходило циклами — очередная волна эмиграции уносила с собой самый острый конфликт этого времени. Но в другой период суть борьбы была иной — ведь страна меняется, меняются и люди с их взглядами, пристрастиями, идеалами. Что бы там ни было, Россия потеряла множество светлых умов, ярких талантов, золотых рук. Не по нашей вине эти люди оказались вдали от Родины, но историческую ответственность за это несем и мы».

Научная, культурная и деловая программы Конгресса составлялись с таким расчетом, чтобы каждый смог найти интересующую его тему, своих единомышленников. Тематика «круглых столов» охватывала все основные сферы гуманитарного знания, проблемы политического развития и делового сотрудничества. Формой организации научной программы Конгресса не случайно был выбран «круглый стол». Именно эта форма давала возможность каждому стать свидетелем и участником свободной научной полемики, высказать свое мнение.

Невозможно рассказать о каждом круглом столе: ведь только в Москве их состоялось двадцать шесть. Ограничимся лишь несколькими из них.

В Институте русского языка АН СССР проходил круглый стол «Русский язык в современном мире: проблемы и перспективы». Его организовали Отделение литературы и языка АН СССР, Институт русского языка АН СССР и Институт русского языка им. А. С. Пушкина. Этот круглый стол вели директор ИРЯз АН СССР Ю. Н. Караулов и президент Академии педагогических наук СССР В. Г. Костомаров. В дискуссии приняли участие академик-секретарь ОЛЯ АН СССР академик Е. П. Чельшев, академик Д. Н. Шмелев, ученые Института русского языка АН СССР, Института русского языка им. А. С. Пушкина и др.

Открывая круглый стол, Ю. Н. Караулов рассказал о деятельности института, очертил круг наиболее актуальных проблем, определяющих состояние современного русского языка.

Участники круглого стола говорили о языковой ситуации в стране, о связи языка и нации, русского языка и культуры, образования и русского языка и мн. др.

В большинстве выступлений высказывалась мысль о том, что русская эмиграция в лице своих лучших представителей является истинной наследницей русского литературного языка.

Подводя итоги обсуждению, академик Е. П. Чельшев отметил необходимость укрепления связи с соотечественниками, сохранившими высокую культуру русской речи.

Несколькими днями позже в Библиотеке иностранной литературы проходил круглый стол «Россия XX века: кризис духовности». О единстве русской культуры, сохранении русского самосознания говорили Джеймс Биллингтон, директор Библиотеки Конгресса США, писатель Лев Копелев, живущий в ФРГ, Ирина Кириллова, профессор русской литературы Кембриджского университета, М. Н. Толстой, народный депутат РСФСР, академик Е. П. Чельшев, Вяч. Вс. Иванов, директор Библиотеки иностранной литературы, и другие. Проблемы нынешнего состояния православной церкви, а также взаимоотношений с католической церковью были затронуты Ириной Постновой, директором русско-бельгийского издательства «Жизнь с богом», представителем отдела внешних церковных сношений московского Патриархата, отцом Иосифом Пустолутовым и др.

Не меньшее внимание научной общественности привлекла тема круглого стола «Россия и славянский мир». Под руководством академика Н. И. Толстого, являющегося председателем Советского комитета славистов, обсуждались актуальные проблемы нынешней ситуации в Восточной Европе. Во многих выступлениях подчеркивалось, что в период дезинтеграции, который ныне переживают славянские страны и народы, очень важно обратиться к историческим событиям, являвшим собой примеры их плодотворного взаимодействия.

Каковы же итоги Конгресса? Принят целый ряд совместных решений, завязались новые деловые контакты, но главное — сделан шаг навстречу друг другу. «Мы все соотечественники, и это главное. Россия вступила на путь духовного, социального и экономического возрождения, и взаимоотношения с российским зарубежьем приобретают исключительное значение». Нам кажется, что под этими словами М. Н. Толстого могли бы подписаться все участники Конгресса. Первый шаг сделан, следующий — дело времени.

А. С. Подчасов ©